

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ

**КРАТКИЙ КУРС
ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ**

**Москва
Международная
педагогическая академия
1995**

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ
**КРАТКИЙ КУРС
ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ**

Читальный зал

Москва Международная педагогическая академия 1995

ББК 88.1 Я 77

Труды членов Академии педагогических и социальных наук

Рецензент

доктор психологических наук, профессор *Д. И. Фельдштейн*

Печатается по рекомендации редакционно-издательского совета Академии педагогических и социальных наук

ЯРОШЕВСКИЙ М. Г.

Я 77 Краткий курс истории психологии: Учебное пособие.— М.: Международная педагогическая академия, 1995. — 144 с.

ISBN 5—87977—008—7

В пособии кратко рассмотрены этапы развития психологических знаний и психологии как самостоятельной науки, а также представлена эволюция основных школ и направлений.

Книга адресована учащимся колледжей, студентам и преподавателям психолого-педагогических специальностей, а также тем, кто интересуется вопросами психологии.

ISBN 5—87977—008—7

ББК 88.1

© Международная педагогическая академия, 1995/

ОТ АВТОРА

Современное научное знание о психике, о душевной жизни человека развивается в двух направлениях: с одной стороны, оно пытается ответить на вопросы об устройстве и ценности этой жизни сегодня, в конце XX столетия, с другой — возвращается к множеству былых ответов на эти вопросы. Оба направления нераздельны: за каждой проблемой сегодняшней научной психологии стоят достижения прошлого.

На извилистых, порой запутанных путях истории науки возводились несущие конструкции всей системы обусловленных логикой и опытом представлений о поведении и сознании. Помочь читателю проследить, как из века в век создавалась эта система,— задача этой книги. В ней конспективно представлены наиболее значимые, на взгляд автора, результаты, полученные историками психологии, теми, кто занят изучением событий, занесенных в летопись психологического познания,

Конечно, подход каждого исследователя своеобразен, на нем сказываются приметы времени. Кроме того, историк изучает то, чего уже нет; изменить же свершившееся невозможно. И все же — «ничто так не меняется, как неизменное прошлое»; оно по-разному видится в зависимости от методологических воззрений, в данном случае — от воззрений на отличие науки от других видов человеческой деятельности.

В смене научных теорий и фактов, которую иногда называют «драмой идей», есть определенная логика — сценарий этой драмы. Вместе с тем, «производство» знаний всегда совершается на конкретной социальной почве и зависит от внутренних, непознанных механизмов творчества ученого. Поэтому, для того, чтобы воссоздать полноценную картину этого производства, любую научную информацию о психическом мире необходимо рассматривать *в системе трех координат: логической, социальной и личностной* (обычно связанной с биографией ученого).

3

Знакомство с историей науки имеет значение не только в познавательном плане, т. е. с точки зрения приобретения информации о конкретных теориях и фактах, научных школах и дискуссиях, открытиях и заблуждениях. Оно исполнено также глубинного личностного, духовного смысла.

Человек не может осмысленно жить и действовать, если его существование не опосредовано какими-то устойчивыми ценностями, несравненно более прочными, чем его индивидуальное Я. К таким ценностям относятся и создаваемые наукой: они надежно сохраняются, когда обрывается тонкая нить индивидуального сознания. Приобщаясь к истории науки, мы ощущаем причастность к великому делу, которым веками были заняты благородные умы и души и которое незыблемо, пока существует человеческий разум.

Этим установкам автор стремился следовать в своих историко-психологических работах, многие положения которых использованы в данном пособии.

Раздел I. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

История психологии — это особая отрасль знания, имеющая собственный предмет. Его нельзя смешивать с предметом самой психологии как науки.

Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной или психической.

Каждый знает, что люди различаются по характеру, способности запоминать и мыслить, действовать мужественно или трусливо и т. п. Такие обыденные представления о различиях между людьми складываются у нас с малых лет и обогащаются по мере накопления жизненного опыта.

Иногда хорошим психологом называют писателя или судью, а то и просто того, кто лучше других разбирается в окружающих людях, в их вкусах, предпочтениях, мотивах их поступков и т. д. В этом случае под психологом разумеют знатока человеческих душ (независимо от того, читал ли он книги по психологии, обучался ли специальному анализу причин поведения или душевной смуты), т. е. здесь мы имеем дело с **житейскими представлениями о психике**.

Однако житейскую мудрость следует отличать от **научного знания**. Именно благодаря ему люди овладели атомом, космосом и компьютером, проникли в тайны математики, открыли законы физики и химии... И не случайно научная психология стоит в одном ряду с этими дисциплинами. Более того, ее предмет неизмеримо сложнее, ибо сложнее человеческой психики нет ничего в известной нам Вселенной.

Каждая новая крупица научного знания о психике Добывалась усилиями многих поколений исследователей природы и психической организации человека, динамики его внутренней жизни. За теориями и фактами науки скрыта напряженная коллективная работа лю-

5

дей. Развитие принципов этой работы, переходы от одних ее форм к другим изучает **история психологии**.

Итак, у психологии один предмет, а у истории психологии — другой. Их непременно следует разграничивать.

Что же является **предметом психологии**? Психика живых существ во всем великом многообразии ее внешних и внутренних проявлений; корреляции между этими проявлениями и процессами в центральной нервной системе; обусловленность психики социальными отношениями субъекта, роль его личностных качеств — все эти и другие психические феномены подчинены определенным закономерностям, открыть которые призвана научная психология. Таков ее предмет, отграничивающий ее от физиологии, социологии и других дисциплин.

У истории же психологии свой предмет. Эта наука изучает в исторической перспективе исследовательскую деятельность тех, кто добывает научное знание о психике. Повторим еще раз: ее предмет — не психика как таковая, сама по себе, а деятельность тех, кто, используя ..специальные методы, изучает ее механизмы и законы. Эта деятельность по исторической реконструкции прошлого науки совершается отнюдь не бессистемно, но имеет определенные закономерности.

История психологии стремится объяснить, каким образом, благодаря каким факторам психическая жизнь выдает пытливому научному уму свои тайны, как от незнания мысль переходит к знанию, как от одной эпохи к другой рождаются новые представления, как одни теории сменяются другими, как на пути от известного к неизведанному наука открывает, в случае успе- ха, новые грани психического. В этом и состоит уникальная область истории психологии, ее особый предмет.

Перед психологом возникает Множество вопросов, касающихся поведения и видов эмоций, силы воли и характера, взаимоотношений и совместимости людей, их подверженности внешним влияниям, страстям и т. д. Вопросы такого рода задавались искателями истины о человеческой природе из века в век, из поколения в поколение, и ответы на них были самыми различными. Изучение этих мнений — при всем невероятном их разнообразии — дает основание полагать, что в работе научной мысли имеется несколько главных и устойчивых

6

способов и принципов объяснения. Их ценность проведена важностью полученных научных результатов. Поэтому, листая летопись истории науки, мы видим проходящие через нее прочные, постоянные (говоря научным языком — инвариантные) стержни, на которых держатся различные теоретические конструкции. Среди этих стержней особое значение имеет **принцип детерминизма**, или причинности.

Термин *детерминизм* происходит от латинского слова «детермино» («определяю») и означает, что объяснить явление — значит открыть факторы, которые его порождают и определяют, т. е. его причины (или детерминанты). Научное знание — это прежде всего знание причин. Благодаря ему наука, как говорил И. П. Павлов, отличается «предсказанием и властью». Иными словами, опираясь на надежную информацию о причинах, можно предсказать, какие изменения они произведут, например, в организме, в психическом строе человека. Благодаря же такому прогнозу можно в известных пределах обрести власть над психическим процессом, управлять им, изменить его ход. Некогда древнегреческий философ сказал, что он готов был бы отдать Персидское царство (а в ту эпоху Персия была богатейшей страной) за одно причинное объяснение. Этот философ — Демокрит — впервые в истории высказал идею о том, что вся природа состоит из мельчайших неделимых частиц — атомов, движение которых служит причиной всего сущего. Еще до Демокрита другой древнегреческий мудрец, Фалес, смог, изучая движение небесных светил, предсказать солнечное затмение.

Идея детерминизма сильна тем, что предполагает определенную закономерность хода событий. Они возникают и сменяют друг друга не хаотически и произвольно, но только под действием факторов, которые доступны разумному объяснению и опытной проверке.

Мысль является научной в тех пределах, в каких компасом для нее служит принцип детерминизма. Это хорошо понимали древние психологи. Так, уже упомянутый Демокрит учил, что различия в ощущениях (например, звука, запаха) зависят от того, какие атомы «залетают» в органы чувств, и от того, как устроены сами эти органы. Перед нами чисто детерминистское объяснение. Субъективные ощущения имеют объективные основания (различия в строении атомов, в устройстве телесного органа). Наши современные взгляды на

7

механизм возникновения ощущений — зрительных, слуховых и других — гораздо сложнее, чем у Демокрита. Однако общий принцип, который он отстаивал, принцип причинности (детерминизма), остался в науке и две с половиной тысячи лет спустя столь же незыблемым.

Субъективный факт (испытываемое нами ощущение) мы объясняем воздействием внешних стимулов на особым образом организованное нервное устройство (органы зрения или слуха). В то же время причинность вовсе не означает пассивного и безразличного характера самой психики. Дело в том, что психика, в свою очередь, оказывается при определенных условиях могучим причинным фактором. Это хорошо объяснил другой великий древнегреческий философ Аристотель. Отвечая на вопрос о том, почему одни люди являются нравственными, другие — безнравственными, он говорил: «Все, что мы имеем от природы, то мы получаем лишь в виде возможностей и впоследствии преобразуем их в действительность»¹.

Как же происходит подобное преобразование возможности в действительность? От каких факторов (детерминант) это зависит? Согласно Аристотелю — от поступков человека. Но разве не очевидно, что поступок человека зависит от него самого — от его личности, от его психологической направленности на добрые или несправедливые дела. «Справедливым, — писал Аристотель, — человек становится, творя дела справедливые, а умеренным — поступая с умеренностью, а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком»².

Итак, знание о психике приобретало все более научный характер благодаря укреплению принципа детерминизма. Душа человека теперь мыслилась не только как продукт природных сил или стихий. Напротив, допускалось, что она сама, будучи неотделимой от организма субстанцией (именно такой представлял ее Аристотель), влияет на человека, побуждая его действовать так или иначе, совершать нравственные или безнравственные поступки. Человек — это не только определяемое внешними силами или факторами существо. Он сам способен определять (детерминировать) свое поведение, свой характер. Уже из этого явствовало, что в психологии трактовка принципа детерминизма не была

8

идентична той, которая применялась в науках о неорганической природе (где ни солнечное затмение, землетрясение не зависят от человека). В дальнейшем возникали все новые и новые формы личинного объяснения психики. Так, в Новое время (в XVII столетии) организм, деятельность которого, как считали прежде, регулируется душой, стали рассматривать в качестве особого, независимого от бестелесной души механизма, работающего автоматически, как, например, часы. Так появилась неведомая ранее форма детерминизма, которая дала психологии ряд важных теорий, в частности, теорию рефлекса как машинообразной реакции на внешний импульс. Но сознание и воля, как истинно человеческие психические силы, не умещались в эту схему и потому оставались вне научного объяснения.

¹ Этика Аристотеля. СПб., 1908.— С. 23.

² Там же. С. 28.

Крутой поворот в трактовке детерминизма связан с появлением в середине прошлого столетия учения Дарвина, который ввел принципиально новый тип причинного объяснения, доказав, что нельзя понять поведение организма вне его наследственности, изменчивости и естественного отбора, вне приспособления к среде, в которой он должен выжить. Это создало еще одну форму объяснения психики с позиций детерминизма. Сознание стало рассматриваться как важный инструмент управления поведением, инструмент, благодаря которому происходит адаптация организма к среде.

На этом развитие принципа детерминизма не завершилось. Марксизм показал, что существует особая; форма детерминации явлений сознания, обусловленная зависимостью человека от действия социальных сил. Много нового внесла в принцип детерминизма современная научно-техническая революция. Прежде всего это связано со способностью *машин* (компьютеров) выполнять те интеллектуальные операции, которые раньше считались атрибутом лишь человеческого мозга.

Даже этот беглый обзор говорит о том, что детерминизм — основной объяснительный принцип психологии—претерпел на протяжении столетий коренные изменения. Глубокие преобразования испытали и другие принципы и категории психологии.

Какая же наука может объяснить всю эту сложную многовековую динамику, от которой зависит прогресс мысли, возможность более эффективно изучать поведение? Этой наукой является история психологии. Она

9

показывает, каким образом происходит органический рост знаний, каким законам он подчинен.

Значит, изучение истории науки, в частности, истории психологии не сводится к простой записи событий, сменявших друг друга во времени. При внимательном взгляде на проблему, отвлекаясь от частных случаев, можно заметить, что рост (развитие) знания подчинен определенным законам. Еще раз подчеркнем, что эти законы отличны от тех, по которым в нашем мозгу возникает образ какого-либо человека, усваивается навык, вспыхивает чувство или потребность что-либо сделать. Все это относится к предмету психологии, изучающей восприятие, чувства, навыки, волю.

Обращаясь же к предмету истории психологии, мы решаем совершенно другую задачу. Мы стараемся узнать, как изменялись из века в век знания людей о самих себе, о своей психике; выяснить, почему и по каким законам они изменялись. Ведь наши нынешние знания — тоже продукт истории. Пройдет немного времени, и они станут другими. Но как бы они не менялись, то, что в них соответствует истине, останется и будет сохранено следующими поколениями так же, как мы сохранили достижения Аристотеля, Декарта, Дарвина, Маркса, Павлова и многих других мыслителей, в ответах которых на вопросы о сущности психики содержались крупинки истины. Мы не должны быть «Иванами, не помнящими родства», полагающими, будто история начинается с нас. Благодаря истории перед нами - вырастает величественное древо человеческого познания. Одним из его ответвлений являются наши сегодняшние знания о психике, об условиях ее развития, о перспективах научного овладения факторами, от которых зависит воспитание и обучение личности, ее самосовершенствование.

Поскольку знание является продуктом умственной работы, **история психологии обычно выступает как история научно-психологической мысли**. Научное познание отличается от других способов познания психической жизни (в религии, в искусстве, в сфере житейской мудрости). Наука выступает перед нами обычно в виде различных формул, таблиц, выводов из наблюдений и экспериментов. Прежде чем все это было накоплено и зафиксировано, ученым приходилось не раз ошибаться и заблуждаться, вести полемику с противниками и конкурентами. Это была драматическая борьба идей, не только побеждающих, но и терпящих поражения,

10

идей, авторами которых были конкретные люди, отстаивавшие свое любимое детище, боровшиеся за него. Поэтому драма идей нередко оборачивалась (и оборачивается) драмой людей.

Борьба за истину выглядит не так гладко и безоблачно, как это часто описывается в учебниках. Причем наиболее драматичными бывают ситуации, когда обсуждаются и решаются проблемы, касающиеся природы человека, его психики, сознания. Нельзя забывать о том, что эти вопросы отнюдь не нейтральны к тем воззрениям, которые претендуют на власть над умами, особенно, если речь идет о мировоззрении.

Приведем один пример. Отец русской физиологической и научной психологии Иван Михайлович Сеченов опубликовал работу «Рефлексы головного мозга» (он назвал ее «психологическим этюдом»), в которой научно объяснил механизм происхождения сознания и воли. Говорят, что тогда в России не мог считаться образованным человек, не прочитавший это замечательное произведение. Его изучали не только специалисты в области физиологии и психологии; о нем писали журналы и газеты, его читал Л. Н. Толстой, великий русский драматург А. Н. Островский рекомендовал, как надо воспитывать актеров «по Сеченову».

Однако царская цензура усмотрела в сеченовском трактате криминал, поскольку он не соответствовал официальной идеологии и ставил под вопрос веру в бессмертие души. На книгу был наложен арест, а автора привлекли «суду, который, правда, провести не удалось».

Разве не удивительно, что чисто научное исследование вызвало широчайший общественный резонанс? Когда эту книгу перевели на французский язык, Сеченова избрали председателем первого Международного конгресса по психологии в Париже. По его книге учились многие психологи, в том числе ставший впоследствии знаменитым венский врач Зигмунд Фрейд — создатель психоанализа. Учились «по Сеченову» и Павлов, и наш великий психолог Л. С. Выготский. Незримая Цепь связывает сменяющие друг друга поколения. Своим коллективным трудом, передавая своего рода тафету, они достигают в данную конкретную эпоху РШИНЫ мысли — вершины, овладев которой, новые поколения ученых устремляются дальше.

Перечислим главные задачи истории психологии как особой отрасли знаний. Имеется определенная последо-

11

вательность в смене типичных «формаций» научного мышления (его стилей и структур): каждая «формация» определяет типичную для данной эпохи картину психической жизни. Закономерности этой смены (преобразования одних категорий и понятий в другие) изучаются историей психологии и только ею одной. Отсюда ее первая уникальная задача: изучить закономерности развития знаний о психике. Вторая задача — раскрыть взаимосвязь психологии с другими науками, от которых зависят ее достижения. Третья задача — выяснить зависимость зарождения и восприятия знаний от социокультурного контекста, от идеологических влияний на научное творчество, т. е. от запросов общества (ибо наука — не изолированная система и призвана отвечать на эти запросы). И, наконец, четвертая задача: изучить роль личности, ее индивидуального пути в становлении самой науки.

Незнание истории ведет к «патологии в науке»,¹ к тому, что люди начинают «изобретать велосипед», открывать давно открытое. И тогда наука движется на холостом ходу, новые знания не добываются, и общество напрасно тратит свои ресурсы.

Сравним познание истории науки с познанием человека. Откуда мы можем узнать, на что он способен? Только из его прошлых поступков. Неповерхностно судить о человеке можно, лишь зная его биографию. Равным образом узнать, на что способна психология, мы можем только из информации о том, что ей удалось сделать прежде, из ее истории, которая есть жизнеописание, жизнепонимание этой науки.

История — это память науки. Человек, лишившись памяти (такое заболевание называется амнезией), к несчастью, становится существом мгновенья. Его настоящее безвозвратно исчезает в прошлом и мертво для будущего. Благодаря знанию истории, мы способны, наряду с нашим собственным малым опытом, приобщиться к богатствам опыта прежних поколений искателей истины о психическом мире человека.

Раздел 2. АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Некогда студенты шутили, советуя на экзаменах по любому предмету на вопрос о его родоначальнике смело отвечать: «Аристотель». Этот древнегреческий философ и естествоиспытатель, живший в IV -веке до н. э., заложил первые камни в основание многих дисциплин. Аристотеля по праву следует считать также основоположником психологии как науки: его трактат «О душе» стал своего рода первым курсом общей психологии. Кстати, касаясь предмета психологии, мы следуем подходу, принятому Аристотелем, который сначала изложил историю вопроса, мнения своих предшественников, объяснил отношение к ним и лишь затем, используя их достижения и просчеты, предложил свои решения.

Как бы высоко ни поднялась мысль Аристотеля, обессмертив его имя, за ней стояли поколения древнегреческих мудрецов — философов-теоретиков, испытателей природы, натуралистов, медиков. Их труды привели к революционным изменениям в представлениях об окружающем мире, начало которых было связано с преодолением древнего *анимизма*.

Анимизм (от лат. «анима» — душа, дух) — вера в скрытый за видимыми вещами сонм духов (душ) как особых «агентов» или «призраков», которые покидают человеческое тело с последним дыханием или (например по мнению знаменитого философа и математика ифагора), будучи бессмертными, вечно странствуют о телам животных и растений. Древние греки называли душу словом «псюхе», которое и дало имя нашей науке. В нем сохранились следы изначального понимания связи жизни с ее физической и органической основой (ср. русские слова: «душа, дух» и «дышать», «воздух»).

Интересно, что уже в ту древнейшую эпоху люди, говоря о душе («псюхе»), связывали между собой явления, присущие внешней природе (воздух), организму

13

(дыхание) и психике (в ее последующем понимании) хотя, конечно, в житейской практике они прекрасно различали эти понятия. Знакомясь с представлениями о человеческой психологии по древним мифам, нельзя не восхититься тонкостью понимания людьми богов, на деленных коварством или мудростью, мстительностью или великодушием, завистью или благородством — всеми теми качествами, которые творцы мифов познали в земной практике своего общения с ближними. Эта *мифологическая картина мира*, где тела заселяются ду. шами (их «двойниками» или призраками), а жизнь зависит от настроения богов, веками царил в общественном сознании.

Настоящей революцией в развитии мысли стал **переход от анимизма к гилозоизму** (от греч. слов, означающих «материя» и «жизнь»), в соответствии с которым весь мир, космос считался изначально живым; границы между живым, неживым и психическим не проводилось — все они рассматривались как порождения единой¹ живой материи. Тем не менее это философское учение стало великим шагом на пути познания природы психического. Гилозоизм покончил с анимизмом (хотя последний и продолжал на протяжении столетий, вплоть до наших дней, находить множество приверженцев, считавших душу внешней по отношению к телу сущностью) и впервые подчинил душу (психику) общим законам природы, естества, утвердив непреложный и для современной науки постулат об изначальной вовлеченности психических явлений в круговорот природы.

Гилозоисту Гераклиту (конец VI — начало V в. до н.э.) космос представлялся в образе «вечно живого огня», а душа («психея») — в образе, его искорки. Все сущее подвержено вечному изменению: «Наши тела и души текут как ручьи». Другой афоризм Гераклита гласил: «Познай самого себя». Но в устах философа это вовсе не означало, что познать себя — значит уйти вглубь собственных мыслей и переживаний, отвлечься от всего внешнего. «По каким бы дорогам ни шел, не найдешь границ души, так глубок ее Логос», — учил Гераклит. Термин *Логос*, введенный Гераклитом, со временем приобрел великое множество смыслов, но для «его самого он означал закон, по которому «все тенет», по которому явления переходят друг в друга. Малый мир (микрокосм) отдельной души идентичен макрокосму всего миропорядка; следовательно *постигать себя* (свою «психею») — значит углубляться в закон (Ло-

14

тос), который придает непрерывно текущему ходу вещей сотканную из противоречий и катаклизмов динамическую гармонию. После Гераклита (его называли «темным» из-за трудности понимания и «плачущим», так как будущее человечества он считал еще страшнее настоящего). В запас средств, позволяющих читать «книгу природы» со смыслом, вошла идея закона, который правит всем сущим, в том числе — безостановочным течением тел и души, когда «нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

Идея Гераклита о том, что от закона (а не от про-э богов-властителей неба и земли) зависит ход получила свое развитие у Демокрита (вторая пол. V — нач. IV в. до н.э.). Сами боги в его изображении — это не что иное как сферические скопления огненных атомов. Человек также создан из различных сортов атомов; самые подвижные из них — атомы огня, образующие душу.

Единым и для души, и для космоса Демокрит признавал закон не сам по себе, а закон, согласно которому нет беспричинных явлений: все они суть неотвратимый результат соударения атомов. Случайными же люди называют те события, причин которых не знают. Демокрит был дружен с Гиппократом (вторая пол. V — нач. IV в. до н.э.), знаменитым медиком, изучавшим устройство человеческого организма и исследовавшим причины болезней. Главной причиной различий между здоровым и больным человеком Гиппократ считал пропорции, в которых находятся в организме различные «соки» (кровь, желчь, слизь); эти пропорции он называл темпераментами. **С именем Гиппократа связывают дошедшие до наших дней названия четырех темпераментов: сангвинический (преобладает кровь), холерический (желтая желчь), меланхолический (черная желчь), флегматический (слизь).**

Для будущей научной психологии этот объяснительный принцип, при всей его наивности, имел очень важное значение (недаром терминология Гиппократа сохранилась поныне). Во-первых, на передний план выдвигалась гипотеза, согласно которой бесчисленные различия между людьми можно сгруппировать по не-^кольким общим признакам поведения; тем самым за-ладывались начала *научной типологии*, лежащие в ос-ове современных учений об индивидуальных разли-ях между людьми. Во-вторых, источник и причину *У* личий Гиппократ искал *внутри организма*; душев-

15

ные качества ставились в зависимость от телесных. О роли нервной системы в ту эпоху еще не знали, поэтому типология являлась, говоря нынешним языком гуморальной (от латинского «гумор» — жидкость).

Следует, впрочем, заметить, что в XX веке ученые обратились к исследованиям как нервных

процессов, так и жидких сред организма, его гормонов (греческое слово, обозначающее то, что возбуждает). Теперь и мы дики, и психологи говорят об единой нейрогуморальной регуляции поведения. Если взглянуть на гипократовы темпераменты с общетеоретических позиций, то можно заметить их слабую сторону (впрочем, она присуща и современным типологиям характеров): организм рассматривался как смесь — в неких пропорциях — разн. личных элементов, однако каким образом эта смесь превращалась в гармоничное целое, оставалось загадкой.

Разгадать ее попытался философ Анаксагор (V в. до н.э.). Он не принял ни гераклидово воззрение на мир как на огненный поток, ни демокритову картину атомных вихрей. Считая природу состоящей из множества мельчайших частиц, он искал в ней начало, благодаря которому из хаоса, из беспорядочного скопления и движения этих частиц возникает организованный космос. Таким началом Анаксагор признал «тончайшую вещь», которой дал имя «нус» (разум); он полагал, что от того, насколько полно представлен разум в различных телах, зависит их совершенство³. «Человек,— говорил Анаксагор,— является самым разумным из животных вследствие того, что имеет руки». Выходило, что не разум определяет преимущества человека, но его телесная организация определяет высшее психическое качество — разумность.

Принципы, сформулированные Гераклитом, Демокритом и Анаксагором, создавали главный жизненный нерв будущей системы научного осмысления мира, в том числе и познания психических явлений. Какими бы извилистыми путями ни шло это познание в последующие века, оно подчинялось идеям **закона, причинности и организации**. Открытые две с половиной тысячи лет назад в Древней Греции объяснительные причины стали на все времена основой объяснения душевных явлений.

16

Совершенно новую сторону познания этих явлений открыла деятельность философов-софистов (от греч. слова «софия» - «мудрость»). Их интересовала не природа, с ее не зависящими от человека законами, но сам человек, который как гласил афоризм первого софиста Протагора, «есть мера всех вещей». Впоследствии прозвище «софист» стало применяться к лжеумудрецам, выдающим с помощью различных уловок мнимые доказательства за истинные. Но в истории психологического познания деятельность софистов открыла новый объект: отношения между людьми, изучаемые с использованием средств, призванных доказать и внушить любое положение независимо от его достоверности.

В связи с этим детальному обсуждению были подвергнуты приемы логических рассуждений, строение речи, характер отношений между словом, мыслью и воспринимаемыми предметами. Как можно что-либо передать посредством языка, спрашивал софист Горгий, если его звуки ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами. И это не было лишь логическим ухищрением, но поднимало реальную проблему. Она, как и другие вопросы, обсуждавшиеся софистами, подготавливала развитие нового направления в понимании души.

Были оставлены поиски природной «материи» души. На передний план выступило изучение речевой и мыслительной деятельности с точки зрения ее использования для манипулирования людьми. Их поведение ставилось в зависимость не от материальных причин, как то представлялось прежним философам, вовлекшим душу в космический круговорот. Теперь она попадала в сеть произвольно творимых логиколингвистических хитросплетений. Из представлений о душе исчезали признаки ее подчиненности строгим законам и неотвратимым причинам, действующим в физической природе. Язык и мысль лишены подобной неотвратимости; они полны условностей и зависят от человеческих интересов и пристрастий. Тем самым действия души приобретали зыбкость и неопределенность. Вернуть им прочность и надежность, но коренящиеся не в вечных законах макрокосмоса, а во внутреннем строе самой души стремился Сократ (V в. до н.э.).

Об этом философе, ставшем на все века идеалом бескорыстия, честности, независимости мысли, мы знаем его учеников. Сам же он никогда ничего не писал и считал себя не учителем мудрости, а чело-

17

веком, пробуждающим в других стремление к истине путем особой техники диалога. Подбирая определенные вопросы. Сократ помогал собеседнику «родить» ясное и отчетливое знание. Он любил говорить, что продолжает в области логики и нравственности дело своей матери — повитухи. Уже знакомая нам формула Гераклита «познай самого себя» означала у Сократа совсем иное: она направляла мысль не к вселенскому закону (Логосу) в образе космического огня, но к внутреннему миру субъекта, его убеждениям и ценностям его умению действовать разумно согласно пониманию лучшего.

Сократ был мастером устного общения. С каждым встречным человеком он затевал беседу, заставляя его задуматься о беспечно применяемых понятиях. Впоследствии даже говорили, что Сократ

³ Анаксагор понимал разум как способ организации тел.

был пионером психотерапии, пытаясь с помощью слова обнажить то что скрыто за внешними проявлениями работы ума. Во всяком случае, в его методике таились идеи, сыгравшие через много столетий ключевую роль в психологических исследованиях мышления. Во-первых, работа мысли ставилась в зависимость от задачи, создающей препятствие для ее привычного течения. Именно такой задачей становилась система вопросов, которую Сократ обрушивал на собеседника, пробуждая тем самым его умственную активность. Во-вторых, эта активность изначально носила характер диалога. Оба признака: а) направленность мысли (детерминирующая тенденцию), создаваемая задачей, и б) диалогизм, предполагающий, что познание изначально социально, поскольку коренится в общении субъектов, стали в XX веке главными ориентирами экспериментальной психологии мышления.

После Сократа, в центре интересов которого была преимущественно умственная деятельность (ее продукты и ценности) индивидуального субъекта, понятие о душе наполнилось новым предметным содержанием. Его составляли совершенно особые сущности, которых физическая природа не знает. Мир этих реалий стал сердцевиной философии ученика Сократа Платона (конец V — первая пол. IV в. до н. э.).

Платон создал в Афинах свой «научно-учебный центр», названный Академией, у входа в которую было написано: «Не знающий геометрии да не войдет сюда». Геометрические фигуры, общие понятия, математические формулы, логические конструкции — все это

18

особые умопостигаемые объекты, наделенные, в отличие от калейдоскопа чувственных впечатлений (изменчивых, надежных, у каждого разных), незыблемостью и обязательностью для любого индивидуума. Возведя эти объекты в особую действительность, чуждую чувственному земному миру, Платон увидел в них веру вечных идеальных форм, скрытых за небосводом в виде особого нетленного царства идей.

Все чувственно-воспринимаемое, от неподвижных звезд и до непосредственно ощущаемых предметов, суть лишь затемненные идеи, их несовершенные слабые копии. Утверждая принцип первичности сверх прочных общих идей по отношению ко всему происходящему в тленном телесном, материальном мире, Платон стал родоначальником философии идеализма.

Каким же образом осевшая в брэнной плоти душа приобщается к вечным идеям? Всякое знание, согласно Платону, есть *воспоминание*. Душа вспоминает (для этого требуются специальные усилия) то, что ей довелось созерцать до своего земного рождения.

Опираясь на опыт Сократа, доказавшего нераздельность мышления и общения (диалога), Платон сделал следующий шаг. Он под новым углом зрения оценил процесс мышления, не получающий выражения в со-кратовом, (внешнем диалоге. В этом случае, по мнению Платона, его сменяет диалог внутренний: «Душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая». Феномен, описанный Платоном, известен современной психологии как *внутренняя речь*, а процесс ее происхождения из речи внешней (социальной) получил название *интериоризации* (от латинского «интериор» — внутренний). У самого Платона нет этих терминов; тем не менее перед нами теория, прочно вошедшая в современное научное знание об умственном устройстве человека.

Дальнейшее развитие понятия о душе шло в направлении его дифференциации, выделения различных «частей» и функции души. У Платона их разграничение имеет этический смысл. Об этом свидетельствует платоновский миф о вознице, правящем колесницей, в которую впряжены два коня: один — дикий, способный идти собственным путем, любой ценой, другой — породистый, благородный, поддающийся управлению. Здесь возница символизирует разумную часть, души, кони — два типа мотивов: низшие и высшие побуждения. Ра-

19

зуму, согласно Платону, трудно согласовать эти мотивы из-за несовместимости низменных и благородных влечений.

Таким образом, в сферу изучения души вводились такие важнейшие аспекты, как *конфликт мотивов*, имеющих различную нравственную ценность, и *роль разума в преодолении конфликта* и интеграции поведения. Спустя столетия версия о взаимодействии трех компонентов, образующих личность как динамическую, раздираемую конфликтами и полную противоречий структуру, оживет в психоанализе Фрейда.

Знание о душе — от его зачатков на античной почве до современных представлений — развивалось, с одной стороны, в соответствии с уровнем знаний о внешней природе, с другой — в результате освоения культурных ценностей. Ни природа, ни культура сами по себе не образуют область психического, однако и последняя не может существовать без взаимодействия с ними. Философы до Сократа, размышляя о психических явлениях, ориентировались на природу, искали в качестве эквивалента этих явлений одну из природных стихий, образующих единый мир, которым правят естественные законы. Лишь сравнив это представление с древней верой в души как особые двойники тел, можно ощутить взрывную силу той

философии, которую исповедовали Гераклит, Демокрит, Анаксагор и другие древнегреческие мыслители. Они разрушили старое мировоззрение, где все земное, в том числе психическое, ставилось в зависимость от прихоти богов, сокрушили мифологию, которая в течение тысячелетий царила в умах людей, возвысили разум и способность человека логически мыслить, попытались найти реальные причины явлений.

Это была великая интеллектуальная революция, от которой следует вести отчет *научного знания* о психике. После софистов и Сократа в объяснениях сущности души наметился поворот к пониманию ее как феномена культуры, ибо входящие в состав души абстрактные понятия и нравственные идеалы невыводимы из вещества природы; они — порождения духовной культуры.

Для представителей обеих ориентации — «природной» и «культурной» — душа выступала как *внешняя* по отношению к организму реалити, либо вещественная (огонь, воздух и др.), либо бесплотная (средоточие понятий, общезначимых норм и пр.). Шла ли речь об атомах (Демокрит), или об идеальных формах (Пла-

20 тон.) — предполагалось, что то и другое попадает в организм извне, со стороны.

Аристотель (IV в. до н. э.) преодолел эти воззрения, открыв новую эпоху в понимании души как предмета психологического знания. Его источником стали для него не физические тела и бестелесные идеи, но организм, где телесное и духовное образуют нераздельную целостность. Душа, по Аристотелю, — это не самостоятельная сущность, а форма, способ организации живого тела. Тем самым было покончено и с наивным анимистическим дуализмом, и с изоциренным дуализмом Платона.

Аристотель был сыном медика при македонском царе и сам готовился к медицинской профессии. Явившись семнадцатилетним юнцом в Афины к шестидесятилетнему Платону, он несколько лет занимался в его Академии, с которой в дальнейшем порвал. Известная картина Рафаэля «Афинская школа» изображает Платона указывающим рукой на небо, Аристотеля — на землю. В этих образах запечатлено различие в ориентациях двух великих мыслителей. По Аристотелю, идейное богатство мира скрыто в чувственно воспринимаемых земных вещах и раскрывается в прямом, опирающемся на опыт общении с ними.

На окраине Афин Аристотель создал собственную школу, названную Ликеем (следуя этому названию, позже словом «лицей» стали называть привилегированные учебные заведения). Это была крытая галерея, где Аристотель, обычно прогуливаясь, вел занятия. «Правильно думают те, — говорил Аристотель своим ученикам, — кому представляется, что душа не может существовать без тела и не является телом».

Кто же имелся в виду под теми, кто «правильно думают»? Очевидно, что не натурфилософы, для которых душа — это тончайшее тело. Но и не Платон, считавший душу паломницей, странствующей по телам и другим мирам. Решительный итог размышлений Аристотеля: «Душу от тела отделить нельзя» противоречил взглядам Платона на прошлое и будущее души. Выходит, что, «правильным» Аристотель считал собственное понимание, согласно которому переживает, мыслит, учится не душа, а целостный организм. «Сказать, что душа гневается, — писал он, — равносильно тому, как если бы кто сказал, что душа занимается тканьем или постройкой дома».

Аристотель был не только философом, но и иссле-

21 дователем природы. Одно время он обучал наукам юного Александра Македонского, который впоследствии приказал отправлять своему старому учителю образцы растений и животных из завоеванных стран.

Накапливалось огромное количество фактов — сравнительно-анатомических, зоологических, эмбриологических и других, ставших опытной основой наблюдений, и анализа поведения живых существ. Обобщение этих фактов, в первую очередь биологических, стало основой психологического учения Аристотеля и преобразования главных объяснительных принципов психологии: организации, закономерности и причинности.

Уже сам термин «организм» требует рассматривать его под углом зрения *организации*, то есть *упорядоченности* целого для достижения какой-либо цели или для решения какой-либо задачи. Устройство этого целого и его работа (функция) нераздельны. «Если бы глаз был живым существом, его душой было бы зрение», — говорил Аристотель. Душа организма — это его функция, работа. Трактую организм как систему, Аристотель выделял в нем различные *уровни способностей* к деятельности. Понятие о способности, введенное Аристотелем, было важным новшеством, навсегда вошедшим в основной фонд психологических знаний. Оно разделяло возможности организма, заложенный в нем психологический ресурс и его практическую реализацию. При этом намечалась схема иерархии способностей как *функций* души: а) вегетативной (она имеется и у растений), б) чувственно-двигательной (у животных и человека), в) разумной (присущая только человеку). Функции души становились уровнями ее развития.

Тем самым в психологию вводилась в качестве важнейшего объяснительного принципа *идея*

развития. Функции души располагались в виде «лестницы форм», где из низшей (и на ее основе) возникает функция более высокого уровня. Вслед за вегетативной (растительной) функцией формируется способность ощущать, на ее основе развивается способность мыслить. При этом в развитии каждого человека повторяются те ступени, которые прошел за свою историю весь органический мир (впоследствии это было названо биогенетическим законом).

Различие между чувственным восприятием и мышлением было одной из первых психологических истиц, открытых древними. Аристотель, следуя принципу развития, стремился найти звенья, ведущие от одной ступени к другой.

В своих поисках он открыл особую область психических образов, которые возникают без прямого воздействия предметов на органы чувств. Сейчас эти образы принято называть *представлениями* памяти и воображения (в терминологии Аристотеля — «фантазии»). Эти образы подчинены открытому опять-таки Аристотелем механизму *ассоциации* — связи представлений. Объясняя развитие характера, он утверждал, что человек становится тем, что он есть, совершая те или иные поступки.

Учение о формировании характера в реальных поступках, которые у людей как существ «политических» всегда предполагают нравственное отношение к другим, ставило психическое развитие человека в причинную, закономерную зависимость от его деятельности.

Изучение органического мира побудило Аристотеля придать новый смысл основному принципу научного объяснения — принципу причинности (детерминизма) Среди различных типов причинности Аристотель выделил особую целевую причину или «то, ради чего совершается действие», ибо, согласно Аристотелю, «природа ничего не делает напрасно» Конечный результат процесса (цель) заранее воздействует на его ход. Психическая жизнь в данный момент зависит не только от прошлого, но и неизбежного будущего (то, что должно произойти, определяется происходящим сейчас).

Итак, **Аристотель преобразовал ключевые объяснительные принципы психологии: системности (организации), развития, детерминизма.** Душа для Аристотеля — это не особая сущность, а способ организации живого тела, представляющего собой систему; душа проходит разные этапы в развитии и способна не только запечатлеть то, что действует на тело в данный момент, но сообразовываться с будущей целью.

Аристотель открыл и изучил множество конкретных психических явлений. Но так называемых «чистых фактов» в науке нет. Любой факт по-разному видится в зависимости от теоретического угла зрения, от тех категорий и объяснительных схем, которыми вооружен исследователь. Обогатив объяснительные принципы, Аристотель представил совершенно иную сравнительно с предшественниками картину устройства, функций и развития души.

После походов македонского царя Александра (IV век до н. э.) возникла крупнейшая мировая монархия древности. Ее последующий распад открыл **новый**

период в истории древнего мира — эллинистический - с характерным для него синтезом элементов культур Греции и стран Востока.

Положение личности в обществе коренным образом изменилось. Свободный грек утрачивал связь с родным городом, стабильной социальной средой и оказывался перед лицом непредсказуемых перемен. Со все большей остротой он ощущал зыбкость своего существования в изменившемся, ставшем чужим мире. Эти сдвиги в реальном положении и в самоощущении личности наложили отпечаток на представления о ее душевной жизни.

Вера в могущество разума, в великие интеллектуальные достижения прежней эпохи ставится под сомнение. Возникает философия скептицизма, рекомендующая вообще воздерживаться от суждений, касающихся окружающего мира, по причине их недоказуемости, относительности, зависимости от обычаев и т. п. (Пир-рон, конец IV в. до н.э.). Такая интеллектуальная установка исходила из этической мотивации. Полагалось, что отказ от поисков истины позволит обрести душевный покой, достичь состояния *атараксии* (от греческого слова, означающего отсутствие волнений).

Идеализация образа жизни мудреца, отрешенного от игры внешних стихий и благодаря этому способного сохранить свою индивидуальность в непрочном мире, противостоять угрожающим самому существованию потрясениям, направляла интеллектуальные поиски двух других доминировавших в эллинистический период философских школ — стоиков и эпикурейцев. Связанные корнями со школами классической Греции, они переосмыслили их идейное наследие соответственно духу новой эпохи.

Школа стоиков возникла в IV в. до н. э. и получила свое название по имени того места в Афинах («стоя» — портик храма), где ее основатель Зенон (не смешивать с софистом Зеноном) проповедовал свое учение. Представляя космос как единое целое, состоящее из бесконечных модификаций огненного воздуха — *пневмы*, стоики считали человеческую душу одной из таких модификаций.

Под пневмой (в исходном значении слова — вдыхаемый воздух) первые натурфилософы понимали единое природное, материальное начало, которое пронизывает как внешний физический космос, так и живой организм

24

и пребывающую в нем псюхе (т. е. область ощущений, чувств мыслей).

У Анаксимена, как у Гераклита и других натурфилософов, воззрение на псюхе как частицу воздуха или огня означало ее порождаемость внешним, материальным космосом. У стоиков же слияние псюхе и природы приобрело иной смысл. Сама природа спиритуализировалась, наделялась признаками, свойственными разуму — но не индивидуальному, а сверхиндивидуальному.

Согласно этому учению, мировая пневма идентична мировой душе, «божественному огню», который является Логосом или, как считали позднейшие стоики, — судьбой. Счастье человека усматривалось в том, чтобы жить согласно Логосу.

Как и их предшественники в классической Греции, стоики верили в примат разума, в то, что человек не достигает счастья из-за незнания, в чем оно состоит. Но если прежде существовал образ гармоничной личности, в полноценной жизни которой сливаются разумное и чувственное (эмоциональное), то у мыслителей эллинистической эпохи, в обстановке социальных невзгод, страха, неудовлетворенности, тревоги, отношение к аффектам изменилось.

Стоики объявили аффектам войну, усматривая в них «порчу разума», поскольку возникают они в результате «неправильной» деятельности ума. Удовольствие и страдание — ложные суждения о настоящем; желание и страх столь же ложные суждения о будущем. От аффектов следует лечить как от болезней. Их нужно «с корнем вырывать из души». Только разум, свободный от любых эмоциональных потрясений (будь то положительные или отрицательные), способен правильно руководить поведением. Именно это позволяет человеку выполнять свое предназначение, свой долг и сохранять внутреннюю свободу.

Эта этико-психологическая доктрина обычно сопрягалась с установкой, которую, говоря современным языком, можно было бы назвать психотерапевтической. Люди испытывали потребность в том, чтобы устоять перед превратностями и драматическими поворотами жизни, лишаящими душевного равновесия. Изучение мышления и его отношения к эмоциям имело не абстрактно-теоретический характер, по соотносилось с реальной жизнью, с обучением искусству жить. Все чаще к философам обращались для обсуждения и решения личных, нравственных проблем. Из искателей

25

истин они превращались в целителей душ, какими позже стали священники, духовники.

На других космологических началах, но с той же этической ориентацией на поиски счастья и искусства жить, основывалась школа Эпикура (конец IV в до н.э.). В своих представлениях о природе эпикурейцы опирались на атомизм Демокрита. Однако в противовес демокритову учению о неотвратимости движения атомов по законам, исключаям случайность, Эпикуру предполагал, что эти частицы могут отклоняться от своих закономерных траекторий. Этот вывод имел этико-психологическую подоплеку.

В отличие от версии о «жесткой» причинности, царящей во всем, что совершается в мире (и, стало быть, в душе как разновидности атомов), эпикурейцы допускали самопроизвольность, спонтанность изменений, их случайный характер. С одной стороны, такой подход отражал ощущение непредсказуемости человеческого существования, с другой — признавал возможность самопроизвольных отклонений, заложенных в самой природе вещей, исключал строгую predeterminedность поступков, предлагал некую свободу выбора. Иными словами, эпикурейцы считали, что личность способна действовать на свой страх и риск. Впрочем, слово «страх» здесь можно употребить только метафорически: весь смысл эпикурейского учения заключался в том, чтобы проникшись им, люди спаслись именно от страха.

Этой цели служило и учение об атомах: живое тело, как и душа, состоит из движущихся в пустоте атомов, которые в момент смерти рассеиваются по общим законам все того же вечного космоса; а раз так, то «смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, когда же смерть наступает, то нас уже нет». Представленная в учении Эпикура картина природы и места человека в ней способствовала достижению безмятежности духа, свободы от страхов, прежде всего, перед смертью и богами (которые, обитая между мирами, не вмешиваются в дела людей, ибо это нарушило бы их безмятежное существование).

Как и многие стоики, эпикурейцы размышляли о путях достижения независимости личности от всего внешнего. Лучший путь они усматривали в самоустранении от всех общественных дел. Именно такое поведение позволит избежать огорчений, тревог, отрицательных эмоций и, тем самым, испытать наслаждение, ибо он» есть не что иное как отсутствие страдания.

Последователем Эпикура в Древнем Риме был Лукреций (I в. до н.э.). Он критиковал учение стоиков о разлитом в природе в форме пневмы разуме. В действительности, согласно Лукрецию, существуют только атомы, движущиеся по законам механики; в результате возникает и сам разум. В познании первичными являются ощущения, преобразуемые (наподобие того, «как паук тклет паутину») в другие образы, ведущие к разуму.

Учение Лукреция (изложенное, кстати, в поэтической форме), как и концепции мыслителей предшествующего, эллинистического периода, было своего рода *наставлением в искусстве выжить*, в водовороте бедствий, навсегда избавиться от страхов перед загробным наказанием и потусторонними силами.

В эллинистический период возникли новые центры культуры, где различные течения восточной мысли взаимодействовали с западной. Среди этих центров выделялись созданные в Египте в III в. до н.э. (при царской династии Птолемеев, основанной одним из полководцев Александра Македонского) библиотека и музей, в Александрии. Музей представлял собой по существу исследовательский институт с лабораториями, помещениями для занятий со студентами. В нем проводились исследования в различных областях знания, в том числе по анатомии и физиологии.

Так, врачи Герофил и Эразистрат, труды которых не сохранились, значительно усовершенствовали технику изучения организма, в частности головного мозга. ТК числу важнейших сделанных ими открытий относится установление различий между чувствительными и двигательными нервами; через две с лишним тысячи лет это открытие легло в основу важнейшего для физиологии и психологии учения о рефлексах.

Другим великим исследователем душевной жизни в ее связи с телесной был древнеримский врач Гален (II в. н. э.). В труде «О частях человеческого тела» он, опираясь на множество наблюдений и экспериментов и обобщив познания медиков Востока и Запада, в том числе александрийских, описал зависимость жизнедеятельности целостного организма от нервной системы.

В те времена запрещалось анатомирование человеческих тел, все опыты ставились на животных. Но Гален, оперируя гладиаторов (рабов, которых римляне считали людьми весьма условно), смог расширить медицинские представления о человеке, прежде всего об

27

его головном мозге, где, как он полагал, производится и хранится «высший сорт» пневмы как носительницы разума.

Широкой известностью в течение многих столетий пользовалось развитие Галеном (вслед за Гиппократом.) учение о темпераментах как о пропорциях, в которых смешаны несколько основных «соков». Темперамент с преобладанием «теплого» он называет мужественным и энергичным, с преобладанием «холодного» — медлительным и т. д.

Большое внимание Гален уделял аффектам. Еще Аристотель писал, что, например, гнев можно объяснять либо межличностными отношениями (стремлением отомстить за обиду), либо «кипением крови» в организме. Гален утверждал, что первичными при аффектах являются изменения в организме («повышение сердечной теплоты»). Стремление же отомстить — вторично. Много веков спустя между психологами вновь возникнут дискуссии вокруг вопроса о том, что первично — субъективное переживание либо телесное потрясение.

Бедствия, которые переживали в жестоких войнах с Римом и под его владычеством народы Востока, способствовали развитию *идеалистических учений о душе*. Именно они подготовили воззрения, которые ассимилировала христианская религия.

Огромную популярность приобрело учение философа-мистика из Александрии Филона (I в. н.э.), учившего, что тело — это прах, получающий жизнь от дыхания божества. Это дыхание и есть пневма. Представление о пневме, которое занимало важное место в античных учениях о душе, носило, как уже говорилось, сугубо гипотетический характер, что создавало почву для иррациональных, недоступных эмпирическому контролю суждений о зависимости происходящего с человеком от сверхчувственных, небесных сил, посредников между земным миром и Богом.

После Филона пневме приписывали функцию общения бральной части души с бестелесными сущностями, связующими ее с Всевышним. Возник особый раздел религиозной догматики, описывавший эти «пневматические» сущности и называвшийся *пневматологией*.

Принцип абсолютной нематериальности души утвердил древнегреческий философ Плотин (III в. н.э.), основатель римской школы неоплатонизма. В основе существования всего телесного он видел *эманацию* (истечение) божественного, духовного первоначала.

Если отвлечься от религиозной метафизики, проникнутой мистикой, то применительно к прогрессу психологической мысли в представлениях Плотина о душе содержался новый важный момент. У Плотина

психология впервые в ее истории становится наукой о сознании, понимаемом как «самосознание». Поворот к исследованию внутренней психической жизни человека наметился в античной культуре задолго до Плотина, однако лишь кризис рабовладельческого общества придал ему смысл отрешенности от реального мира и замкнул сознание на его собственных феноменах.

При заметно нарастающей в эллинистический период Тенденции к индивидуализации, предпосылки для осознания субъектом самого себя в качестве конечного самостоятельного центра психических актов еще не сложились. Эти акты считались производными от пневмы у стоиков, от атомных потоков — у эпикурейцев.

Плотин, вслед за Платоном, учил, что индивидуальная душа происходит от мировой души, к которой она и устремлена; другой вектор активности индивидуальной души направлен к чувственному миру. Сам Плотин выделил, еще одно направление, а именно — обращенность души на себя, на собственные незримые действия: она как бы следит за своей работой, становится ее «зеркалом».

Через много столетий способность субъекта не только ощущать, чувствовать, помнить или мыслить, но обладать внутренним представлением об этих функциях, получила название *рефлексии*. Такая способность не является фикцией; напротив, она служит неотъемлемым «механизмом» сознательной деятельности человека, соединяющим его ориентацию во внешнем мире с ориентацией в мире внутреннем, в «самом себе».

Плотин отграничил этот «механизм» от других психических процессов, на объяснении которых веками была сосредоточена мысль многих поколений исследователей психики. Сколь широк бы ни был спектр этих объяснений, они в конечном счете сводились к поискам зависимости душевных явлений от физических причин, от процессов в организме, от общения с другими людьми.

Рефлексия, открытая Плотиним, не могла быть объяснена ни одним из этих факторов. Она выглядела самодостаточной, не из чего не выводимой сущностью.

29

Таковой она и оставалась на протяжении веков, став исходным понятием *интроспективной психологии сознания*.

В Новое время, когда сложились реальные социальные основы для самоутверждения субъекта как независимой свободной личности, претендующей на уникальность своего психического бытия, рефлексия выступила как основание и главный источник знаний об этом бытии. Такая трактовка содержалась и в первых программах создания психологической науки, имеющей свой собственный предмет, отличающий ее от других наук. Действительно, ни одна наука не занята изучением способности к рефлексии. Конечно, выделяя рефлексиию как одно из направлений деятельности души, Плотин не мог считать индивидуальную душу самодостаточным источником собственных внутренних образов и действий; душа для него — эманация сверхпрекрасной сферы высшего первоначала всего сущего.

Учение Плотина оказало влияние на Августина (IV—V вв.), творчество которого ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению. Августин придал трактовке души особый характер: считая душу орудием, которое правит телом, он утверждал, что ее основу образует воля, а не разум. Тем самым он стал основоположником учения, названного позже **волюнтаризмом** (от лат. «волюн-тас» — воля).

По мнению Августина, воля индивида зависит от божественной и действует в двух направлениях: управляет действиями души и обращает ее к себе самой. Все изменения, происходящие с телом, становятся психическими благодаря волевой активности субъекта. Так, из «отпечатков», которые сохраняют органы чувств, воля создает воспоминания.

Все знание заложено в душе, которая живет и движется в Боге. Оно не приобретается, а извлекается из души опять-таки благодаря направленности воли. Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт: душа поворачивается к себе, чтобы постичь с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые продукты.

Идея о внутреннем опыте, отличном от внешнего, но обладающего высшей истинностью, имела у Августина теологический смысл, поскольку предполагалось, что эта истинность даруется Богом. В дальнейшем трактовка внутреннего опыта, освобожденная от религиозно-

ной окраски, слилась с представлением о интроспекции как особом, присущем только психологии, методе исследования сознания.

В трудах древнегреческих мыслителей мы находим **попытки решения многих проблем, которые и сегодня направляют развитие психологических идей**. В их объяснениях генезиса и структуры души обнаруживаются три направления поиска тех больших, независимых от индивида сфер, по образу и подобию которых трактовался микрокосм индивидуальной человеческой души.

Первым направлением стало объяснение психики исходя из законов движения и развития материального мира, из идеи об определяющей зависимости душевных проявлений от общего строя вещей, их физической природы. (Вопрос о месте психического в материальном мире, поднятый впервые древними

мыслителями, до сих пор остается стержневым в психологической теории.)

Только после того, как была осмыслена производность жизни души от физического мира, их внутреннее родство, а тем самым — и необходимость изучать психику, психологическая мысль смогла продвинуться к новым рубежам, открывшим своеобразие ее объектов.

Второе направление античной психологии, созданное Аристотелем, ориентировалось преимущественно на живую природу; исходной точкой для него служило отличие свойств органических тел от неорганических. Поскольку психика является формой жизни, выдвижение на передний план психобиологической проблемы было крупным шагом вперед. Оно позволило увидеть в психическом не обитающую в теле душу, имеющую пространственные параметры и способную (по мнению как материалистов, так и идеалистов) покидать организм, с которым она внешне связана, а **способ организации поведения живых систем.**

Третье направление ставило душевную деятельность индивида в зависимость от форм, которые создаются не природой, а человеческой культурой, а именно от понятий, идей, этических ценностей. Эти формы, действительно играющие огромную роль в структуре и динамике психических процессов, были, однако, начиная от пифагорейцев и Платона, отчуждены от материального мира, от реальной истории культуры и общества и представлены в виде особых духовных сущностей, чувственно воспринимаемых телом.

Это направление придало особую остроту проблеме,

31

которую следует обозначить как *психогностическую* (от греч. «гнозис» — знание). Под ней надо понимать широкий круг вопросов, с которыми сталкивается исследование психологических фактов, изначально связывающих субъекта с внешней по отношению к нему реальностью — природной или культурной. Эта реальность преобразуется соответственно психическому аппарату субъекта в воспринимаемую им в форме чувственных или умственных образов — будь то образы окружающей среды, поведения в ней личности или ее самой.

Все эти проблемы, так или иначе решавшиеся древними греками, образуют и поныне ядро объяснительных схем, сквозь призму которых видит свою эмпирию современный психолог, какой бы сверхсложной электроникой он ни был вооружен.

Мир культуры создал три «органа» постижения человека и его души: религию, искусство и науку. Религия строится на мифе, искусство — на художественном образе, наука — на организуемом и контролируемом логической мыслью опыте. Люди античной эпохи, обогащенные многовековым опытом человекознания, из которого черпались как мифические представления о характере и поведении богов, так и образы героев эпоса и трагедий, осваивали этот опыт сквозь «магический кристалл» рационального объяснения природы вещей — земных и небесных. Из этих «семян» росло разветвленное древо психологии как науки.

О ценности науки судят по ее открытиям. На первый взгляд, летопись достижений, которыми способна гордиться античная психология, немногословна. Одним из первых стало открытие Алкмеоном того, что органом души является головной мозг. Если отвлечься от исторического контекста, это выглядит невеликой мудростью. Однако, чтобы по достоинству оценить нетри-виальность алкмеонова вывода (который, кстати, был не умозрительной догадкой, но вытекал из медицинских наблюдений и экспериментов), стоит напомнить, что через двести лет после этого великий Аристотель считал мозг своего рода «холодильником» для крови, а душу, с ее способностью воспринимать мир и мыслить, помещал в сердце.

32

Конечно, в те времена возможность экспериментировать над человеческим организмом была ничтожной. Сохранились сведения, что ставились опыты над приговоренными к казни, над гладиаторами и т. п. Нельзя, однако, упускать из виду, что античным медикам приходилось, врачая людей, изменять их психическое состояние; передавать от поколения к поколению сведения об эффективности своих действий, об индивидуальных различиях. Не случайно учение о темпераментах пришло в научную психологию из медицинских школ Гиппократ и Галена.

Не меньшее значение, чем опыт медицины, имели другие формы практики — политическая, юридическая, педагогическая. Изучение приемов убеждения, внушения, ведения словесного поединка, ставшее главной заботой софистов, превратило в объект экспериментирования логический и грамматический строй речи. В практике общения Сократ открыл изначальный диа-логизм (проигнорированный возникшей в XX веке экспериментальной психологией мышления), а его ученик

Платон — внутреннюю речь как интериоризованный диалог. Ему же принадлежит столь близкая сердцу современного психотерапевта модель личности как динамической системы мотивов, разрывающих ее в неизбежном конфликте. Открытие множества психологических феноменов связано с именем Аристотеля (механизм ассоциаций по смежности, сходству и контрасту, открытие образов памяти и воображения, различий между теоретическим и практическим" интеллектом и др.).

Стало быть, сколь скудной ни была бы эмпирическая ткань психологической мысли античности, без нее эта мысль не могла «зачать» традицию, приведшую к современной науке. В то же время никакое богатство реальных фактов не может обрести достоинства научного объяснения безотносительно к умопостигаемой логике их анализа. Эта логика, в отличие от ее всеобщих форм, является *предметной*. Она строится соответственно проблемой ситуации, задаваемой развитием теоретической мысли, овладевающей конкретным предметным содержанием и имеет свои особые формы — *категории*.

В развитии психологии античность прославлена многовековыми великими теоретическими успехами. К ним относятся не только открытия фактов, построение новаторских моделей и объяснительных схем.? Ан-

33

тичные ученые поставили проблемы, веками **направлявшие** развитие наук о человеке. Именно они впервые попытались ответить на вопросы, как соотносятся в человеке телесное и духовное, мышление и общение, личностное и социокультурное, мотивационное и интеллектуальное, разумное и, иррациональное и многое иное,, присущее человеческому бытию. Античные мудрецы и испытатели природы подняли на невиданную дотоле ' высоту культуру теоретической мысли, которая, преобразуя данные опыта, срывала покровы с видимостей здравого смысла и религиозно-мифологических образов.. За эволюцией представлений о сущности души скрыта полная драматических коллизий работа исследовательской мысли, и только история науки **может-рве-крыть** различные уровни постижения этой психической-реальности, неразличимые за самим термином «душа», давшим имя нашей науке.

Раздел 3. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Древнегреческая цивилизация в силу нарастающей социально-экономической деградации общества разрушалась. Постепенно утрачивалась большая часть достигнутых знаний. Жестокие удары по распадавшейся античной . культуре наносила христианская церковь,, создававшая атмосферу воинственной нетерпимости ко всему «языческому». В IV в. был уничтожен научный центр в Александрии. В начале VI в. император Юстиниан закрыл просуществовавшую около тысячи лет Афинскую школу — последний очажок античной философии. Христианство, став господствующей идеологией феодального общества, культивировало ненависть; ко всякому знанию, основанному на опыте и разуме, внушало веру в непогрешимость церковных догматов и греховность самостоятельного, отличного от предписанного священными книгами понимания . устройства .. и предназначения человеческой души. Естественнонаучное исследование природы приостановилось. Его. сменили религиозные спекуляции.

Переориентация философского мышления в направлении сближения с позитивным знанием о природе,совершалась в этот период в недрах другой культуры — арабоязычной, расцвет которой пришелся на **VIII – XII вв.**

После объединения в VII в. арабских племен возникло государство, имевшее своим, идеологическим..оплотом новую религию —ислам. Под эгидой этой религии началось завоевательное движение арабов, завершившееся, образованием Халифата, на территориях которого жили народы с древними культурными традициями.

Государственным языком Халифата стал арабский, хотя культура этого огромного государства восприняла достижения многих населявших его народов, а также

35

эллинов, народов Индии. В культурные центры Халифата прибывали караваны верблюдов, навьюченных книгами чуть ли не на всех известных тогда языках.

В то время, когда в Западной Европе, распавшейся на замкнутые феодальные мирки, были начисто забыты достижения европейской и александрийской науки, на арабском Востоке кипела интеллектуальная жизнь. Сочинения Платона и Аристотеля, других античных мыслителей переводились на арабский язык, переписывались и распространялись по всей огромной арабской державе — от Средней Азии и Индии до Пиренейского полуострова и Африки.

Именно это стимулировало развитие науки, прежде всего физико-математической и медицинской. Появившиеся во множестве астрономы, математики, химики,. географы, ботаники, врачи создавали мощный культурно-научный слой, из которого выделились крупнейшие умы. Они обогатили достижения своих древних предшественников и создали предпосылки для последующего подъема философской и научной мысли на Западе, в том числе и психологической. Среди них следует выделить прежде всего

среднеазиатского ученого Ибн-Сину (XI в.) (в латинской транскрипции — Авиценну).

С точки зрения развития естественнонаучных знаний о душе, особый интерес представляет его медицинская психология. В ней важное место отводилось учению о роли аффектов в регуляции и развитии поведения организма. Созданный Ибн-Синою «Канон медицинской науки» обеспечил ему «самодержавную власть во всех медицинских школах средних веков».

Ибн-Сина был также одним из первых исследователей в области возрастной психологии. Он изучал связь между физическим развитием организма и его психологическими особенностями в различные возрастные периоды, придавая при этом важное значение воспитанию. Именно посредством воспитания осуществляется, по Ибн-Сине, воздействие психического на устойчивую структуру организма. Чувства, изменяющие течение физиологических процессов, возникают у ребенка в результате воздействия на него окружающих людей; вызывая у ребенка те или другие аффекты, взрослые формируют его натуру.

Физиологическая психология Ибн-Сины включала, таким образом, предположения о возможности управлять процессами в организме и даже придавать организму определенный устойчивый склад путем воздей-

36

ствия на его чувственную, аффективную жизнь, зависящую от поведения других людей. Идея взаимосвязи психического и физиологического — не только зависимость психики от телесных состояний, но и ее способность (при аффектах, психических травмах, деятельности воображения) глубоко влиять на них — разрабатывалась Ибн-Синою на основе его обширного медицинского опыта.

Имеются сведения о том, что, не ограничиваясь наблюдениями, он предпринял попытку изучить этот вопрос экспериментально. Двум баранам давалась одинаковая пища; при этом один питался в обычных условиях, а рядом с другим привязывали волка. В результате второй баран, несмотря на нормальное питание, начинал худеть и быстро погибал. Неизвестно, какое объяснение Ибн-Сина давал этому опыту, но сама его схема говорит об открытии роли «ошибок», противоположных эмоциональных установок в возникновении глубоких соматических сдвигов. Все это дает основание видеть в исследованиях Ибн-Сины зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний.

Особый интерес арабские натуралисты и математики, и Ибн-Сина в том числе, проявляли к органу зрения. Среди исследований в этой области выделяются открытия Ибн-аль-Хайсама (XI в.), в латинской транскрипции Альгазена. В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой — присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов.

Ибн-аль-Хайсам изучил такие важные феномены, как бинокулярное зрение, смешение цветов, контраст и т. д. Он указывал, что для полного восприятия объектов необходимо движение глаз — перемещение зрительных осей. Ибн-аль-Хайсам подверг анализу зависимость зрительного восприятия от его длительности, сделав акцент на факторе времени. Подметив, что при кратковременном предъявлении могут быть правильно восприняты лишь знакомые объекты, он сделал вывод: условием возникновения зрительного образа служат не только непосредственные воздействия световых раздражителей, но и сохраняющиеся в нервной системе следы прежних впечатлений.

Схема Ибн-аль-Хайсама не только разрушала, несо-

37

ворщенные теории зрения, доставшиеся в наследство от античных авторов, но и вводила новое объяснительное начало. Исходная сенсорная структура зрительного восприятия рассматривалась как производное от законов оптики, имеющих *опытное и математическое отношение*, и от свойств *нервной системы*. Это направление противостояло одному из главных догматов схоластики, как мусульманской, так и христианской,— учению о том, что душа во всех ее проявлениях есть сущность особого рода, причастная надприродному миру.

Изучением функций глаза занимались и другие ученые, обнаружившие, в частности, что чувствующей частью органа зрения является не хрусталик, как предполагалось прежде, а сетчатая оболочка. Автором этого открытия считают философа и врача Ибн-Рошда (XII в.) (в латинской транскрипции Аверроэса), учение которого о человеке и его душе оказало наибольшее влияние на западноевропейскую философско-психологическую мысль. Оно жестоко преследовалось как мусульманской, так и христианской религией. И это не удивительно, поскольку Ибн-Рошд отрицал бессмертие индивидуальной души. Он по-своему прокомментировал учение Аристотеля, сделав упор на разделении души и разума.

Под душой разумелись функции, которые неотделимы от организма (прежде всего — чувственность). Они необходимы (таково было и мнение Аристотеля)¹ для деятельности разума, нераздельно связаны с телом и исчезают вместе с ним. Сам же разум является божественным и входит

в индивидуальную душу извне, подобно тому, как Солнце посылает лучи 'органу, зрения. С исчезновением тела и индивидуальной души «следы», оставленные божественным разумом в душе, отделяются от исчезнувшего смертного индивида и продолжают существовать как момент универсального разума, присущего всему- человеческому роду.

Признание высшего интеллектуального равенства людей.', (при всем многообразии их индивидуальных различий) и богоподобия человека было-несовместимо с идеологией- феодального общества, основанной на строгой, социальной иерархии его членов. Апология, божественного разума оборачивалась у Ибн-Рошда (получившего на Западе почетное имя Комментатора) защитой земного достоинства человека. Тем временем в духовной жизни средневековой, Европы утвердилась схоластика (от греч. «схоластик-ос» —

38

школьный, ученый). Этот особый тип философствования («школьная философия») с XI до XVI в. сводился к рациональному, использующему логические приемы, обоснованию христианского вероучения.

В схолистике имелись различные течения; общей же была установка на комментирование текстов. Позитивное изучение предмета и обсуждение реальных проблем подменялось вербальными ухищрениями. В страхе перед появившимся на интеллектуальном горизонте Европы наследием Аристотеля католическая церковь вначале его запретила, но затем, изменив тактику, принялась «осваивать», адаптировать соответственно своим нуждам. С этой задачей наиболее тонко справился Фома Аквинский (1225—1274), учение которого позже было канонизировано в папской энциклике (1879) как истинно католическая философия (и психология)- и получило название томизма (несколько модернизированного в наши дни под именем неотомизма).

Томизм складывался в противовес стихийно-материалистическим трактовкам Аристотеля, содержащим опасную для церкви концепцию двойственной истины; . Зерна-ее были брошены на благодатную почву опиравшимся на Аристотеля Ибн-Рошдом. Его последователи в европейских университетах (аверроисты) полагали, что несовместимость с официальной догмой представлений о вечности (а не сотворении) мира, об умичто-жаемости (а не бессмертии) индивидуальной души дает основание утверждать, что каждая, из истин имеет свою область, в которую другой вторгаться не надлежит, Истинное для одной области может быть ложным для другой, и наоборот.

В противоположность этим взглядам Фома Аквинский отстаивал одну истину — религиозную, «нисходящую свыше» — и считал, что разум должен служить ей так же истово, как и религиозное чувство. Ему и его сторонникам удалось расправиться с аверроистами в парижском университете. Но в Англии, в Оксфордском университете, концепция «двойственной истины» в дальнейшем восторжествовала, став идеологической предпосылкой успехов философии и естественных наук.

Отгибая душевную жизнь, Фома Аквинский расположил различные ее формы в виде своеобразной лестницы— от низших к высшим. В этой иерархии каждое явление- имеет свое место, проложены, грани между всем существующим и однозначно определено, чему где Надлежит быть. В ступенчатом ряду, расположены

39

души (растительная, животная, человеческая), внутри каждой из них — 'способности и их продукты {ощущение, представление, понятие}.

Понятие об интроспекции, зародившееся у Плотина, превратилось в важнейший источник религиозного самоуглубления у Августина и вновь выступило как опора модернизированной и теологической психологии у Фомы Аквинского. Работу души последний представил в виде следующей. схемы: сначала она совершает акт познания — ей является образ объекта (ощущение или понятие); затем осознает, что ею произведен этот акт; и, наконец, проделав обе операции, душа «возвращается» к себе, познавая уже не образ и не акт, а самое себя как уникальную сущность. Перед нами — замкнутое сознание, из которого нет выхода ни к организму, ни к внешнему миру.

Томизм, таким образом, превратил великого древнегреческого философа в столпа богословия, в «Аристотеля с тонзурой» (тонзура — выбритое место на макушке — знак принадлежности к католическому духовенству) .

В Англии, где социальные устои феодализма подрывались наиболее энергично, против томистской концепции души выступил **номинализм** (от лат. «номен» — имя). Он возник в связи со спором о природе общих понятий, или *универсалий*, суть, которого состояла в том, существуют ли эти общие понятия сами по себе, самостоятельно и независимо от нашего мышления, либо представляют собой только имена, реально же познаются лишь конкретные явления.

Самым энергичным проповедником номинализма был профессор Оксфордского университета Уильям Оккам (ок. 1285—1349). Отвергая томизм и отстаивая учение о «двойственной истине» (из которого явствовало, что религиозные догматы не могут быть основаны на разуме), он призывал опираться

на чувственный опыт; при этом следовало ориентироваться на термины, обозначающие либо классы предметов, либо классы имен, знаков.

Номинализм способствовал развитию естественнонаучных взглядов на познавательные возможности человека. К знакам как главным регуляторам душевной активности неоднократно обращались многие мыслители последующих веков. Так, в психологии утвердилось правило (известное под названием «бритвы Оккама»), согласно которому «не следует умножать сущности без

40

надобности». Иначе говоря, нет смысла прибегать к объяснению каких-либо явлений многими силами или факторами, когда можно обойтись их меньшим числом: «Бесполезно делать посредством многого то, что можно сделать посредством меньшего». Эта «бритва» стала основой своего рода «закона экономии» в психологии, проиллюстрировать который можно таким примером: изучая поведение животных, не надо наделять их умом человека, если есть более простой способ объяснения.

Итак, в раннем средневековье под пластом чисто рассудочных построений, чуждых реальным особенностям психической деятельности, пробивался родник новых идей, связанных с опытным познанием души и ее проявлений. В противовес принятым схоластикой приемам выведения отдельных психических явлений из сущности души и ее сил, для действия которых нет других оснований, кроме воли божьей, складывалась методология, основанная на опытном, детерминистском подходе. Своего расцвета этот подход достиг в следующую историческую эпоху.

Переходный период от феодальной культуры к буржуазной получил имя эпохи Возрождения. Его главной особенностью стало возрождение античных ценностей, без которых едва ли бы смогли существовать и арабо-язычная, и латиноязычная (в Западной Европе, как известно, языком образованности была латынь) культуры.

Мыслители Возрождения полагали, что они очищают античную картину мира от «средневековых варваров». Восстановление античных памятников культуры в их подлинном виде действительно стало признаком нового идейного климата, хотя их восприятие, разумеется, было созвучно новому образу жизни, обусловленной им интеллектуальной ориентации. Возникновение мануфактурного производства, усложнение и совершенствование орудий труда, великие географические открытия, возвышение бюргерства (среднего слоя горожан), отстаивавшего свои права в ожесточенной политической борьбе,— все эти процессы изменили положение человека в мире и обществе, а следовательно — и его представления о мире и самом себе.

Новые философы вновь обращаются к Аристотелю, который теперь из идола скованной церковными догмами схоластики превращается в символ свободомыслия, спасения от этих догм. В главном очаге Возрождения— Италии — разгораются споры между спасшимися.

41

от икивизиции сторонниками Ибы-Рошда (аверроиста-ми) и еще более радикально настроенными *александри-стами*.

Последний термин происходит от имени древнегреческого философа Александра Афродисийского, жившего в Афинах в конце II в. н. э., который прокомментировал трактат Аристотеля «О душе» иначе, чем Ибн-Рошд. Коренное различие касалось вопроса о бессмертии души — главного вопроса в церковном вероучения. Если Ибн-Рошд, разделяя разум (ум) и душу, считал разум, как высшую часть души, бессмертным, то Александр настаивал на целостности аристотелевского учения и его тезисе о том, что все способности души начисто исчезают вместе с телом.

У александристов антиклерикальные мотивы звучали резче и последовательнее, чем у аверроистов. Оба направления сыграли важную роль в создании новой идейной атмосферы, проложив путь к естественнонаучному изучению организма человека и его психических функций. По этому пути пошли многие философы, натуралисты, врачи, которых отличал интерес к изучению природы. Их творчество пронизывала вера во всемогущество опыта, в преимущество наблюдений, прямых контактов с реальностью, в независимость подлинного знания от схоластической мудрости.

Одним из титанов Возрождения был Леонардо да Винчи (1452—1519). Он представлял новую науку, которая родилась не в университетах, где по-прежнему изощрялись в комментариях к текстам древних, а в мастерских художников и строителей, инженеров и изобретателей. В своей практике они были преобразователями мира, их опыт радикально менял культуру и строй мышления. Высшей ценностью становился не божественный разум, а, говоря языком Леонардо,— «божественная наука живописи». При этом под живописью понималось не только искусство отражения мира в художественных образах. «Живопись,— писал Леонардо,— распространяется на философию природы».

Изменения в реальном бытии личности коренным образом изменяли ее самосознание. Субъект осознавал себя центром направленных вовне (в противовес авгу-стино-томистской интроспекции)

духовных сил, которые воплощаются в реальные, чувственные (в противовес христианской чистой духовности) ценности; он желал подражать природе, на деле преобразуя ее своим творчеством, практическими деяниями.

42

Наряду с Италией возрождение новых гуманистических взглядов на индивидуальную психическую жизнь достигло высокого уровня в других странах, где подрывались устои прежних социально-экономических отношений. В Испании возникли направленные против схоластики учения, устремленные к поискам реального знания о психике. Так, Хуан Луис Вивес (1492—1540) в ставшей знаменитой в Европе книге «О душе и жизни» доказывал, что природа человека познается не из книг, а путем наблюдения и опыта, позволяющих опираясь на теорию, правильно воспитывать ребенка.

Другой врач Хуан Уарте (ок. 1530—1592), также отвергая умозрение и схоластику, требовал применить индуктивный метод «Исследования способностей к наукам» (так называлась его книга). Это была первая в истории психологии работа, в которой ставилась задача изучить индивидуальные различия между людьми для определения их пригодности к различным профессиям.

Раздел 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В XVII ВЕКЕ

XVII век стал эпохой коренных изменений в социальной жизни Западной Европы, веком научной революции и торжества нового мировоззрения. Его провозвестником был итальянский ученый Галилео Галилей (1564—1642), учивший, что природа есть система движущихся тел, не обладающих никакими свойствами, кроме геометрических и механических. Все, что происходит в мире, следует объяснять только этими материальными свойствами, только законами механики. Господствовавшее веками убеждение в том, что движениями природных тел правят бестелесные души, цели и формы, было ниспровергнуто. Этот новый взгляд на мироздание произвел полный переворот в объяснении причин поведения живых существ.

Первый набросок психологической теории, использовавшей достижения геометрии и новой механики, принадлежал французскому математику, естествоиспытателю и философу Рене Декарту (1596—1650). Он ориентировался на модель организма как механически работающей системы. Тем самым, живое тело, которое во всей прежней истории знаний рассматривалось как одушевленное, т. е. одаренное и управляемое душой, освобождалось от ее влияния и вмешательства. Отныне различие между* неорганическими и органическими телами объяснялось по критерию отнесенности последних к объектам, действующим по типу простых технических устройств. В век, когда эти устройства со все большей определенностью утверждались в общественном производстве, далекая от производства научная мысль объясняла по их образу и подобию функции организма. Первым большим достижением в этом плане стало открытие Уильямом Гарвеем (1578—1657) кровообращения: сердце предстало своего рода помпой, перекачивающей жидкость. Участия души в этом не требовалось.

44

Второе достижение принадлежало Декарту. Он ввел понятие рефлекса (сам термин появился позже), ставшее фундаментальным для физиологии и психологии.

Если Гарвей устранил душу из круга регуляторов внутренних органов, то Декарт отважился покончить с ней на уровне внешней, обращенной к окружающей среде работы всего организма. Три столетия спустя И. П. Павлов, следуя этой стратегии, распорядился поставить бюст Декарта у дверей своей лаборатории.

Здесь мы вновь сталкиваемся с принципиальным для понимания прогресса научного знания вопросом о соотношении теории и опыта (эмпирии). Достоверное знание об устройстве нервной системы и ее функциях было в те времена ничтожно, Декарту эта система виделась в форме «трубок», по которым проносятся легкие воздухообразные частицы (он называл их «животными духами»). По декартовой схеме внешний импульс приводит эти «духи» в движение и заносит в мозг, откуда они автоматически отражаются к мышцам. Когда горячий предмет обжигает руку, это побуждает человека ее отдернуть: происходит реакция, подобная отражению светового луча от поверхности. Термин «рефлекс» и означал отражение.

Реакция мышц — неотъемлемый компонент поведения. Поэтому декартова схема, несмотря на ее умозрительный характер, стала великим открытием в психологии. Она объяснила рефлекторную природу поведения без обращения к душе, как движущей телом силе.

Декарт надеялся, что со временем не только простые движения (такие, как защитная реакция руки на огонь или зрачка на свет), но и самые сложные удастся объяснить открытой им физиологической механикой. «Когда собака видит куропатку, она, естественно, бросается к ней, а когда слышит ружейный выстрел, звук его, естественно, побуждает ее убежать. Но тем не менее, легавых собак обыкновенно приучают к тому, что вид куропатки заставляет их остановиться, а звук выстрела подбегать к куропатке». Такую перестройку поведения Декарт предусмотрел в своей схеме устройства телесного механизма,

который, в отличие от обычных автоматов, выступил как *обучающаяся система*.

Она действует по своим законам и «механическим» причинам; их знание позволяет людям властвовать над собой. «Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у лю-

45

дей и что люди даже со слабой душой могли приобрести исключительно неограниченную власть над своими страстями»,— писал Декарт. Не усилие духа, а перестройка тела на основе строго причинных законов его механики обеспечит человеку власть над собственной природой, подобно тому как эти законы могут сделать его властелином природы внешней.

Одно из важных для психологии сочинений Декарта называлось «Страсти души». Этот оборот следует пояснить, так как и слово «страсть», и слово «душа» наделены у Декарта особым смыслом. Под «страстями» подразумевались не сильные и длительные чувства, а «страдательные состояния души» — все, что она испытывает, когда мозг сотрясают «животные духи» {прообраз нервных импульсов), которые приносятся -туда по нервным «трубкам». Иначе говоря, не только мышечные реакции (рефлексы); но и различные психические состояния производятся телом, а не душой. Декарт набросал проект «машины тела», к функциям которой относятся «восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления...» «Я желаю,— продолжал он,— чтобы вы рассуждали так, что эти функции происходят в этой машине в силу расположения ее органов: они совершаются не более и не менее как движения часов или другого автомата».

Веками, до Декарта, вся деятельность по восприятию и обработке психического «материала» считалась производимой душой, особым агентом, черпающим свою энергию за пределами вещного, земного мира. Декарт доказывал, что телесное устройство и без нее способно успешно справляться с этой, задачей. Не становилась ли душа в таком случае «безработной»?

Декарт не только не лишает ее прежней царственной роли во вселенной, но возводит в степень *субстанции* (сущности, которая не зависит ни от чего другого), равноправной великой субстанции природы. Душе предназначено иметь самое прямое и достоверное, какое только может быть, знание субъекта о собственных актах и состояниях, (Невидимых более никому; она определяется единственным признаком — непосредственной осознаваемостью собственных проявлений, которые, в отличие от явлений природы, лишены протяженности.

Это был существенный поворот в понимании души, открывший новую главу в истории построения предмета психологии. Отныне этим предметом становится *сознание*.

46

Сознание, по Декарту, является началом всех начал в философии и науке. Следует сомневаться во всем — естественном и сверхъестественном. Однако никакой скепсис не устоит перед суждением: «Я мыслю». А из этого неумолимо следует, что существует и носитель этого суждения — мыслящий субъект. Отсюда знаменитый декартов афоризм «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю — следовательно существую»). Поскольку же мышление— единственный атрибут души, она мыслит всегда, всегда знает о своем психическом содержании, зримом изнутри; бессознательной психики не существует.

Позже это «внутреннее зрение» стали называть *интроспекцией* (видением внутриспсихических объектов)— образов, умственных действий, волевых актов и др.), а декартову концепцию сознания — *интроспективной*. Впрочем, как в случае с представлениями о душе, претерпевшими сложнейшую эволюцию, понятие сознания, как мы увидим, также меняло свой облик. Однако сначала оно должно было появиться.

Признав, что машина тела и занятое собственными мыслями (идеями) и «желаниями» сознание — это независимые друг от друга сущности (субстанции), Декарт столкнулся с необходимостью объяснить, как же они сосуществуют в целостном человеке. Решение, которое он предложил, было названо *психофизическим взаимодействием*. Тело влияет на душу, пробуждая в ней «страдательные состояния» (страсти) в виде чувственных восприятий, эмоций и т. п. Душа, обладая мышлением и волей, воздействует на тело, понуждая эту «машину» работать и изменять свой ход. Декарт искал в организме орган, с помощью которого эти несовместимые субстанции все же могли бы общаться. Таким органом он предложил считать одну из желез внутренней секреции — шишковидную (эпифиз). Это эмпирическое «открытие» никто всерьез не принял. Однако, теоретический вопрос о взаимодействии «души и тела» в декартовой постановке поглотил энергию множества умов.

Понятие предмета психологии зависит, как говорилось, от объяснительных принципов, таких, как причинность (детерминизм), системность, закономерность. С античных времен все они претерпели коренные изменения. Решающую роль в этом сыграло внедрение в психологическое мышление образа машины — конструкции, созданной руками человека. Все прежние попытки освоить объяснительные

принципы были связаны с наблюдением и изучением нерукотворной природы, включая человеческий организм. Теперь посредником между природой и познающим ее субъектом выступила независимая от этого субъекта, внешняя по отношению к нему и к природным телам искусственная конструкция. Очевидно, что она является, во-первых, системным устройством, во-вторых, работает неотвратно (закономерно) по заложенной в ней жесткой схеме, в-третьих, эффект ее работы — это конечное звено цепи, компоненты которой сменяют друг друга с железной последовательностью.

Создание искусственных объектов, деятельность которых причинно объяснима из их собственной организации, внедряло в теоретическое мышление *особую форму детерминизма* — механическую (по типу автомата) схему причинности или *механодетерминизм*. Освобождение живого тела от души было поворотным событием в научных поисках реальных причин всего, что совершается в живых системах, в том числе возникающих в них психических эффектов (ощущений, восприятий, эмоций). При этом у Декарта не только тело освобождалось от души, но и душа (психика) в ее высших проявлениях становилась свободной от тела. Тело может только двигаться, душа только мыслить. Принцип работы тела — рефлекс. Принцип работы души — рефлексия (от лат. «обращение назад»). В первом случае мозг отражает внешние толчки; во втором — сознание отражает собственные мысля» идеи.

Через всю историю психологии проходит контра-верза души и тела. Декарт, подобно множеству своих предшественников (древних анимистов, Пифагора, Платона), их противопоставил. Но он создал и новую форму дуализма. Оба члена — и тело и душа — приобрели содержание, неведомое прежним исследователям.

Попытки опровергнуть дуализм Декарта предприняла когорта великих мыслителей XVII века. Их поиски были направлены на то, чтобы утвердить единство мироздания, покончить с разрывом телесного и духовного, природы и сознания.

Одним из первых оппонентов Декарта выступил голландский мыслитель Бирух (Бенедикт) Спиноза (1632—1677). Он учил, что имеется единая, вечная субстанция — Природа с бесконечным множеством атрибутов (неотъемлемых свойств). Из них нашему огра-

48

ничейному разуму открыты только два — протяженность и мышление. Следовательно, бессмысленно представлять человека местом встречи телесной и духовной субстанций, как это делал Декарт. Человек — целостное телесно-духовное существо. Убеждение, что теле» движется или покоится по воле души, сложилось из-за незнания того, к чему оно способно само по себе, «в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной».

Никто из мыслителей не осознал с такой остротой как Спиноза, что дуализм Декарта коренится не столько в сосредоточенности на приоритете души (это веками служило основанием бесчисленных религиозно-философских доктрин), сколько во взгляде на организм как машинообразное устройство. Тем самым механический детерминизм, определивший вскоре крупные успехи психологии, оборачивался принципом, который ограничивает возможности тела в причинном объяснении психических явлений.

Все последующие концепции были поглощены пересмотром декартовой версии о сознании как субстанции, которая является причиной тождества психики и сознания. Из исканий Спинозы явствовало, что пересматривать следует и версию о теле (организме) с тем, чтобы придать ему достойную роль в человеческом бытии.

Попытку построить психологическое учение о человеке как целостном существе запечатлел главный труд Спинозы «Этика». В нем он поставил задачу объяснить все великое многообразие чувств (аффектов) как побудительных сил человеческого поведения, притом объяснить «геометрическим способом», т. е. с такой же неумолимой точностью и строгостью, с какой геометрия делает свои выводы о линиях и поверхностях. Надо, писал он, не смеяться и плакать (именно так реагируют люди на свои переживания), а понимать. Ведь геометр в своих рассуждениях совершенно бесстрастен; так же следует относиться и к человеческим страстям, объясняя, как они возникают и исчезают.

Спиноза выделял три главные силы, которые правят людьми и из которых можно вывести все многообразие чувств: влечение (оно есть «ничто иное, как самая сущность человека»), радость и печаль. Он доказывал, что из этих фундаментальных аффектов выводятся любые эмоциональные состояния, причем радость увеличивает способность тела к действию, тогда как печаль ее уменьшает.

Этот вывод противостоял декартовой идее разделения чувств на коренящиеся в жизни организма и чисто интеллектуальные. В качестве примера Декарт в своем последнем сочинении — письме шведской королеве Христине — объяснил сущность любви как чувства, имеющего две формы: телесную страсть без любви, и интеллектуальную любовь без страсти. Причинному объяснению поддается только первая, поскольку она зависит от организма и биологической механики. Вторую можно только понять и описать.

Тем самым Декарт полагал, что наука бессильна перед высшими и наиболее значимыми проявлениями психической жизни личности. Эта декартова *дихотомия* (разделение надвое) привела в XX

веке к концепции «двух психологий» — *объяснительной*, апеллирующей к причинам, сопряженным с функциями организма, и *описательной*, считающей, что тело мы объясняем, тогда-как душу — понимаем. Поэтому в споре Спинозы с Декартом не следует видеть лишь давно утративший актуальность исторический прецедент.

К детальному изучению этого спора в XX веке обратился Л. С. Выготский, доказывая, что будущее за Спинозой. «В учении Спинозы,— писал он,— содержится, образуя его самое глубокое и внутреннее ядро, именно то, что нет ни в одной из двух частей, на которые распалась современная психология эмоций; единство причинного объяснения и проблема жизненного значения человеческих страстей, единство описательной и объяснительной психологии чувства. Спиноза поэтому связан с самой насущной, самой острой злобой дня современной психологии эмоций. Проблемы Спинозы ждут своего решения, без которого невозможен завтрашний день нашей психологии»⁴.

Встречаясь с немецким философом и математиком Г.-В. Лейбницем (1646—1716), открывшим дифференциальное и интегральное исчисления, Спиноза услышал от него иное мнение об единстве телесного и психического. В основе этого единства, по мнению Лейбница, лежит духовное начало. Мир состоит из бесчисленного множества монад (от греч. «монос» — единое). Каждая из них «психична» и наделена способностью воспринимать все, что происходит во Вселенной.

50

Это предположение перечеркивало декартову идею равенства психики и сознания. Согласно Лейбницу, «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она сознает, является источником величайших заблуждений». В душе непрерывно происходит незаметная деятельность «малых перцепций», или неосознаваемых восприятий. В тех же случаях, когда они осознаются, это становится возможным благодаря особому психическому акту — *апперцепции*, включающей внимание и память.

На вопрос о том, как соотносятся между собой духовные и телесные явления, Лейбниц ответил формулой, получившей название *психофизического параллелизма*; зависимость психики от телесных воздействий — иллюзия. Душа и тело совершают свои операции самостоятельно и автоматически. Вместе с тем между ними существует предопределенная свыше гармония; они подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, так как запущены с величайшей, точностью.

Доктрина психофизического параллелизма нашла многих сторонников в годы становления психологии как самостоятельной науки. Идеи Лейбница изменили и расширили представление о психическом. Его идеи о бессознательной психике, «малых перцепциях» и апперцепции прочно вошли в содержание предмета психологии.

Другое направление в критике дуализма Декарта связано с философией английского мыслителя Томаса Гоббса (1588—1679). Он начисто отверг душу как особую сущность. В мире нет ничего, утверждал Гоббс, кроме материальных тел, которые движутся по законам механики, открытым Галилеем. Соответственно и все психические явления подчиняются этим глобальным законам. Материальные вещи, воздействуя на организм, вызывают ощущения. По закону инерции из ощущений возникают представления (в виде их ослабленного следа), образующие цепи мыслей, которые следуют друг за другом в том же порядке, в каком сменялись ощущения.

Такая связь получила впоследствии название *ассоциации*. Об ассоциации как факторе, объясняющем, почему данный психический образ оставляет у человека именно такой, а не другой след, было известно со времен Платона и Аристотеля. Глядя на лиру, вспоминают игравшего на ней возлюбленного, говорил Пла-

51

тон. Это пример ассоциации по смежности: оба объекта воспринимались некогда одновременно, а затем появление одного влекло за собой образ другого. Аристотель добавил два других вида ассоциаций — сходство и контраст. Но для Гоббса, детерминиста галилеевской закалки, в устройстве человека действовал только один закон — механического сцепления психических элементов по смежности.

Декарт, Спиноза и Лейбниц принимали ассоциации за один из основных психических феноменов, однако считали их низшей формой познания в сравнении с высшими, к которым относили мышление и волю. Гоббс первым придал ассоциации силу *универсального закона* психологии. Ему безостаточно подчинены как абстрактное рациональное познание, так и произвольное действие. Произвольность — это иллюзия, которая порождена незнанием причин поступка (такого же мнения придерживался Спиноза); так, волчок, запущенный в ход ударом кнута, также мог бы считать свои движения самопроизвольными.

У Гоббса механический детерминизм получил применительно к объяснению психики предельно заверщенное выражение. Весьма важной для будущей психологии стала и беспощадная критика Гоббсом

⁴ Выготский Л. С., Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 6. — С. 301.

версии Декарта о «врожденных идеях», которыми человеческая душа наделена до всякого опыта и независимо от него.

До Гоббса в психологических учениях царили идеи *рационализма* (от лат. «рацио» — разум): основой познания и присущего людям способа поведения считался *разум* как высшая форма активности души. Гоббс провозгласил разум продуктом ассоциации, имеющей СБОИМ источником прямое чувственное общение организма с материальным миром, т. е. *опыт*. Рационализму был противопоставлен *эмпиризм* (от лат. «эмпи-рио» — опыт), основные положения которого стали основой *эмпирической психологии*.

В разработке этого направления видная роль принадлежала соотечественнику Гоббса Джону Локку (1632—1704). Как и Гоббс, он исповедовал опытное происхождение всего состава человеческого сознания. В самом же опыте Локк выделил два источника: ощущение и рефлексию. Наряду с идеями, которые «доставляют» органы чувств, возникают идеи, порождаемые рефлексией как «внутренним восприятием деятельности нашего ума». И те, и другие предстают перед судом сознания. «Сознание есть восприятие того, что

52

происходит у человека в его собственном уме». Это определение стало краеугольным камнем *интроспективной психологии*.

Считалось, что объектом сознания служат не внешние объекты, а идеи (образы, представления, чувства и т. д.), какими они являются «внутреннему взору» наблюдающего за ними субъекта. Из этого, наиболее отчетливо и популярно разъясненного Локком, постулата и возникло понимание предмета психологии. Отныне на его место стали претендовать явления сознания, порождаемые внешним опытом, который исходит от органов чувств, и внутренним, накапливаемым собственным разумом индивида. Элементами этого опыта, «нитьями», из которых соткано сознание, считались идеи, которыми правят законы ассоциации.

Такое понимание сознания определило формирование последующих психологических Концепций. Они были пронизаны духом дуализма, за которым стояли реалии социальной жизни, общественной практики. С одной стороны, это научно-технический прогресс, сопряженный с великими теоретическими открытиями в науках о физической природе и внедрением механических устройств; с другой — самоосознание человека как личности, которая, хотя и соотнобразуется с промыслом[^] всевышнего, способна иметь опору в собственном разуме, сознании, понимании.

Указанные внепсихологические факторы обусловили как появление механодетерминизма, так и обращенность к внутреннему опыту сознания. Именно эти направления в их нераздельности определили отличие психологической мысли Нового времени от всех ее предшествующих витков. Как и прежде, объяснение психических явлений зависело от знания о том, как устроен физический мир и какие силы правят живым организмом. Речь идет именно об объяснении, адекватном нормам научного познания, ибо в практике общения люди руководствуются житейскими представлениями о мотивах поведения, умственных качествах, влиянии погоды на расположение духа, зависимости характера от расположения планет и т. п.

XVII век радикально повысил планку критериев научности. Он преобразовал объяснительные принципы, доставшиеся ему от прежних веков. Изначально механистические представления о рефлексе, ощущении, ассоциации, аффекте, мотиве вошли в основной фонд научных знаний. Они возникли из детерминистской

53

трактовки организма как «машины тела». Чисто умозрительная схема этой машины не могла пройти испытание опытом. Между тем, именно опыт и его рациональное объяснение определили успехи нового естествознания.

Для великих ученых XVII века научное познание психики как причин явлений имело в качестве непреложной предпосылки обращение к телесному устройству. Но эмпирические знания о нем были, как показало время, столь фантастичны, что прежние свидетельства следовало игнорировать. На этот путь, стали приверженцы эмпирической психологии, понимавшие под опытом обработку субъектом содержания своего сознания. Они использовали понятия об ощущениях, ассоциациях и т. д. как фактах внутреннего опыта. Генеалогия этих понятий восходила к открытому свободной мыслью объяснению психической реальности, открытому благодаря тому, что было отринуто веками царившее убеждение, будто эта реальность производится особой сущностью — душой. Отныне активность души выводилась из законов и причин, действующих в телесном, земном мире. Знание же законов природы рождалось не из внутреннего опыта наблюдающего за собой сознания, но из общественно-исторического опыта, обобщенного в научных теориях Нового времени.

В этом веке, как и в предшествующем, в Западной Европе происходило дальнейшее укрепление капиталистических отношений. Индустриальная революция превратила Англию в могущественную державу. Глубокие политико-экономические изменения привели к революции по Франции. Расшатывались феодальные устои в Германии. Расширилось и крепло движение, названное *Просвещением*.

Как писал Н. В. Гоголь, просвещение означает стремление силой познания просветить насквозь все существующее. Мыслители, представлявшие это течение, считали главной причиной всех человеческих бед невежество, религиозный фанатизм, требовали вернуться к естественной неиспорченной природе человека, покончить с суевериями, со слепой религиозной верой, утвердить в умах людей взамен ложного знания научное, проверенное опытом и разумом. Предполагалось, что, следуя этим путем, удастся избавиться от социальных бедствий и пороков с тем, чтобы повсеместно воцарились добро и справедливость. Эти идеи приобретали в различных странах различную тональность соответственно своеобразию их общественно-исторического развития.

Наиболее ярко идеи Просвещения исповедовались на французской почве в преддверии революций и, покончившей с феодально-абсолютистским строем. В Англии, где буржуазные отношения утвердились раньше, чем во Франции, главным идеологом Просвещения стал Дж. Локк. Его соотечественник физик и математик И. Ньютон (1643—1727) создал новую механику, повсеместно воспринятую как образец и идеал точного знания, как великое торжество разума.

По образцу ньютоновой картины природы английский врач Дейвид Гартли (Хартли) (1705—1757) по-

55

пытался представить психический мир человека. Он изобразил его продуктом работы организма как «вибраторной машины». По мнению Гартли, вибрации внешнего эфира посредством вибраций нервов вызывают вибрации мозгового вещества, которые переходят в вибрации мышц. Параллельно этому в мозгу возникают, сочетаются и сменяют друг друга психические корреляты этих вибраций — от чувствования до абстрактного мышления и произвольных действий. Все это происходит на основе закона об ассоциациях.

Понятие об ассоциациях с давних пор использовалось для объяснения связи идей. Однако они считались связями «второго сорта», иными, чем те связи между мыслями, которые устанавливаются разумом. Более того, Локк, который ввел в научный оборот термин «ассоциация», называл ее «своего рода сумасшествием». Гартли же придал ассоциации характер всеобщего механического закона, применимого ко всем формам психической деятельности, уподобив его закону всемирного тяготения Ньютона.

В своем труде «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» Гартли доказывал, что психический мир человека складывается постепенно в результате усложнения первичных сенсорных элементов посредством их ассоциаций (т. е. в силу смежности этих элементов во времени и частоты повторений их сочетаний). Что касается общих понятий, то они возникают, когда от прочной ассоциации, неизменной в различных условиях, отпадает все случайное и несущественное. Совокупность этих постоянных связей удерживается благодаря слову, которое выступает как фактор обобщения.

Наряду с познавательной функцией слово (его физический базис — опять-таки вибрация) исполняет также и волевою. Так, у ребенка связь между словом и поступком сначала устанавливают взрослые, а затем он совершает этот поступок по собственной воле. При этом организацию поведения регулируют две мотивационные силы: удовольствие и страдание. По законам ассоциации они соединяются с различными объектами. Задача воспитания как раз и сводится к закреплению у людей таких связей, которые бы отвращали от безнравственных дел и доставляли удовольствие от совершения нравственных, социально ценных поступков. Соответственно, чем эти связи, прочнее, тем больше шансов у человека стать нравственной добродетельной

56

личностью, а у общества в целом — сделаться более совершенным.

Установка на строго причинное объяснение того, как возникает и работает психический механизм, а также подчиненность этого учения решению социально-нравственных задач — все это придало схеме Гартли широкую популярность. Ее влияние и в самой Англии, и на континенте было исключительно велико, причем оно распространялось на различные отрасли гуманитарного знания: этику, эстетику, логику, педагогику.

По иному истолковали принцип ассоциации два других английских мыслителя этой эпохи — Джордж Беркли (1685—1753) и Дэвид Юм (1711 — 1776), считавшие первичным не физическую реальность, — не жизнедеятельность организма, а феномены сознания. Их главным аргументом было признание того, что источник — ником знания служит образуемый ассоциациями чувственный опыт.

Понятие опыта в различных философских контекстах меняло свое содержание. Согласно Беркли, опыт — это непосредственно испытываемые субъектом ощущения: зрительные, мышечные, осязательные

и др. В «Опыте новой теории зрения» Беркли детально проанализировал чувственные элементы, из которых складывается образ геометрического- пространства как вместилища всех природных тел.

Физика предполагает, что это ньютоново пространство дано объективно, тогда как оно — продукт взаимодействия ощущений. Одни ощущения (например, зрительные) связаны с другими (например, осязательными), и весь этот комплекс ощущений принято считать существующим независимо от сознания. В действительности же, согласно Беркли, «быть — значит быть в восприятии».

Этот вывод неотвратно склонял к *солипсизму* (от лат. «*солус*» — единственный и «*ипсе*» — сам) — отрицанию любого бытия кроме собственного сознания. Чтобы выбраться из этой ловушки и объяснить, почему разные субъекты воспринимают одни и те же внешние объекты, Беркли апеллировал к особому божественному сознанию, которым наделены все люди.

В своем конкретно-психологическом анализе зрительного восприятия Беркли высказал несколько ценных идей, указав, в частности, на участие осязательных

57

ощущений в построении образа трехмерного пространства (при двух мерности образа на сетчатке).

Что касается Юма, то он занял иную позицию. Вопрос о том, существуют ли физические объекты независимо от нас, он полагал теоретически неразрешимым⁵ допуская в то же время, что эти объекты могут способствовать возникновению у человека впечатлений и идей.

Учение о причинности, по мнению Юма — не более, чем продукт веры в то, что за одним впечатлением (признаваемым причиной) появится другое (принимаемое за следствие). На деле же это прочная ассоциация представлений, возникшая в опыте субъекта, Да и сам субъект — это всего лишь сменяющие друг друга связки или пучки впечатлений.

Скептицизм Юма пробудил многих мыслителей от «догматического сна», заставил их пересмотреть свои взгляды, касающиеся души, причинности и пр.— ведь многие из них- принимались на веру как допущения, без критического анализа.

Мнение Юма о том, что понятие о субъекте может быть, сведено к пучку ассоциаций, было направлено своим критическим острием против представления о душе как особой, дарованной Всевышним сущности, которая порождает и связывает между собой отдельные-психические феномены. Предположение о такой спери-туальной субстанции защищал, в частности, Беркли, отвергавший субстанцию материальную. Согласно же Юму, душа есть нечто вроде театральных подмостков, где. проходят чередой сцепленные .между собой сцены.

Учения об ассоциациях, английских мыслителей XVIII века, как в материалистическом, так и идеалистическом вариантах, направляли научные поиски многих западных психологов двух последующих веков. Какой бы умозрительной ни. была деятельность нервной системы у Гартли, она по существу представала в виде органа, передающего внешние импульсы от органов чувств через головной мозг к мышцам, т. с., иначе говоря, в виде рефлекторного механизма. В этом плане Гартли стал восприимчивом декартова учения о 'рефлекторной природе поведения. Правда Декарт, наряду с рефлексом, вводил второй объяснительный принцип—рефлексию, особую активность сознания.

58

Гартли же наметил перспективу бескомпромиссного объяснения, исходя из единого принципа и тех высших -проявлений психической жизни, которые дуалист Декарт относил к нематериальной субстанции.

Эта гартлианская линия вошла в ресурс научного объяснения психики в новую эпоху, когда рефлекторный принцип был воспринят и преобразован Сеченовым и его последователями.

Нашла своих последователей на рубеже XIX — XX веков и линия, намеченная .Беркли и Юмом. Ее продолжили не только философы-позитивисты, но и психологи, сосредоточившие усилия на анализе элементов опыта субъекта в качестве особых ми из чего не выводимых психических реалий (см. ниже).

Самыми радикальными критиками любых учений, допускающих влияние на природу и человека сил, ускользающих от-опыта и разума, выступили французские мыслители. Они объединились вокруг 35-томной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751 — 1780), освещавшей новейшие достижения человеческого, знания (поэтому их принято называть *энциклопедистами*). В энциклопедии с материалистических позиций излагались и вопросы психологии.

Крайним *сенсуалистом* зарекомендовал себя фи л о-соф Этьен Бонно де Кондильяк (1715—1780). Для наглядности он предложил образ «статуи», которая. поначалу не обладает ничем, кроме способности ощущать. Стоит ей, однако, получить извне первое ощущение, хотя бы самое примитивное (например, обокят тельное), как начинает действовать вся психическая механика. Как только один запах сменяется другим, сознание готово получить все то, что Декарт относил на счет врожденных идей, а Локк —

⁵ Такой взгляд называется агностическим (от греч.— «подо-стутший познанию»).

рефлексии. Сильное ощущение порождает внимание; сравнение одного ощущения с другим становится функциональным актом, который определяет дальнейшую умственную работу и т. д.

Отличие от «статуи» Кювильяка, Жюльен Ламетри (1709—1751), предложил образ «человека—машины». Именно так он озаглавил свой выпущенный под чужим именем трактат. Из него явствовало, что наделять организм человека душой столь же бессмысленно, как искать ее в действиях машины. Ламетри считал, что выделение Декартом двух субстанций — не более, чем «стилистическая хитрость», придуманная для обмана теологов. Декарт устранил душу из орга-

59

низма животных. Ламетри доказывал, что не нуждается в ней и человеческий организм, с которым сопряжены психические способности; они — продукт его машиноподобных действий.

Клерикалы подняли бурю протеста вокруг этого, трактата, лишаящего смысла все религиозные верования, и добились его сожжения.

Другими лидерами движения за новое мировоззрение выступили К. Гельвеций (1715—1771), П. Гольбах (1723—1789) и Д. Дидро (1713—1784). Отстаивая принцип возникновения мира духовного из мира физического, они трактовали наделенного психикой «человека—машину» как продукт внешних воздействий и естественной истории.

Завершающий период в развитии французского материализма представлен врачом-философом Пьером Кабанисом (1757—1808). Ему принадлежит формула, согласно которой мышление — это функция мозга. Свой вывод Кабанис подкреплял наблюдениями, подсказанными кровавым опытом революции. Ему было поручено выяснить, осознает ли казнимый на гильотине человек свои страдания (о чем могут свидетельствовать, например, конвульсии). Кабанис ответил на этот вопрос отрицательно; движения же обезглавленного тела имеют, по его мнению, рефлекторный характер и не осознаются, ибо сознание — функция мозга. Понятие о функции, выработанное физиологией применительно к различным органам, распространялось, таким образом, и на работу головного мозга.

Впрочем, формула Кабаниса была использована для вульгаризации философии материализма ее противниками. Кабанису приписали мнение о том, что мозг выделяет мысль, подобно тому как печень — желчь, а почки — мочу. На деле же, говоря о сознании как функции головного мозга, Кабанис имел в виду совершенно иное. К внешним продуктам мозговой деятельности он относил выражение мысли словами и жестами; за самой же мыслью, подчеркивал он, скрыт неизвестный нервный процесс.

Французские материалисты эпохи Просвещения сыграли позитивную роль в интеллектуальной жизни Европы. Они отстаивали идею целостности человека, нераздельной связи его телесно-духовного бытия с окружающей средой — природной и социальной, культивировали веру и способность чувственного опыта служить единственным гарантом рационального знания?

60

о неисчерпаемом внешнем мире, в нераздельность психических явлений и нервного субстрата, который их производит. Доказывая необходимость перехода от умозрительного изучения этой нераздельности к ее эмпирическому исследованию, призывая искать корни явлений, считавшихся порождением бестелесной, соединяющей человека с Богом души, в доступной для скальпеля и микроскопа нервной ткани, энциклопедисты подготовили почву для движения научной мысли следующего столетия в новом направлении.

Раздел 6. ЗАРОЖДЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ

В начале XIX века стали складываться новые подходы к психике. Отныне не механика, а физиология стимулировала рост психологического знания. Имея своим предметом особое природное тело, физиология превратила его в объект экспериментального изучения. На первых порах руководящим принципом физиологии было «анатомическое начало». Функции (в том числе психические) исследовались под углом зрения их зависимости от строения органа, его анатомии. Умозрительные, порой фантастические воззрения прежней эпохи физиология переводила на язык опыта.

Так, фантастическая по своей эмпирической фактуре рефлекторная схема Декарта оказалась правдоподобной благодаря обнаружению различий между чувствительными (сенсорными и двигательными) нервными путями, ведущими в спинной мозг. Открытие принадлежало врачам и натуралистам чеху И. Прахазке, французу Ф. Мажаиди и англичанину Ч. Беллу. Оно позволило объяснить механизм связи нервов через так называемую *рефлекторную дугу*, возбуждение одного плеча которой закономерно и неотвратимо приводит в действие другое плечо, порождая мышечную реакцию. Наряду с научным (для физиологии) и практическим (для медицины) это открытие имело важное методологическое значение. Оно опытным путем доказывало зависимость функций организма, **касающихся** его поведения во внешней среде, от телесного субстрата, а не сознания (или души) как особой

бестелесной сущности.

Второе открытие, которое подрывало версию о существовании этой сущности, было сделано при изучении органов чувств, их нервных окончаний. Оказалось, что какими бы стимулами на эти нервы ни воздействовать, результатом будет один и тот же специфический

62

для каждого из них эффект. Например, любое раздражение зрительного нерва вызывает у субъекта ощущение вспышек света. На этом основании немецкий физиолог Иоганнес Мюллер (1801 —1858) сформулировал «закон специфической энергии органов чувств»: никакой иной энергией, кроме известной физике, нервная ткань, не обладает.

Выводы Мюллера укрепляли научное воззрение на психику, показывая причинную зависимость ее чувственных элементов (ощущений) от объективных материальных факторов: внешнего раздражителя и свойства нервного субстрата.

Наконец, еще одно открытие подтвердило зависимость психики от анатомии центральной нервной системы и легло в основу приобретшей огромную популярность *френологии* (от греч. «фрсн» — душа, ум). Его автор — австрийский анатом Франц Галль (1758— 1828)—предложил «карту головного мозга», согласно которой различные способности «размещены» в определенных участках мозга. Это, по мнению Галля, влияет на форму черепа и позволяет, ощупывая его, определять по «шишкам», насколько развиты у данного индивида ум, память и другие функции. Френология, при всей ее фантастичности, побудила к экспериментальному изучению размещения (локализации) психических функций в головном мозге.

В своей лабораторной экспериментальной работе физиологи — люди естественнонаучного склада ума — вторгались в область, которая издавна считалась заповедной для философов как «специалистов по душе». В итоге психические процессы перемещались в тот же ряд, что и видимая под микроскопом и препарирруемая скальпелем нервная ткань, их порождающая. Оставалось, правда, неясным, каким образом совершается чудо порождения психических продуктов, которые человек не может увидеть, собрать в пробирку и т. д. Тем не менее, выяснилось, что эти продукты даны в пространстве. Подрывался постулат, считавшийся со времен Декарта самоочевидным: душевные явления **Отличаются** от всех остальных своей непространственностью.

К новым открытиям пришел другой исследователь органов чувств, физиолог Эрнст Вебер (1795—1878). Он задался вопросом: насколько следует изменять с'и-лу раздражения, чтобы субъект уловил едва заметное различие, в ощущении. Таким образом, акцент сместился; предшественников Вебера занимала зависи-

63

мость ощущений от нервного субстрата, его самого — зависимость между континуумом ощущений и континуумом вызывающих их физических стимулов. Обнаружилось, что между первоначальным раздражителем и последующими существует вполне определенное (разное для различных органов чувств) отношение, при котором субъект начинает замечать, что ощущение стало уже другим. Для слуховой чувствительности, например, это отношение составляет 1/160, для ощущений веса— 1/30 и т. д.

Опыты и математические выкладки стали истоком течения, влившееся в современную науку под именем *психофизики*. Ее основоположником выступил немецкий ученый Густав Фехнер (1801 —1887). Развитие психофизики начиналось с представлений о, казалось бы, локальных психических феноменах, которые имели огромный методологический и Методический резонанс во всем корпусе психологического знания. В него внедрялись эксперимент, число, мера. Таблица логарифмов оказалась приложимой к явлениям душевной жизни, к поведению субъекта, когда ему приходится определять едва заметные различия между внешними (объективными) явлениями.

Прорыв от психофизиологии к психофизике был знаменателен и в том отношении, что разделил принципы *причинности* и *закономерности*. Ведь психофизиология была сильна выяснением причинной зависимости субъективного факта (ощущения) от строения органа (нервных волокон), как этого требовало «анатомическое начало». Психофизика же доказала, что в психологии и при отсутствии знаний о телесном субстрате, строго эмпирически, могут быть открыты законы, которым подвластны ее явления.

Старая психофизиология с ее «анатомическим началом» расшатывалась самими физиологами еще с одной стороны. Голландский физиолог Франц Дондерс (1818—1889) занялся экспериментами по изучению скорости протекания психических процессов. Несколько раньше Г. Гельмгольц открыл скорость прохождения импульса по нерву; это открытие относилось к процессу в организме. Дондерс же обратился к измерению скорости реакции субъекта на воспринимаемые им объекты. Испытуемый выполнял задания, требовавшие от него возможно более быстрой реакции на один из нескольких раздражителей, выбора различных ответов на разные раздражители и т. д. Эти опыты разрушали веру в мгновенно действующую душу, доказывали, что психический процесс, подобно физиологическому, можно измерить.

При этом считалось само собой разумеющимся, что психические процессы совершаются именно в нервной системе.

Позже Сеченов, ссылаясь на изучение времени реакции как процесса, требующего целостности головного мозга, подчеркивал; «Психическая деятельность как всякое земное явление происходит во времени и пространстве».

Центральной фигурой в создании основ психологии как науки, имеющей собственный предмет, был Герман Людвиг Гельмгольц (1821 —1894). Его разносторонний гений преобразовал многие науки о природе, в том числе науку о природе психического. Гельмгольц Открыл закон сохранения энергии. «Мы все дети Солнца,— говорил он,— ибо живой организм, с позиций физики, это система, в которой нет ничего кроме преобразований различных видов энергии». Тем самым из науки изгонялось представление об особых витальных силах, отличающих поведение в органических и неорганических телах.

Занимаясь изучением органов чувств, Гельмгольц принял за объяснительный принцип не энергическое (молекулярное), а анатомическое начало. Именно на последнее он опирался в своей концепции цветного зрения. Гельмгольц исходил из гипотезы о том, что имеется три нервных волокна, возбуждение которых волнами различной длины создает ощущения основных цветов: красного, зеленого и фиолетового.

Такой способ объяснения оказался непригодным, когда Гельмгольц от ощущений перешел к анализу восприятия целостных объектов в окружающем пространстве. Это побудило его ввести два новых фактора: а) движения глазных мышц; б) подчиненность этих движений особым правилам, подобным тем, по которым строятся логические умозаключения. Поскольку эти правила действуют независимо от сознания, Гельмгольц назвал их «бессознательными умозаключениями». Таким образом, экспериментальная работа столкнула Гельмгольца с необходимостью ввести новые причинные факторы. До того он относил к ним либо превращения физической энергии, либо зависимость ощущения от устройства органа. Теперь к этим двум причинным «сетка-м», которыми наука улавливает жизненные процессы, присоединялась третья.

65

Источником психического (зрительного) образа выступал внешний объект, в возможно более отчетливом видении которого состояла решаемая глазом задача. Выходило, что причина психического эффекта скрыта не в устройстве организма, а вне его.

В опытах Гельмгольца между глазом и объектом ставились призмы, искажавшие восприятие объекта—Однако организм посредством различных приспособительных движений мышц стремился восстановить адекватный образ этого объекта. Получалось, что движения мышц выполняют не чисто механическую, а познавательную (далее логическую) работу. В зоне научного анализа появились феномены, свидетельствовавшие об *особой форме причинности*: не физической, не физиолого-анатомической, а *психической*. Опыты, показывавшие, что образ в сознании порождается независимым от сознания механизмом, должны были привести к разделению психики и сознания.

Введение психического фактора как регулятора поведения организма было связано с работами немецкого-физиолога Эдуарда Пфлюгера (1829—1910). Он подверг экспериментальной критике схему рефлекса как дуги, в которой центростремительные нервы, благодаря связи с центробежными, производят одну и ту же стандартную мышечную реакцию.

В XIX веке физиологические опыты ставились главным образом на лягушках. (Выдвигалось даже предложение поставить лягушке памятник.) Обезглавив, лягушку, Пфлюгер помещал ее в различные условия. Оказалось, что ее рефлексы вовсе не сводились к автоматической реакции на раздражение, изменяясь соответственно внешней обстановке. На столе она ползала, в воде плавала и т. д. Пфлюгер сделал вывод о том, что даже у обезглавленной лягушки нет чистых рефлексов. Причиной ее приспособительных действий служит не сама по себе «связь нервов», но сенсорная функция. Именно она позволяет различать условия и, соответственно этому, изменять поведение. Опыты Пфлюгера, как и других физиологов, открывали особую причинность — *психическую*, подрывали принятое в те времена мнение о тождестве психики и сознания. Можно ли было всерьез говорить о наличии сознания у обезглавленной лягушки?..

Чарльз Дарвин (1809—1882), эволюционное учение которого преобразовало биологию, подверг анализу инстинкты как побудительные силы поведения, критикуя

66

с фактами в руках версию об их разумности. Вместе с тем без этих слепых побуждений, корни которых уходят в историю вида, организм не может выжить.

Полагая, что инстинкты связаны с эмоциями, Дарвин подошел к исследованию последних не с точки зрения их осознания субъектом, а опираясь на объективные наблюдения за выразительными

движениями. Некогда эти движения имели практический смысл: сжатие кулаков или оскал зубов у современного человека напоминают о временах, когда эти агрессивные реакции означали готовность к драке. Традиционная психология считала чувства элементами сознания. Теперь же эмоции индивида выступили в качестве таких феноменов, которые, хотя и являются психическими, первичны по отношению к его сознанию.

Свою лепту в разграничение психики и сознания внесли исследования *гипноза*. Поначалу они приобрели в Европе большую популярность благодаря деятельности австрийского врача Ф. Месмера, объяснявшего свои гипнотические сеансы действием магнитных истечений (флюидов). Затем, отвергнув месмеризм, английский хирург Брэд попытался трактовать гипноз физиологически (и даже предложил термин «нейрогипноз»), однако в дальнейшем придал решающую роль психологическому фактору.

Будучи предметом интереса медиков, использующих его в своей практике, гипноз не только демонстрировал факты психически регулируемого поведения с выключенным сознанием (поддерживая тем самым представление о бессознательной психике), но требовал создания ситуации взаимодействия между врачом и пациентом («раппорт»). Обнажаемая гипнозом бессознательная психика является социально-бессознательной, ведь она иницируется и контролируется другим человеком.

Если Дарвин вывел психику за пределы индивида к истории вида, то врачи-гипнотизеры — за пределы индивида к другому индивиду. За всем этим возвышался «Монблан фактов».

На разных направлениях экспериментальной работы (Вебер, Фехнер, Дондерс, Гельмгольц, Пфлюгер и др.) складывались представления об особых закономерностях и факторах, отличных как от физиологических, так и от тех, которые относились к психологии в качестве ветви философии (имеющей своим предметом явления сознания, изучаемые внутренним опытом).

67

Наряду с лабораторной работой физиологов по изучению органов чувств и движений, новую психологию готовили успехи эволюционной биологии и медицинской практики, применявшей гипноз при лечении неврозов. Открывался целый мир явлений, существующих независимо от сознания субъекта, доступных внешнему опыту и такому же объективному изучению, как любые другие природные факты.

Опираясь на экспериментальные и количественные методы, исследователи установили, что в психическом мире действуют собственные законы и причины. Это создало почву для отделения психологии как от физиологии, так и от философии.

Следует различать реальную жизнь науки и ее отражение в теоретических программах. К 70-м годам прошлого века появилась потребность в том, чтобы объединить разрозненные знания о психике в отдельную, отличную от других, дисциплину.

Когда время созрело, говорил Гете, яблоки падают одновременно в разных садах. Теперь «созрело время» для определения статуса психологии как самостоятельной науки — и сразу почти одновременно сложилось несколько программ ее разработки. Они по-разному определяли предмет, методы и задачи психологии, направления ее развития.

Наибольший успех выпал на долю Вильгельма Вундта (1832—1920). Он пришел в психологию из физиологии (одно время был ассистентом Гельмгольца) и первым принялся собирать и объединять в новую дисциплину созданное различными исследователями. Вернув ей древнее название, Вундт, стремясь расстаться со спекулятивным прошлым психологии, присоединил к нему эпитет «физиологическая». «Основы физиологической психологии» (1873—1874)—так назывался его главный монументальный труд, воспринятый как свод знаний о новой науке. В Лейпциге Вундт организовал первый специальный психологический институт (1875), где занялся изучением тем, заимствованных у физиологов — ощущений, времени реакций, ассоциаций, психофизики.

Взяться за анализ обширной области душевных явлений с помощью приборов и экспериментов было смелым делом. К Вундту стали стекаться молодые ученые из многих стран. Возвращаясь обратно, они создавали лаборатории, сходные с лейпцигской.

Некогда психологами называли знатоков челове-

68

ских душ. Так, в «Фаусте» Пушкина Мефистофель говорит: «Я психолог... О, вот наука». Но профессиональные психологи появились лишь после Вундта. Историки подсчитали, что школу Вундта прошли 136 немцев, 14 американцев, 10 англичан, 6 поляков, 3 русских, 2 француза. Она стала главным рассадником первого поколения психологов-экспериментаторов.

Уникальным предметом психологии, не изучаемым никакой другой дисциплиной, Вундт признавал «непосредственный опыт»; главным методом — интроспекцию, т. е. наблюдение субъекта за процессами в своем сознании. Интроспекция понималась как особая процедура, требующая специальной длительной, тренировки. При обычном самонаблюдении, присущем каждому человеку, способному дать отчет в том,

что он воспринимает, чувствует или думает, крайне трудно отделить 'восприятие как психический процесс от воспринимаемого реального или представляемого объекта, поскольку этот объект дан во внешнем опыте. Вундт же требовал от испытуемых отвлечься от всего внешнего с тем, чтобы найти исходные элементы внутреннего опыта, добраться до первичной «ткани» сознания, которая считалась свитой из сенсорных (чувственных) «нитей». Однако, когда возникал вопрос о более сложных психических феноменах, где в действие вступали мышление и воля, обнаруживалась беспомощность вундтовской программы.

Если ощущения можно было объяснить в пределах стандартов, принятых научным, причинным мышлением (как эффект воздействия стимула на телесный орган), то иначе обстояло дело с волевыми актами. Вместо того, чтобы быть причинно объясненными, они сами были приняты Вундтом за конечную причину процессов сознания и первичную духовную силу. Тем самым, бывший естествоиспытатель стал сторонником волюнтаризма — философии, считающей волю высшим принципом бытия.

Не меньшие просчеты обнаружались, когда ученики Вундта занялись процессами мышления. Один из них, Освальд Кюльпе (1862—1915), создал в Вюрц-бурге, собственную школу, программа которой продолжала и развивала вундтову. По-прежнему предметом психологии считалось содержание сознания, а методом — интроспекция. Испытуемым предписывалось *решать* умственные задачи, наблюдая за тем, что при этом происходит в сознании.

69

Но самая изощренная интроспекция не могла найти тех чувственных элементов, из которых, по прогнозу Вундта, должна состоять «материя» сознания. Пытаясь спасти свою программу, Вундт настаивал на том, что умственные действия в принципе неподвластны эксперименту и потому должны изучаться по памятникам культуры — языку, мифу, искусству и др. Так возрождалась версия о «двух психологиях»: экспериментальной, родственной по своему методу естественным наукам, и той, которая взамен этого метода интерпретирует проявления человеческого духа.

Эта версия получила поддержку у сторонника другого варианта «двух психологий» — философа Вильгельма Дильтея (1833—1911). Он отделил изучение связей психических явлений с телесной жизнью организма («объяснительная психология») от исследования их связей с историей культурных ценностей («понимающая психология»),

К концу XIX века иссяк энтузиазм, который некогда пробудила вундтова программа. Заложенное в ней понимание предмета психологии, изучаемого с помощью использующего эксперимент субъективного метода, навсегда потеряло кредит доверия. Многие ученики Вундта порвали с ним и пошли другим путем.

Проделанная школой Вундта работа заложила основы экспериментальной психологии. Критики Вундта смогли получить новое знание благодаря тому, что отталкивались от полученных им результатов: ведь научное знание развивается путем не только подтверждения гипотез и фактов, но и их опровержения. Лев Толстой, перечисляя имена тех, кто «работает на научную истину», называл имя Вундта в одном ряду с именами Дарвина и Сеченова.

Одновременно с Вундтом свою программу новой психологии предложил философ Франц Brentano (1838—1917) в своем труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Предметом психологии, так же как у Вундта, считалось сознание. Однако его природа мыслилась иной.

Согласно Brentano, область психологии — это не содержание сознания (ощущения, восприятия, мысли, чувства), а его акты, психические действия, благодаря которым появляется это содержание. Одно дело цвет как образ какого-либо предмета, другое — акт видения цвета или суждения о предмете. Изучение актов и есть

70

интенции, направленности на какой-либо объект, с которым этот акт неразрывно связан.

Концепция Brentano стала источником нескольких направлений западной психологии. Она придала импульс разработке понятия о психической функции как особой деятельности сознания, которое не сводилось ни к элементам, ни к процессам, но считалось изначально активным и предметным.

Особым путем шел И. М. Сеченов (1828—1905). Его первый трактат, вошедший в книгу «Психологические этюды», назывался «Рефлексы головного мозга» (1863) и получил широкий резонанс в русском обществе, журналистике, литературе. Сеченов, бросая вызов психологам старого закала, утверждал: «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дро-жит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение».

Не все адекватно поняли сеченовский замысел. Ссылный Л. Ф. Пантелеев вспоминал о своей встрече в Сибири с купчихой, сообщившей ему, будто петербургский профессор Сеченов доказал: души нет, а есть только рефлексы. Да и противники Сеченова в науке утверждали, что он свел все богатство

душевной жизни к дрожанию мышц.

Но истинный смысл его теории был другим. Сеченов не отождествлял психический акт с рефлекторным, а лишь указывал на сходство в их строении. Психологию он называл родной сестрой физиологии, а не ее придатком. Он смог соотнести рефлекс с психикой благодаря тому, что само понятие о рефлексе было им радикально преобразовано, так же как и понятие о психике. По классической схеме импульсом, который запускает в ход рефлекс, является физический стимул; согласно же Сеченову начальным звеном рефлекса является не внешний, механический толчок, а раздражи-хель-сигнал.

На различие между раздражителем-стимулом и раздражителем-сигналом следует обратить особое внимание. Действие стимула ограничено возбуждением нервных волокон. Сигнал же играет двоякую роль. Он обращен и к организму, который его воспринимает, и к внешней среде, свойства которой он различает. Благодаря этому сигнал информирует организм о ситуа-

71

ции, к которой должны приладиться рабочие органы (мышцы). Последние, в свою очередь, обладают чувствительностью: в них встроены сенсорные приборы, которые передают в мозг сигналы о достигнутом результате и побуждают его, если требуется, автоматически корректировать поведение.

Модель рефлекторной дуги Сеченов заменил моделью рефлекторного кольца. Бели кольцо не замыкается, действие нарушается. В качестве примера приводилось поведение больных с расстройством мышечной чувствительности (атактиков): им трудно ходить из-за того, что они не ощущают почвы (их мозг не получает «обратных» сигналов из мышц, хотя сами мышцы не поражены).

Саморегуляция поведения организма посредством сигналов — таковым было физиологическое основание сеченовской схемы психической деятельности.

К числу главных достижений Сеченова относится открытие центрального торможения. До него считалось, что в головном мозгу протекает только один нервный процесс — (возбуждение). Сеченов экспериментально обнаружил способность головного мозга задерживать рефлексы. Это открытие он истолковал как нервный механизм психических функций — воли и мышления. Волевого человека отличает умение противостоять неприемлемым для него влияниям, какими бы сильными они ни были, подавлять нежелательные влечения. Это и достигается аппаратом торможения. Благодаря ему возникают и незримые акты мышления. Сеченов писал, что «около самого сердца» он выносил мысль, согласно которой мышца является не только органом движения, но и познания. С ее помощью организм воспринимает объекты внешней среды (в построении зрительного образа, например, важную роль играют как бы бегающие по предметам непрерывно работающие мышцы глаз), сравнивает их, анализирует, то есть производит операции, которые уже являются умственными. Механизм торможения задерживает внешнее выражение этих действий. Однако они не исчезают. Из внешних они преобразуются во внутренние. Впоследствии этот процесс был назван *интериоризацией* (переходом извне вовнутрь).

Глубинные преобразования в категории рефлекса открыли перспективу нового понимания предмета психологии. В работе «Кому и как разрабатывать психологию» (1873) Сеченов определяет ее как «науку о

72

происхождении психических деятельностей». Иными словами, задача науки — объяснить, каким образом совершаются (происходят) различные деятельности (восприятия, память, мышление и т. п.). Сеченов полагал, что они строятся по типу рефлекса, т. е. также являются «трехчленными» (имеют начало, середину и конец), и включают, вслед за восприятием среды и его переработкой в головном мозгу, ответную работу двигательного аппарата. Таким образом, впервые в истории психологии предметом этой науки стали не только явления и процессы сознания (или бессознательной психики), но весь цикл взаимодействия организма с миром, включая его внешние телесные действия.

Именно таков смысл сеченовского понятия о психической деятельности. Она, подобно рефлексу, совершается объективно. Поэтому и для психологии единственным надежным является объективный, а не субъективный (интроспективный) метод, на котором строились программы Вундта и Brentano. Сеченов стал пионером науки, предметом которой служит *психически регулируемое поведение*.

Сеченовские идеи оказали влияние на мировую науку. В России они получили развитие в учениях И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, в западной психологии понятие о торможении воспринял З. Фрейд, об интериоризации внешнего действия — П. Жане (см. ниже).

73

Раздел 7. РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

От уровня теоретических представлений о предмете психологии следует отличать уровень конкретной эмпирической работы, где под власть эксперимента подпадает все более широкий круг явлений. Давним, с платоновских времен, «гостем» психологии было представление об ассоциации,

имевшее самые разные толкования. В одних философских системах (Декарт, Гоббс, Спиноза, Локк, Гартли) ассоциация означала связь и порядок телесных впечатлений, появление одного из которых по закону природы вызывает смежные с ним; в других (Беркли, Юм, Томас Браун, Джемс Милль и др.)—связь ощущений во внутреннем опыте субъекта, не имеющую отношения ни к организму, ни к порядку испытанных им внешних воздействий.

С рождением экспериментальной психологии изучение ассоциаций становится ее излюбленной темой, которая разрабатывается в нескольких направлениях.

Молодая психология заимствовала свои методы у физиологии. Собственных она не имела, пока немецкий психолог Герман Эббингауз (1850—1909) не принялся за экспериментальное изучение ассоциаций. В книге «О памяти» (1885) он изложил результаты опытов, проведенных на себе с целью вывести математически точные законы сохранения и воспроизведения выученного материала. Занявшись этой проблемой, он изобрел особый объект — бессмысленные слоги (каждый слог состоял из двух согласных и гласной между ними, например, «мои», «нат» и т. п.). Чтобы изучить ассоциации, Эббингауз сначала отобрал раздражители, которые не вызывают никаких ассоциаций. Над списком из 2300 бессмысленных слогов он экспериментировал в течение двух лет. Были испробованы и тщательно просчитаны различные варианты количества слогов, времени заучивания, числа повторений, промежутка между

74

и, динамики забывания (репутацию классической приобрела «кривая забывания», показывавшая, что примерно половина забытого падает на первые полчаса после заучивания) и других переменных. В результате Эббингауз получил разнообразные данные, касающиеся числа повторений, нужных для последующего воспроизведения материала разного объема, забывания раз-дичных фрагментов этого материала (начала списка слогов и его конца), эффекта сверхзаучивания (повторения списка большее число раз, чем требуется для его успешного воспроизведения) и др.

В итоге этой кропотливой работы законы ассоциации выступили в новом свете. Эббингауз не обращался за их объяснением к физиологам. Но и роль сознания его не интересовала. Ведь любой элемент сознания, будь то психический образ или акт, изначально осмыслен, а в смысловом содержании выделась помеха изучению механизмов чистой памяти. Эббингауз открывал новую главу в психологии не только потому, что первым отважился заняться экспериментальным изучением мнемонических процессов, более сложных, чем сенсорные. Его уникальный вклад определялся тем, что впервые в истории науки посредством экспериментов и количественного анализа их результатов были открыты собственно психологические закономерности, действующие независимо от сознания, объективно. Это, в свою очередь, ставило под сомнение равенство психики и сознания, принимавшееся до этих пор за аксиому.

То, что в европейской традиции считалось процессами ассоциации, вскоре стало одним из главных направлений американской психологии «научения». Это направление привнесло в психологию объяснительные принципы учения Дарвина, утвердило новое понимание детерминации поведения целостного организма и, тем самым, всех его функций, в том числе психических. Среди новых объяснительных принципов выделялись: вероятностный характер реакций как принцип естественного отбора и адаптация организма к среде с целью выживания в ней. Эти принципы образовали контуры новой детерминистской (казуальной) схемы.

Прежний *механический детерминизм уступил место биологическому*. На этом переломе в истории научного познания понятие ассоциации приобрело особый статус. Прежде оно означало связь идей в сознании; теперь же — связь между движениями организма и конфигу-

75

рацией внешних стимулов, от приспособления к которым зависит решение жизненно важных для организма задач. Ассоциация выступала как способ приобретения новых действий *научения* (по принятой вскоре терминологии).

Первый крупный успех в преобразовании понятия ассоциации связан с опытами «ад животными (глазным образом кошками) Эдуарда Торндайка (1874— 1949), использовавшего так называемые «проблемные ящики». Помещенное в ящик животное могло выйти из него и получить подкормку, лишь приведя в действие специальное устройство (нажав на пружину, потянув за петлю и т. п.). Животные совершали множество движений, бросались в разные стороны, царапали ящик, пока одно из движений случайно не оказывалось удачным. «Пробы, ошибки и случайный успех» — такова была формула, принятая для всех типов поведения как животных, так и человека.

Торндайк объяснял свои опыты *законами научения*. Прежде всего — *законом упражнения*, по которому двигательная реакция на ситуацию связывается с этой ситуацией пропорционально частоте, силе и продолжительности повторения связей. К нему присоединялся закон *эффекта*, гласивший, что из нескольких реакций наиболее прочно закрепляются те, которые сопровождаются чувством удовлетворения.

Торндайк предполагал, что связям между движением и ситуацией соответствуют связи в нервной системе (т. е. физиологический механизм), которые закрепляются благодаря чувству (т. е. объективному состоянию): Но ни физиологические, ни психологические компоненты ничего не добавляли к нарисованной Торндайком независимо от них «кривой научения», где на абсциссе отмечались повторные пробы, а на оси ординат — затраченное время (в минутах).

Главный труд Торндайка назывался «Интеллект животных. Исследование ассоциативных процессов у животных» (1898). Уже из этого названия следовало, что ассоциации — суть интеллектуальные, стало быть, смысловые процессы. Вся прежняя психология считала смыслы неотъемлемым атрибутом сознания; теперь же они становились атрибутом телесного поведения.

До Торндайка считалось, что интеллектуальные процессы определяются идеями, мыслями, умственными операциями (как актами сознания). У Торндайка же они выступили в виде независимых от сознания дви-

76

тельных реакций организма. В прежние времена эти реакции относились к разряду рефлексов — машинальных стандартных ответов на внешнее раздражение, predeterminedенных самим устройством нервной системы. Согласно Торндайку, эти реакции *интеллектуальны*, ибо направлены на решение задачи, справиться с которой, используя наличный запас ассоциаций, нельзя. Выход состоит в выработке новых ассоциаций, новых двигательных ответов на необычную (и потому проблемную) для субъекта ситуацию.

Традиционно упрочение ассоциаций психология относила к процессам памяти; когда же речь шла о действиях, ставших автоматическими благодаря повторению, их называли навыками. Поэтому открытия Торндайка были истолкованы как законы образования навыков. Между тем сам он считал, что исследует интеллект, а стало быть, смысловую основу поведения. На вопрос «имеется ли ум у животных?» Торндайк дал положительный ответ.

77

Раздел 8. ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Чем успешнее шла в психологии экспериментальная работа, тем обширнее становилось поле изучаемых ею явлений, тем яснее проявлялась неудовлетворительность версии о том, что уникальным предметом этой пауки служит сознание, а методом — интроспекция.

Положение усугублялось успехами новой биологии. Она изменила взгляды на все жизненные функции организма, в том числе — психические. Восприятие и память, навыки и мышление, установка и чувства трактовались теперь как своего рода «инструменты», которые помогают человеку решить задачи, с которыми его» сталкивают жизненные ситуации. Рушилось представление о сознании как замкнутом в себе внутреннем мире. Под влиянием дарвиновской биологии психические процессы стали исследоваться с точки зрения развития.

На заре психологии главным источником сведений об этих процессах служил взрослый индивид, способный, следуя инструкции экспериментатора, сосредоточить свой «внутренний взор» на фактах «непосредственного опыта». Но стимулированное идеей развития расширение зоны познания ввело в психологию особые объекты, к которым нельзя было применить метод интроспективного анализа. Таковыми являлись факты поведения животных, детей, психически больных людей.

Новые объекты требовали и новых объективных методов, способных обнажить те уровни развития психики, которые предшествовали изучаемым в лабораториях процессам. **Отныне** уже невозможно было относить эти процессы к разряду первичных фактов сознания: за ними стояло ветвистое древо сменяющих друг друга психических форм, пополнение научных сведений о которых позволило психологам перейти из универсальной лаборатории в детский сад, школу, психиатрическую¹ клинику.

78

Практика реальной исследовательской работы до основания расшатала взгляд на психологию как науку о сознании. Созревало новое понимание ее предмета, отразившееся в многообразных теоретических воззрениях и системах.

В любой области знания имеются конкурирующие концепции и школы. Такое положение нормально для развития пауки. Однако, при всех разногласиях, эти направления связаны общими воззрениями на исследуемый предмет. В начале же XX столетия расхождение и столкновение позиций в психологии определялись тем, что каждая из школ отстаивала собственный предмет, отличный от других. Психологи, по свидетельству одного из них, почувствовали себя «в положении Приама на развалинах Трои».

Между тем, за видимым распадом шли процессы более углубленного, чем в прежние времена, освоения реальной психической жизни, различные стороны которой отразились в новых теоретических конструкциях. С их разработкой сопряжены революционные сдвиги по всему фронту психологических

исследований.

В начале XX века прежний образ предмета психологии, каким он сложился в период ее самоутверждения в семье других наук, сильно потускнел. Хотя по-прежнему большинство психологов полагали, что изучают сознание и его явления, сами эти явления все теснее соотносились с жизнедеятельностью организма, с его двигательной активностью. Лишь очень немногие приверженцы так называемого *структурализма*, продолжали вслед за Вундтом считать, что они призваны заниматься поисками строительного «материала» непосредственного опыта и его структурами.

Этому подходу противостоял **функционализм**, сторонники которого, отвергая анализ внутреннего опыта и его структур, старались выяснить, как эти структуры работают, когда решают задачи, касающиеся актуальных нужд людей. Тем самым предметная область психологии расширялась, охватывая уже не только элементы, но и *психические функции* — внутренние операции, которые производятся не бестелесным субъектом, а организмом для удовлетворения его потребности в приспособлении к среде.

У истоков функционализма в США стоял Уильям Джеймс (Джеймс) (1842—1910), известный также как лидер *прагматизма* (от греч. «прагма» — действие), философии, которая оценивает идеи и теории, исходя из

79

того, какую практическую пользу они приносят индивиду.

В своих «Основах психологии» (1890) Джеймс писал, что внутренний опыт человека — это не «цепочка элементов», а «поток сознания», отличающийся личностной (в смысле выражения интересов личности) избирательностью (способностью постоянно производить выбор).

Обсуждая проблему эмоций, Джеймс (одновременно с датским врачом Карлом Ланге) предложил парадоксальную, вызвавшую споры концепцию, согласно которой первичными являются изменения в мышечной и сосудистой системах организма, вторичными — вызванные ими эмоциональные состояния. «Мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого».

Другим важным феноменом Джеймс считал идеомоторный акт. По его мнению, любая мысль (идея) о движении переходит в движение мышц (моторику), когда этому не препятствует другая мысль. (На этом основано, в частности, «чтение мыслей», когда фокусник, взяв человека за руку, требует от него: «думайте^ думайте!» Думая о движении — например, о том, чтобы достать какой-либо предмет, подойти к какому-нибудь месту и т. д. — человек незаметно для самого себя напрягает мышцы и посредством этих микродвижений подсказывает обладающему высокой чувствительностью к изменениям напряжения мышц фокуснику, какое именно движение было задумано).

Джеймс занимался также проблемой самооценки — соотношения сознания со структурой личности, с тем как она сама себя оценивает. Он поставил чувство самоуважения в зависимость от уровня притязаний. Согласно его формуле, удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью зависит от успеха, «деленного» на притязания. Степень самоуважения будет возрастать либо при действительном успехе, либо при отказе от стремления к нему.

Как видно, понимание Джеймсом сознания решительно отличалось от вундтовского. Для Джеймса главный вопрос — это вопрос о том, как сознание связано с реальным адаптивным поведением с одной стороны, и с интересами личности — с другой. За Джеймсом последовали многие американские психологи, стремясь сблизить как можно теснее науку с жизнью, с практикой воздействия на людей, в том числе, с запросами экономики, обучения и лечения.

Хотя Джеймс не создал ни целостной системы, ни школы, его взгляды на служебную роль сознания во взаимодействии организма со средой, вызывающей к практическим решениям и действиям, прочно вошли в идейную ткань американской психологии. По блестяще написанной в конце прошлого века книге Джеймса до сих пор учатся в американских колледжах.

Принципиально новый подход к определению предмета психологии сложился под влиянием работ Ивана Петровича Павлова (1859—1963) и Владимира Михайловича Бехтерева (1857—1927). Экспериментальная психология возникла из исследований органов чувств. Поэтому она и считала в те времена своим предметом продукты деятельности этих органов — ощущения. Павлов и Бехтерев обратились к высшим нервным центрам головного мозга — органам управления поведением целостного организма в окружающей среде. Вслед за Сеченовым они утверждали, что изучать нужно не изолированное сознание, а целостное поведение организма. Поскольку теперь взамен ощущения в качестве исходного понятия выступил рефлекс, это направление приобрело известность под именем рефлексологии.

Рефлекс — это целостный акт. Он включает восприятие внешнего воздействия, затем — его переработку в головном мозгу и, наконец, третий, завершающий «блок» — ответную реакцию организма в виде работы исполнительных органов (в частности, мышечной системы).

До Сеченова считалось, что по закону рефлекса работает только спинной мозг. Сеченов же доказал, что рефлекторно все поведение целиком. В то же время он радикально пересмотрел прежнюю схему рефлекторной дуги. Начинается рефлекс не чисто механическим толчком (таким, например, как удар врача

молоточком по колену), а особым сигналом, который Сеченов называл чувствованием, а в психологии принято называть чувственным восприятием или же чувственным образом. Этот образ строится в головном мозгу, там же соединяется с другими образами и перерабатывается из чувственного в умственный образ (понятие). На основе воспринятого во внешнем мире строится третий «блок» — мышечная работа, начиная от ходьбы и кончая сложными действиями с предметами.

Сеченов, как уже говорилось, дополнил «трехчлен-

81

ную» рефлекторную дугу четвертым «членом», а именно сигналами, которые идут из мышц обратно в головной мозг, чтобы сообщить, успешно ли выполнено запланированное действие. Тем самым «дуга» была «замкнута» и превратилась в «кольцо». Изучив концепцию Сеченова, Павлов и Бехтерев независимо друг от друга разработали в противовес субъективному понятию о сознании объективное понятие о поведении.

И. П. Павлов обнародовал свою программу в 1903 году, назвав ее «Экспериментальная психология и психопатология на животных». В дальнейшем от слова «психология» он отказался и даже брал со своих сотрудников штраф, когда они, обсуждая опыты над собаками, применяли психологические термины. Поводом послужила отягченность этих терминов родимыми пятнами субъективной психологии сознания, тогда как главным делом павловской школы было строго объективное изучение поведения.

Чтобы понять революционный смысл учения о поведении, следует иметь в виду, что Павлов называл его учением *о высшей нервной деятельности*. Речь шла не о замене одних слов другими, но о кардинальном преобразовании всей системы категорий, в которых объяснялась эта деятельность.

Если прежде под рефлексом имелась в виду жестко фиксированная, стереотипная реакция, то Павлов вводил в это понятие принцип условности. Отсюда и его главный термин — условный рефлекс. Это означало, что организм приобретает и изменяет программу своих действий в¹ зависимости от условий — внешних и внутренних. Внешние раздражители становятся для него сигналами, ориентирующими в среде, а реакция закрепляется только в том случае, если ее санкционирует, подкрепляет внутренний фактор — потребность организма (например, в пище). Модельный опыт Павлова заключался в выработке реакции слюнной железы собаки на звук, свет и т. п.

На этой гениально простой модели, варьируя бесчисленное число раз вместе с учениками (школу Павлова прошло около 300 исследователей) условия образования, преобразования, сочетания рефлексов, Павлов открыл законы высшей нервной деятельности. За каждым на первый взгляд несложным опытом скрывались разработанные павловской школой понятия (о сигнале, временной связи, подкреплении, торможении, дифференцировке, управлении и др.), позволяющие причинно

82

объяснять, предсказывать и модифицировать поведение.

Сходные идеи развивал в книге «Объективная психология» (1907) Бехтерев, давший условным рефлексам другое имя — сочетательные.

Между воззрениями двух ученых имелись различия, но оба ориентировали психологов на коренную перестройку представлений о предмете психологии.

Под влиянием этих идей возникло мощное направление, утвердившее в качестве предмета психологии поведение как совокупность реакций организма, обусловленную общением со стимулами среды, к которой он адаптируется.

Кредо этого направления запечатлел термин *поведение* (англ. «бихевиор»), а-само оно было названо **бихевиоризмом**. Его «отцом» принято считать Джона Уотсона (1878—1958), статья которого «Психология, каковой ее видит бихевиорист» (1913) стала манифестом новой школы. Уотсон требовал «выбросить за борт» как пережиток алхимии и астрологии все понятия субъективной психологии сознания и перевести их на язык объективно наблюдаемых реакций живых существ на раздражители. Ни Павлов, ни Бехтерев, на концепции которых опирался Уотсон, не придерживались столь радикальной точки зрения. Они надеялись, что объективное изучение поведения в конце концов, как говорил Павлов, прольет свет на «муки сознания».

Бихевиоризм стали называть «психологией без психики». Этот оборот предполагал, что психика идентична сознанию. Между тем, требуя устранить сознание, бихевиористы вовсе не превращали организм в лишенное психических качеств устройство; они лишь изменяли представление об этих качествах. Реальный вклад, нового направления заключался в резком расширении изучаемой психологией области. Отныне она включала доступные внешнему объективному наблюдению, независимые от сознания «стимул-реактивные» отношения.

Изменились и психологические эксперименты. Они ставились преимущественно на животных — белых крысах. В качестве экспериментальных устройств, взамен прежних физиологических аппаратов, были изобретены различные типы лабиринтов и «проблемных ящиков»; Запускаемые в них животные

научались находить из них выход.

Тема научения, приобретения навыков путем проб и ошибок стала центральной для этой школы, собрав-

83

шей огромный экспериментальный материал о факторах, определяющих модификацию поведения. Материал подвергался дотошной статистической обработке. Ведь реакции животных носили не жестко предопределенный, а статистический характер. Изменялось воззрение на законы, правящие поведением живых существ, в том числе человека, представшего в этих опытах как «большая белая крыса», ищущая свой путь в «лабиринте жизни», где вероятность успеха не предопределена и царит Его Величество Случай.

Исключив сознание, бихевиоризм неизбежно оказался односторонним направлением. Вместе с тем он ввел в научный аппарат психологии категорию *действия* в качестве не только внутренней духовной (как в прежние времена), но и внешней, телесной реальности. Бихевиоризм изменил общий строй психологического познания, предмет которого охватывал отныне построение и изменение реальных телесных действий в ответ на широкий спектр внешних вызовов. Странники этого направления рассчитывали, опираясь на данные экспериментов, объяснить законами научения любые естественные формы поведения людей, такие, например, как строительство небоскреба или игру в теннис.

Одновременно с бихевиоризмом до основания подорвал психологию сознания психоанализ. За покровом сознания он обнажил мощные пласты неосознаваемых субъектом психических сил, процессов и механизмов. Мнение о том, что *область психического* простирается за пределами тех испытываемых субъектом явлений, о которых он способен дать отчет, высказывалось и до того, как психология приобрела статус опытной науки, но предметом психологии она стала благодаря психоанализу.

Так называл свое учение австрийский врач Зигмунд Фрейд (1856—1939). Как и многие другие классики современной психологии, он долгие годы занимался изучением центральной нервной системы и приобрел солидную репутацию специалиста в этой области.

Занимаясь лечением больных психическими расстройствами, Фрейд на первых порах пытался объяснить симптомы заболевания динамикой нервных процессов (используя, в частности, сеченовское понятие о торможении). Однако чем больше он углублялся в эту область, тем острее испытывал неудовлетворенность. Ни в нейрофизиологии, ни в царившей тогда психологии сознания он не видел средств, позволяющих объяснить

причины патологических изменений в психике пациентов. Только устранив эти причины, можно было надеяться на терапевтический эффект.

В поисках выхода ученый обратился от анализа сознания к изучению скрытых, глубинных слоев психической активности личности. До Фрейда они не были предметом психологии, теперь стали его неотъемлемой частью.

Первый импульс их изучению придало применение гипноза. Внушив загипнотизированному человеку какое-либо действие с тем, чтобы он его выполнил после пробуждения, можно наблюдать, как испытываемый, не зная истинной причины своего поступка (хотя и совершает его в полном сознании), начинает придумывать оправдательные мотивы. Истинные причины от сознания скрыты, но именно они управляют поведением. Анализом этих сил и занялись Фрейд и его последователи, используя психоанализ как одно из самых мощных и влиятельных направлений в современной науке о человеке.

Применяя различные методики толкования психических проявлений (свободный ассоциативный поток мыслей у пациентов, образы их сновидений, ошибки памяти, оговорки, перенос пациентом своих чувств на врача и др.), психоаналитики разработали разветвленную сеть понятий, с помощью которой уловили глубинные «вулканические» процессы, скрытые за явленными сознанию в «зеркале» самонаблюдения.

Главной среди этих процессов была признана имеющая сексуальную природу энергия влечения — *либидо*. С раннего детства в условиях семейной жизни она определяет мотивационный ресурс личности. Испытывая различные трансформации, она подавляется, вытесняется и, тем не менее, прорывается сквозь «цензуру» сознания по обходным путям, разряжаясь в различных симптомах, в том числе патологических (расстройства движений, восприятия, памяти и т. д.).

Этот взгляд привел к пересмотру прежней трактовки сознания. Его активная роль в поведении не отвергалась, но представлялась существенно иной, нежели в прежней психологии. Отношение сознания к бессознательной психике мыслилось неизменно конфликтным. В то же время считалось, что только благодаря осознанию причин подавленных влечений и потаенных комплексов удастся (с помощью техники психоанализа) избавиться от душевной травмы, которую они нанесли личности.

Открыв объективную лонходинамику и психознергетику мотивов поведения личности, скрытые «за кулисами» ее сознания, Фрейд преобразовал прежнее понимание предмета психологии. Прделанная им и множеством его последователей психотерапевтическая работа обнажила важнейшую роль мотивационных

факторов как объективных и, стало быть, независимых от того, что нашептывает «голос самосознания», регуляторов поведения.

Фрейда окружало множество учеников. Наиболее самобытными из них были Карл Юнг (1875—1961) и Альфред Адлер (1870—1937), создавшие собственные направления. Первый назвал свою психологию *аналитической*, второй — *индивидуальной*. Их имена в психоанализе были так тесно связаны, что когда Юнг, представляясь хранителю Британского музея, назвал свою фамилию, тот переспросил: «Фрейд-Юнг-Адлер?», и услышал в ответ извинительное: «Нет, только Юнг».

Первым нововведением Юнга было понятие о «коллективном бессознательном». Если, по Фрейду, в бессознательную психику индивида могут войти явления, вытесненные из сознания, то Юнг считал ее насыщенной формами, которые ни в коем случае не могут быть индивидуально приобретенными, но являются даром далеких предков. Анализ позволяет «нащупать» этот дар, образуемый несколькими потаенными психическими-структурами, которые Юнг назвал *архетипами* (от греч. слов «архе» — начало и «типос» — образ).

Будучи скрытыми от сознания организаторами личного опыта, архетипы обнаруживаются в сновидениях, фантазиях, галлюцинациях, а также в творениях культуры. Большую популярность приобрело разделение Юнгом человеческих типов на *экстравертный* (обращенный вовне, социально активный) и *интравертный* (обращенный вовнутрь, сосредоточенный на собственных влечениях), которым он, вслед за Фрейдом, дал имя «либидо», считая, однако, неправомерным отождествлять их с сексуальным инстинктом.

Адлер, модифицируя исходную доктрину психоанализа, выделил в качестве фактора развития личности *чувство неполноценности*, порождаемое, в частности, телесными дефектами. Как реакция на это чувство-возникает стремление к его компенсации и сверхкомпенсации с тем, чтобы добиться превосходства над другими. В «комплексе неполноценности» скрыт источник

Психоаналитическое движение широко распространилось в разных странах. Возникали новые варианты объяснения и лечения неврозов, неосознаваемых влечений, комплексов, психических травм.

Изменились и представления самого Фрейда на структуру и динамику личности. Ее организация выступила в виде модели, компонентами которой являются *Оно* (слепые иррациональные влечения), *Я* (эго) и *Сверх-Я* или супер-эго (уровень моральных норм и запретов, возникающих в силу того, что в первые же годы жизни ребенок идентифицирует себя с родителями). От напряжения, в котором оказывается Я из-за давления на него с одной стороны слепых влечений, с другой — моральных запретов, человека спасают защитные механизмы вытеснения (устранения мыслей и чувств в область бессознательного), сублимации (переключения сексуальной энергии на творчество) и т. п.

Одним из ответвлений психоанализа стала так называемая эго-психология. У Фрейда под эго (*Я*) понималась одна из частей в структуре человеческой психики. Другая часть (*Оно*) — это подспудные врожденные, бессознательные влечения, среди них стремление к жизни, определяемое главным образом сексуальным влечением (Эрос) и агрессивное влечение к смерти, к уничтожению индивидом других или же самого себя (Танатос). Наконец, третья часть, на которой строится психическая организация личности, *Сверх-Я*, состоит из социальных правил и стереотипов, усвоенных индивидом в детстве благодаря подражанию взрослым или под тираническим воздействием семейного окружения. *Сверх-Я* развивается от принятия этих внешних норм поведения к формированию внутренних установок и идеалов; при этом оно находится в постоянном противоречии с бессознательными инстинктами, реализованными в *Оно*. Ареной этой борьбы и становится Я (эго), переживающее внутренний конфликт между угрызениями совести и неудовлетворенными инстинктами.

Итак, некое целое, обычно понимаемое под человеческим «Я», психоанализ расщепил на три части, оставив на долю собственно Я только некоторые психические процессы — память, мышление и др.

Дочь Фрейда, Анна Фрейд, подвергла критике этот взгляд, считая, что на долю самого Я (эго) здесь остается очень мало, что «бедное Я» оказывается зажатым

между двумя мощными силами: *Оно* и *Сверх-Я*. По ее мнению, которое развили другие сторонники психоанализа и ее последователи (прежде всего Э. Эриксон), Я имеет самостоятельное значение и способно активно противостоять влечениям (инстинктам) и тирании *Сверх-Я*. Особые механизмы защиты, присущие Я, спасают человека от чувства тревоги, ограждают его сознание от травмирующих переживаний; благодаря им человек, вовлеченный в конфликт, способен успешно¹ разрешить его, добиться согласия с окружающими и самим собой.

Психоанализ строился на постулате, согласно которому человек и социальный мир находятся в состоянии тайной, извечной вражды. Иное понимание отношений между индивидом и обществом утвердилось во французской психологии. Личность, ее действия и функции объяснялись социальным контекстом, взаимодействием людей. В этом тигле выплавляется внутренний мир субъекта со всеми его уникальными признаками, которые прежняя психология сознания принимала за изначально данное.

Наиболее последовательно эту линию, популярную среди французских исследователей, развивал Пьер Жане (1859—1947). Его первые работы по психиатрии касались болезней личности, возникающих при разрыве связей между идеями и стремлениями личности из-за падения «психического напряжения» (Жане предложил называть этот феномен «психастенией»). В результате ткань психической жизни расщепляется; в одном организме начинают жить как бы несколько личностей.

В дальнейшем Жане принял в качестве ключевого объяснительного принципа человеческого поведения *общение как сотрудничество*. Именно в его глубинах рождаются различные психические функции: воля, память, мышление и др. В целостном процессе сотрудничества происходит разделение актов: один индивид выполняет первую часть действия, второй — другую его часть; один командует, другой подчиняется. Затем субъект совершает по отношению к самому себе действие, к которому прежде принуждал другого. Он научается сотрудничать с собой, подчиняться собственным командам, выступая как автор действия, как лицо, обладающее собственной волей.

Многие психологические концепции принимали волю за особую силу, коренящуюся в сознании субъекта. Теперь же доказывалась ее вторичность, ее производ-

ность от объективного процесса, в котором непременно представлен другой человек. Это же относится к памяти, изначально предназначенной для передачи поручений другим людям, тем, кто отсутствует. Что касается умственных операций, то и они с самого начала являются реальными телесными действиями (в частности, речевыми), которыми люди обмениваются, совместно решая свои жизненные задачи.

Главным же механизмом, работающим на возникновение внутриспсихических процессов, служит интериоризация. Социальные действия из внешних, объективно наблюдаемых становятся внутренними, незримыми для других. Именно в силу этого возникает иллюзия их бестелесности и порождаемости «чистым» Я, а не сетями межличностных связей.

Эта ветвь психологических исследований внесла свою лепту в изменения исходной трактовки предмета психологии. Сохраняя сознание в качестве его ядра, она принимала за его единицы не сенсорные (ощущения, образы), интеллектуальные (идеи, мысли) или эмоционально-волевые элементы, а социальные действия (сперва внешние, а затем — внутренние). Прежние концепции, исходным пунктом которых служил индивид как носитель психических актов и содержаний, искали пути его социализации, т. е. приобщения к принятым нормам и правилам жизни.

Вектор психологического изучения человека — по Жане — должен быть противоположным. Объяснению подлежит не социализация, а индивидуализация, т. е. причинный анализ того, как из социальных актов и отношений, в гуще которых изначально существует индивид, строится внутренний, личностный план его поведения. Таким образом, в психической жизни человека в качестве неперменного «измерения» прорисовывалась ее изначальная социальность.

При всех преобразованиях, которые испытывала психология, понятие сознания сохраняло в основном прежние признаки. Изменялись лишь взгляды на его отношение к поведению, к неосознаваемым психическим явлениям, к социальным влияниям. Новые же представления о том, как организовано само это сознание, впервые сложились с появлением научной школы, кредо которой выразилось в понятии *гештальта* (динамической формы, структуры). В противовес трактовке сознания как «сооружения из кирпичей (ощущений) и цемента (ассоциаций)» утверждался приоритет целост-

89

ной структуры, от общей организации которой зависят ее отдельные компоненты.

Сама по себе мысль о том, что целое не сводится к образующим его частям, известна давно. С ней можно было столкнуться также в работах некоторых психологов-эксперименталистов, указывавших, в частности, что одна и та же мелодия, которую играют в различном ключе, воспринимается как та же самая (хотя ощущения в этом случае совершенно различны), т. е. ее звуковой образ представляет собой особую целостность.

Важные факты, касающиеся целостности восприятия, его несводимости к ощущениям, стекались из различных лабораторий. Так, датский психолог Э. Рубин изучил интересный феномен «фигуры и фона». Фигура объекта воспринимается как замкнутое целое, а фон простирается позади. При так называемых «двойственных изображениях» в одном и том же рисунке различаются либо ваза, либо два профиля. Эти и множество аналогичных фактов говорили о целостности восприятия.

Идея о том, что здесь действует общая закономерность, требующая нового стиля психологического мышления, объединила группу молодых ученых, в которую вошли Макс Вертгеймер (Вертхаймер) (1880—1943), Вольфганг Кёлер (1887—1967) и Курт Коффка (1886—1941)—лидеры направления, названного гештальтпсихологией. Они подвергли критике не только старую-интроспективную психологию, занятую поиском исходных элементов сознания, но и молодой бихевиоризм. Критика последнего представляет особый интерес.

В опытах над животными гештальтисты показали, что, игнорируя психические образы —

гештальты, нельзя объяснить двигательное поведение. Об этом говорил, например, феномен *транспозиции*. В ходе эксперимента с курами у последних вырабатывалась дифференцировка двух оттенков серого цвета. Сначала куры научились клевать зерна, разбросанные па сером квадрате, отличая его от находившегося рядом черного. В контрольном опыте тот квадрат, который первоначально служил положительным раздражителем, оказывался рядом с еще более светлым квадратом. Куры выбирали именно этот последний, а не тот, на котором они привыкли клевать—т. е. реагировали не на стимул, а на соотношение стимулов (па «более светлое»).

Критике гештальтистов подвергалась и бихевиористская формула «проб и ошибок». В противовес ей в

90

опытах над человекообразными обезьянами выявилось, что они способны найти выход из проблемной ситуации не путем случайных проб, а мгновенно уловив отношения между вещами. Такое восприятие отношений было названо *инсайтом* (озарением). Он возникает благодаря построению нового гештальта, который не является результатом научения и не может быть выведен из прежнего опыта.

В частности, широкий интерес вызвала ставшая классической работа В. Келера «Исследование интеллекта у антропоидов». Один из подопытных шимпанзе (Келер назвал его «Аристотелем среди обезьян») справлялся с задачей доставания приманки (банана) путем мгновенного улавливания отношений между разбросанными предметами (ящиками, палками), оперируя которыми, он достигал цели. У него наблюдалось нечто подобное человеческому «озарению» (великий Архимед выразил его возгласом «Эврика!» — «Нашел!»), названному одним психологом «ага-переживанием».

Изучая мышление человека, гештальтпсихологи доказывали, что умственные операции при решении творческих задач подчинены особым принципам организации гештальта («группировка», «центрирование» и др.)» а не правилам формальной логики. Сознание в их теории было представлено как целостность, создаваемая динамикой познавательных - (когнитивных) структур, которые преобразуются по психологическим законам.

Теорию, близкую к гештальтизму, но применительно к мотивам поведения, а не психическим образам (чувственным и умственным), развивал Курт Левин (1890— 1947). Он назвал ее «теорией поля», понятие о котором было заимствовано им, как и другими гештальтистами, в физике и использовалось в качестве аналога гештальта. Личность, по Левину, есть «система напряжений»; она перемещается в среде (жизненном пространстве), одни районы которой ее притягивают, другие — отталкивают. Следуя этой модели, Левин совместно с учениками провел множество экспериментов по изучению динамики мотивов.

Один из экспериментов проводила приехавшая с мужем из России Б. В. Зейгарник. Испытуемым предлагался ряд заданий.¹ Одни задания они завершали, тогда как выполнение других под различными предлогами прерывалось. Затем испытуемых просили вспомнить, что они делали во время опытов. Оказалось, что память на прерванное действие значительно лучше, чем

91

на завершенное. Этот феномен, названный «эффектом Зейгарник», показывал, что энергия мотива, созданная заданием, не исчерпав себя (задание было прервано), сохранилась и прорвалась в память о нем.

Другим направлением стало изучение *уровня притязаний*. Это понятие обозначало степень сложности: цели, к которой стремится субъект. Испытуемому предъявлялась шкала заданий различной степени трудности. После того, как он выбрал и выполнил (или не выполнил) одно из них, у него спрашивали, задачу какой степени трудности он выберет следующей. Этот выбор после предшествующего успеха (или неуспеха) и фиксировал уровень притязаний. За ним скрывались многочисленные повседневные проблемы, с которыми сталкивается личность — переживаемые ею успех или неуспех, надежды, ожидания, конфликты, притязания и др.

За несколько десятилетий первые ростки новой дисциплины, выступившей под **древним** именем психологии, развились в целую область научных знаний. По* богатству теоретических идей и эмпирических методов она заняла достойное место среди других наук. Как далеко отстояли первые попытки найти в качестве уникального предмета психологии элементы сознания от широкой многокрасочной панорамы душевной жизни и поведения животных и человека, созданной энергией, многих школ и направлений!

Распад на школы, каждая из которых претендовала па роль истинной психологии, стал поводом для **оценки** столь необычной для науки ситуации как кризисной. Реальный же исторический смысл этого распада заключался в том, что средоточием исследовательской программы каждой из школ стала разработка одного из блоков категориального аппарата психологии.

Каждая наука оперирует своими категориями, т. е. наиболее общими разрядами мысли, фундаментальными; понятиями, невыводимыми из других. Категории, возникшие в недрах философии

(Аристотель первым выделил такие категории, как сущность, количество, качество, время и др.), образуют внутренне связанную систему. Она выполняет в познавательном процессе рабочую функцию и потому может быть названа аппаратом, посредством которого анализируется исследуемая реальность, данная в количественных, качественных, временных и тому подобных характеристиках.

Наряду с названными глобальными, философским»;

92

категориями (и в тесной связи с ними) конкретная наука оперирует собственными категориями. В них представлен не мир в целом, а предметная область, «выкошенная» из этого мира с целью детального изучения ее особой, уникальной природы. Одной из таких областей является психика, или, говоря языком русского ученого Н. Н. Ланге, — психосфера. ;

Конечно, к психике тоже приложимы категории количества, качества, времени и др. Но чтобы познать ее природу, законы, которым она подчинена, овладеть ею на практике, нужен *специальный категориальный аппарат*, отличающий психическую реальность от физической, биологической, социальной. Истории было угодно распорядиться так, чтобы этот аппарат формировался в психологии «поблочно».

Среди основных категориальных «блоков» психологии выделяются: психический образ, психическое действие, мотив, психосоциальное отношение, личность. Любая мысль, вступая в общение с психической реальностью, охватывает ее не иначе, как в этих категориях. Разобщенность же психологических школ в начале XX века стала следствием того, что каждая из них прицельно сосредоточилась на одном из блоков.

Так, категория *образа* стала одной из первых в теоретических схемах экспериментальной психологии, поскольку она опиралась на физиологию органов чувств, продуктом деятельности которых служат элементарные психические образы — ощущения. Преодолевая «атомистический» структурный анализ пундтовской школы, гештальтпсихология экспериментально доказала, во-первых, целостность и предметность образа, во-вторых, зависимость от него поведения организма.

В противовес версии об элементах сознания функциональная психология сосредоточилась на его *функциях*, актах. Однако логика науки требовала перейти от внутриспсихического действия к объективному, соединяющему организм с его средой.

Рефлексология и бихевиоризм внесли непреходящий вклад в разработку категории *действия*. Психоанализ поставил в центр своих построений категорию *мотива*, по отношению к которому вторичны и образ, и действие, а затем, опираясь на нее, предложил динамическую *модель* организации личности. Наконец, французские психологи сосредоточились на *сотрудничестве* между людьми, на процессах общения, включив тем самым в

93

систему категорий *психосоциальные отношения* как инварианту аппарата психологического познания.

Инварианта выражает наиболее устойчивое и постоянное в системе. Категории психологии инварианты по отношению к системе психологических знаний. Каждая школа сосредоточивалась на одной из инвариант, но проделанная работа обогащала систему в целом. Однако, поскольку прицельная разработка одной из инвариант неотвратимо придавала теоретическому облику школы односторонность, дальнейшее развитие психологической мысли шло в направлении поиска *интегральных схем*, которые открывали перспективу *синтеза идей*, порожденных «монокатегориальными» школами.

Раздел 9. ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ

Анализ путей развития-основных психологических школ говорит об общей тенденции — обогащении категориальной основы каждой из них теоретическими ориентациями других школ.

Формула бихевиоризма была четкой и однозначной: стимул— реакция. Вопрос о тех процессах, которые происходят в организме, о его психическом устройстве между стимулом и реакцией снимался с повестки дня. Такая позиция следовала из философии позитивизма: убеждения в том, что научный факт должен быть непосредственно наблюдаем. Как внешний стимул, так и реакция (ответное движение) открыты для наблюдения каждому, независимо от его теоретической позиции. Поэтому связка «стимул— реакция» служит, согласно радикальному бихевиоризму, незыблемой опорой психологии как точной науки.

Между тем, в кругу бихевиористов появились выдающиеся психологи, поставившие этот постулат под сомнение. Первым из них был американец Эдвард Толмен (1886—1959), согласно которому формула поведения должна состоять не из двух, а из трех членов, и выглядеть следующим образом: стимул (независимая переменная) — промежуточные переменные — зависимая переменная (реакция). Среднее звено (промежуточные переменные) есть не что иное как недоступные прямому наблюдению психические моменты: ожидания, установки, знания.

Следуя бихевиористской традиции, Толмен ставил опыты над крысами, ищущими выход из

лабиринта. Главный вывод из этих опытов сводился к следующему: опираясь на строго контролируемое и объективно наблюдаемое экспериментатором поведение животных, можно достоверно установить, что поведением управляют не те стимулы, которые действуют на подопытных

95

в данный момент, а особые внутренние регуляторы. Поведение предваряют своего рода ожидания, гипотезы, познавательные (когнитивные) «карты». Эти карты животное само строит, по ним ориентируется в лабиринте, узнает, «что ведет к чему».

Положение о том, что психические образы служат регулятором действия, было обосновано гештальттеорией. Учтя ее уроки, Толмен разработал собственную теорию **когнитивного бихевиоризма**.

Другой вариант необихевиоризма связан с школой Кварка Халла (1884—1952). Он ввел в формулу «стимул— реакция» другое среднее звено, а именно *потребность организма* (пищевую, сексуальную, во сне и др.-J, придающую поведению энергию и создающую незримый потенциал реакции. Этот потенциал разряжается при подкреплении (понятие, которое Халл заимствовал у И. П. Павлова), и тогда реакция закрепляется, а организм чему-то научается.

В защиту ортодоксального бихевиоризма с его игнорированием любых внутренних факторов выступил Бур-хус Скиннер (1904—1990). Условный рефлекс он назвал *оперантной реакцией*. Если у Павлова новая реакция вырабатывалась в ответ на условный сигнал при его подкреплении (например, когда перед кормлением раздавался стук метронома и т. п.), то у Скиннера организм сначала производит движение, затем получает (или не получает) подкрепление.

Скиннер сконструировал экспериментальный ящик, в котором белая крыса (голубь) могла нажимать на рычажок (кнопку). Перед подопытным животным была кормушка и набор раздражителей, из которых Скиннер составлял множество различных «планов подкрепления» (например, перед крысой закреплялись два рычага, и она оказывалась в ситуации выбора; или крыса получала пищу только при загорании лампочки после нажатия на рычаг; или пища выдавалась только при нажиме с определенной силой, частотой и т. д.). Последователи Скиннера применяли технику выработки оперантных реакций при обучении и воспитании детей, при лечении невротиков.

Во время второй мировой войны Скиннер работал над проектом использования голубей для управления стрельбой по самолетам. Позже, посетив как-то урок арифметики в школе, где занималась его дочь, Скиннер был поражен, увидев, сколь мало используются данные психологии. Для улучшения преподавания он

96

изобрел серию обучающих машин и концепцию программированного обучения. Он надеялся, опираясь на теорию оперантных реакций, создать программу «изготовления» людей для нового общества.

Работы Скиннера, как и других бихевиористов, обогатили знание об общих правилах выработки навыков, о роли подкрепления (которое служит неперменным мотивом этих навыков), о динамике перехода от одних форм поведения к другим и т. п.

Однако интересы бихевиористов не ограничивались проблемой научения у животных. Открыть общие, научно выверенные объективные законы построения любого поведения, в том числе человека, — такова была сверхзадача всего бихевиористского движения. «Человек или робот?» — этот вопрос задавали бихевиористам их противники, справедливо указывая, что, устранив внутреннюю психическую жизнь человека из сферы точного причинного анализа, бихевиоризм трактует личность как машинообразно работающее устройство. Строгость объективного анализа реакций организма достигалась дорогой ценой: сознание переставало быть внутренним регулятором поведения.

Бихевиористы полагали, что, опираясь на формулу «стимул — реакция», удастся вывести новую породу людей. Утопичность этого плана явно прослеживается в концепциях типа скиннеровской. Даже применительно к животным Скиннер, как заметили его друзья, имел дело с «пустым организмом», не имевшим ничего, кроме спонтанных реакций. Ни для деятельности нервной системы, ни для психических функций в скиннеровской модели места не оставалось. Проблема развития также снималась с повестки дня, будучи подменена описанием того, как из одних навыков возникают другие. Огромные пласты высших проявлений психической жизни, открытых и изученных многими школами, выпадали из предметной области бихевиористской психологии.

Создателем наиболее глубокой и влиятельной теории развития интеллекта стал швейцарец Жан Пиаже (1896—1980). Он преобразовал основные понятия других школ: бихевиоризма (взамен понятия реакции он выдвинул понятие операции), гештальтизма (гештальт уступил место понятию структуры) и Жана (переняв у него принцип-интериоризации; восходящий к Сеченову).

Свои новые теоретические представления Пиаже строил на прочном эмпирическом фундаменте — на материале развития мышления и речи у ребенка. В рабо-

97

тах начала 20-х годов «Речь и мышление ребенка»* «Суждение и умозаключение у ребенка» и др. Пиаже на основе примененного им метода беседы (детям задавались вопросы, например, отчего движутся облака, вода, ветер? Откуда происходят сны? Почему плавает лодка? и т. п.), сделал любопытный вывод: если взрослый размышляет *социально* (мысленно обращаясь к другим людям) даже наедине с самим собой, то ребенок размышляет или говорит *эгоцентрично* ни к кому не обращаясь, и в присутствии других людей.

Принцип эгоцентризма (от лат. «эго» — я и «цент-рум» — центр круга) царит над мыслью дошкольника, который сосредоточен на своей позиции (интересах, влечениях) и не способен стать на место другого («де-центрироваться»), критически оценить свои суждения со стороны. Его суждениями правит «логика мечты», уносящая от реальности.

Эти выводы Пиаже, в которых ребенок выглядел игнорирующим реальность мечтателем, подверг критике Выготский, давший свое толкование эгоцентрической речи ребенка (см. ниже). В то же время он чрезвычайно высоко оценил труды Пиаже, который предпочитает говорить не о том, чего ребенку не хватает сравнительно с взрослым (меньше знает, проще мыслит и т. п.), а о том, что у ребенка есть, какова его внутренняя психическая организация.

Пиаже выделил несколько стадий в эволюции детской мысли: например, своеобразную магию, когда ребенок надеется с помощью слова или жеста изменить внешний предмет; или же своеобразный анимизм, когда предмет наделяется волей или жизнью («солнце движется, потому что оно живое»). Будучи неспособен мыслить абстрактными понятиями, соотносить их, ребенок опирается в своих объяснениях на конкретные случаи.

В дальнейшем Пиаже свел все эти стадии к четырем возрастным периодам. Первоначально (до двух лет) детская мысль содержится в предметных действиях; затем (от двух до семи лет) они интериоризируются (переходят из внешних во внутренние), становятся пре-доперациями (действиями) ума; на третьей стадии (от 7 до 11 лет) возникают конкретные операции; на четвертой (от 11 до 15 лет) — формальные операции, когда мысль ребенка способна строить логически обоснованные гипотезы, из которых делаются дедуктивные (от общего к частному) умозаключения. Операции не совершаются изолированно: будучи

98

взаимосвязаны, они создают устойчивые и в то же время подвижные структуры. Стабильность структур возможна только благодаря активности организма, его напряженной борьбе с разрушающими ее силами.

Стадийное развитие системы психических действий — такой представил Пиаже картину сознания. При этом вначале Пиаже испытал влияние Фрейда, считая, что человеческое дитя, появляясь на свет, движимо одним мотивом — стремлением к удовольствию, — и не желает ничего знать о реальности, с которой вынуждено считаться только из-за требований окружающих. Позже он признал исходным моментом в развитии детской психики реальные внешние действия ребенка (сенсомотор-ный, интеллект, т. е. элементы мысли, данные в движениях, которые регулируются чувственными впечатлениями).

Новым направлением, представители которого, усвоив основные схемы и ориентации ортодоксального психоанализа, пересмотрели базовую для него категорию мотивации, стал **неофрейдизм**. При этом решающая роль придавалась влиянию социокультурной среды. В свое время Адлер стремился объяснить бессознательные комплексы личности социальными факторами, (см. выше). Намеченный им подход был развит группой исследователей, которых принято называть неофрейдистами. То, что Фрейд относил за счет биологии организма, заложенных в нем влечений, неофрейдисты объясняли адаптацией индивида к исторически сложившейся культуре. Эти выводы базировались на большом антропологическом материале, собранном при изучении нравов и обычаев племен, далеких от западной цивилизации.

Одним из лидеров неофрейдизма была Карен Хорни (1885—1953). В своей теории, на которую она опиралась в психоаналитической практике, Хорни доказывала, что все конфликты, возникающие в детстве, порождаются отношениями ребенка с родителями. **Именно** из-за характера этих отношений у него возникает базальное чувство тревоги, отражающее беспомощность ребенка в потенциально враждебном мире. Невроз есть не что иное как реакция на тревожность, описанные же Фрейдом извращения и агрессивные тенденции являются не причиной невроза, а его результатом. Невротическая мотивация приобретает три направления: движение к людям как потребность в любви, движение от людей как потребность в независимости и движение

99

против людей как потребность во власти (порождающая ненависть, протест и агрессию).

Объясняя генезис и механизмы развития неврозов конкретным социальным контекстом, неофрейдисты, главным образом Э. Фромм, подвергали критике капиталистическое общество как источник отчуждения личности (в смысле, приданном этому термину Марксом)» утраты ею своей идентичности, забвения своего Я и т. п.

В середине XX века появились особые машины — компьютеры. Во всей предшествующей истории человечества машины являлись устройствами, которые перерабатывают либо материал (вещество), либо энергию. Компьютеры же стали носителями и преобразователями информации (от лат. «информацио» — разъясняя), иначе говоря — импульсов, передающих сообщения о чем-либо. Процесс передачи информации, управляющей поведением живых систем, происходит в различных формах с момента появления этих систем на Земле. Генетическая информация, определяющая характер наследственности, течет от одного организма к другому; животные общаются со средой и между собой посредством первой сигнальной системы (по И. П. Павлову); в человеческом обществе возникают и развиваются язык и другие знаковые системы.

Научно-технический прогресс привел к изобретению информационных машин. Тогда и сложилась наука *кибернетика* (от греч. «кибернетике» — искусство управления; ее «отцом» принято считать американского математика Н. Винера), которая стала рассматривать все формы сигнальной регуляции с единой точки зрения — как средства связи и управления в любых системах {технических, органических, психологических, социальных}. Разработанные кибернетикой специальные методы позволили не только понимать и перерабатывать информацию, но и обмениваться ею. Это привело к па-стоящей революции в общественном производстве, как материальном, так и духовном.

Появление информационных машин, способных с'ог-р'омной быстротой и точностью выполнять операции, считавшиеся уника'льным атрибутом человеческого мозга, оказало существенное влияние на психологию^ Возникли дискуссии по поводу того, не является ли работа компьютера подобием работы человеческого мозга, а, тем самым, и его умственной организации: ведь информация, перерабатываемая компьютером, может рас-

100

смаиваться как знание, в . занечатленни, хранении ,и преобразовании которого как раз и состоит важнейшая особенность психической активности. Образ компьютера («компьютерная метафора») изменил научное видение этой активности, результатом чего стали .коренные изменения в американской психологии, где десятилетиями господствовал бихевиоризм.

Как отмечалось, бихевиоризм притязал на строгую объективность своих теорий и методов. Его последователи полагали, что психология может быть точной наукой, подобно физике, лишь пока она ограничивается объективно наблюдаемым внешним поведением орга'низма. Отвергалось любое обращение к тому, что, по словам И. М. Сеченова, «нашептывает обманчивый голос самосознания» (интроспекции), любые показания субъекта о своих переживаниях. Научными признавались только те факты, которые можно измерить в сантиметрах, граммах и секундах.

Предмет, достойный имени научной психологии, сво'дился бихевиористами к отношению «стимул — реакция». В то же время в необихевиоризме сложилось представление о том, что в промежутке между этими двумя главными переменными действуют и другие—«промежуточные» — переменные. Одна из них была па-звана «когнитивной картой», создавая и используя которую организм ориентируется в проблемной ситуации.

Это подрывало главный постулат бихевиоризма. Сокрушительный удар по нему нанесло возникшее в середине XX века под впечатлением компьютерной революции новое направление, названное когнитивной психологией (от лат. слова «копштио» — знание, познание). Во главу угла было поставлено изучение зависимости поведения субъекта от внутренних, познавательных (информационных) процессов и структур {схем, «сценариев», сквозь призму которых он воспринимает свое жизненное пространство и действует в нем). То, в чем классический бихевиоризм отказывал человеку (восприятие, запоминание, внутреннее преобразование информации), оказалось делом объективно, независимо от человека, работающего компьютера.

Представление о том, что незримые извне познава-'тельные (когнитивные) процессы недоступны объективному, строго научному исследованию, было разрушено. Возникли различные теории организации и преобразования знания — от мгиоиенно воспринимаемых и сохраняемых чувственных образов до сложной многоуровне-

101

вой семантической (смысловой) структуры человеческого сознания (У. Найссер).

Направлением, решительно отвергнувшим бихевиоризм за игнорирование коренных человеческих проблем и своеобразия психической организации человека, стала **гуманистическая психология**. Гуманизм (от лат. «гуманно — человеческий»), в виде общей ориентации на отношение к человеку, его правам и свободе как высшей ценности, присущ многим **фйлософско-психологическим** течениям и теориям. Смысл же **гуманистической** концепции в психологии и ее название могут быть поняты только в конкретном историко-психологическом контексте.

Гуманистическая концепция возникла в середине столетия, когда общий облик американской

психологии (в русле которой и приобрело авторитет указанное движение) определялся всевластием двух направлений, или «двух сил», — различных вариантов бихевиоризма и психоанализа. Будучи общепсихологическими, они внедрялись также и в различные сферы практики, в особенности психотерапевтической. Именно среде психотерапевтов и раздались громкие голоса протеста против «двух сил», которым не без основания инкриминировались дегуманизация человека, представление о нем либо как о роботе (в более современном виде — как о маленьком компьютере), либо как о невротике, «бедное Я» которого разрывают различные комплексы — сексуальные, агрессивные, комплекс неполноценности и др. Ни то, ни другое, по мнению инициаторов создания гуманистической психологии, не позволяет раскрыть позитивное, конструктивное начало целостной человеческой личности, ее неистребимое стремление к творчеству и самостоятельному принятию решений, выбору своей судьбы. Гуманистическая психология, выступив против бихевиоризма и психоанализа, провозгласила себя «третьей силой».

В центре исследовательских интересов психологов-гуманистов стояли проблемы переживания человеком его конкретного опыта, не сводимого к общим рассудочным схемам и представлениям. Речь шла о восстановлении *аутентичности* (подлинности) личности, соответствия *экзистенции* (существования) ее истинной природе. При этом предполагалось (под влиянием философии экзистенциализма), что эта истинная природа открывается в так называемой пограничной ситуации, когда человек оказывается на границе бытия и небытия. Имеп-
102

но в этих условиях он освобождается от сковывающих его условностей и постигает свою экзистенцию.

Если во всех предшествующих психологических теориях решающая роль придавалась зависимости психики от прошлого и настоящего, то гуманистическое направление переместило вектор времени в будущее. Свобода выбора и открытость будущему — таковы признаки, на которые должны ориентироваться концепции личности. Только в этом случае человек сможет избавиться от чувства «заброшенности в мире» и обрести смысл своего бытия.

Понять любую теорию можно не только исходя из знания о том, что она утверждает, но и о том, что она отвергает. Гуманистическая психология отвергла конформизм как приспособление к существующему порядку вещей, «уравновешивание со средой» и детерминизм, как уверенность в причинной обусловленности поведения внешними биологическими и (или) социальными факторами. Конформизму были противопоставлены самостоятельность и ответственность субъекта, детерминизму же — самодетерминация. Именно они отличают человека от остальных живых существ и являются качествами, которые не приобретаются, а заложены в его биологии (сопротивление равновесию, потребность поддерживать неравновесное состояние, определенный уровень напряжения).

Развитие «третьей силы» имело социальную подоплеку. Оно выражало протест против деформации человека в современной западной культуре, лишаящей его собственной «личности», навязывающей представление о регулируемом — либо бессознательными влечениями, либо хорошо слаженной работой «социальной машины» — поведении. Применительно к практике психотерапии было сформулировано новое кредо — в пациенте следует видеть личность, способную самостоятельно вырабатывать ценностные ориентации и реали-зовывать самостоятельно сконструированный жизненный план.

Главная установка психотерапии, согласно точке зрени одного из лидеров гуманистической психологии, американского психолога К. Роджерса (1902—3990), должна быть сосредоточена не на отдельных симптомах пациента, а на нем самом как уникальной персоне. «Терапия, центрированная на клиенте» (1951) — так называлась книга Роджерса, где утверждалось, что психотерапевт должен общаться с обратившимся к нему

103

человеком не как с пациентом, а как с клиентом, пришедшим за советом. Психолог призван сосредоточиться не на проблеме, беспокоящей клиента, а на его личности с тем, чтобы пробудить в нем первичную потребность в самоактуализации. При этом важно представлять, каким видится субъекту, его «феноменальное поле», осознаваемый им внутренний план собственного поведения (прежняя интроспективная психология в своих экспериментальных лабораториях искусственно расщепила это целостное «поле» на изолированные-элементы сознания).

Для этого нужна «теплая эмоциональная атмосфера», в которой индивид (впоследствии Роджерс перенес акцент на группу индивидов, т. е. на групповую психотерапию) реинтегрирует свою творческую личность, как целое, и тогда избавляется от тревоги, психологических стрессов и пр. Главная задача — это не решение отдельной проблемы, которой озабочен пациент (клиент), а преобразование его личности, благодаря чему он перестраивает свой феноменальный мир и систему потребностей, и прежде всего — потребность в самоактуализации.

Интересные концепции, разработанные в русле гуманистической психологии, связаны с именами А. Маслоу и В. Франкла, Первый из них разработал *целостно-динамическую теорию мотивации*. В своей

книге «Мотивация и личность» (1954) Маслоу утверждает, что в каждом человеке заложена в виде особого инстинкта потребность в самоактуализации, высшим выражением которой служит особое переживание, подобное мистическому откровению, экстазу. Подавление этой витальной потребности (а не сексуальные травмы, как учил Фрейд), ведет к возникновению неврозов, душевных расстройств. Соответственно, превращение ущербной личности в полноценную должно рассматриваться с точки зрения восстановления и развития высших форм мотивации, заложенных в природе человека.

В Европе к сторонникам гуманистической психологии, но в особом, отличном от американского, варианте, близок Франкл, назвавший свою концепцию *логотерапией* (от греч. «логос» — смысл). В отличие от Маслоу, Франкл считает, что человек обладает свободой по отношению к своим потребностям и способен «выйти за пределы самого себя» в поисках смысла. Не принцип удовольствия (Фрейд) и *НЧ ВОЛЯ К власти* (Адлер), а *воля к смыслу* — таково, согласно Франклу, истинно

104

человеческое начало поведения. При утрате смысла возникают различные формы неврозов. Действительность такова, что человек вынужден не столько достигать «равновесия» со средой, сколько постоянно отвечать на вызов жизни, противостоять ее тяготам. Это создает напряженность, с которой индивид может справиться только благодаря свободе воли, позволяющей придать смысл самым безвыходным и критическим ситуациям. Свобода — это способность изменить смысл ситуации «даже тогда, когда дальше идти некуда».

В отличие от других адептов гуманистической психологии, Франкл трактовал самоактуализацию не как самоцель, а как средство осуществления смысла. Поэтому и рекомендованную Роджерсом, Маслоу и другими установку на самовыражение личностью аутентичных ее внутренней природе мотиваций (независимо от других, людей, либо в интенсивном **общении** с ними) Франкл считал недостаточной для ответа на вопрос «зачем жить?». Быть человеком — значит быть направленным на нечто иное, чем он сам, быть открытым миру смыслов (Логосу). Это означает не самоактуализацию, а *салют ране ценденциу* (от лат. «трансценденс» — выходящий за пределы). Именно благодаря ей, найдя смысл жизни, в подвиге, страдании, любви, совершая реальные **деяния сопряженные** с открытыми ценностями, личность развивается.

Франкл разработал специальную технику психотерапии (иногда ее называют третьей — после Фрейда и Адлера — венской школой психоанализа), ориентированную, на избавление личности от негативных состояний (тревоги, вины, гнева и т. п.), **возникающих** при столкновении с психологически трудной (или даже, ощущаемой как непреодолимая) преградой. Если личность в подобных случаях утрачивает волю к смыслу, у нее возникает состояние «экзистенциального вакуума», проявляющееся в виде чувства тоски, апатии, опустошенности.

Различные ветви гуманистической психологии развивались в попытках преодолеть ограниченность теорий, оставивших без внимания своеобразие психического строя человека как целостной личности, способной к самосозиданию, к реализации своего уникального потенциала.

Раздел 10. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Своеобразие русской психологической мысли определили социокультурные условия ее развития. После отмены крепостного права (1861) центром общественных интересов становятся проблемы переустройства жизни человека, его духовного мира. На их решении сосредоточились как великая русская литература, так и психологическая наука. Особую роль в ее развитии сыграло направление (ему принадлежит приоритет и в мировой психологии), предметом которого стало поведение животных и человека, а главной задачей — выявление объективных законов человеческого поведения с тем, чтобы на этой основе формировать новую личность.

Одно из первых открытий в этой области принадлежало, как уже говорилось, И. М. Сеченову. Не согласившись с мнением своего учителя, знаменитого немецкого физиолога Карла Людвиг (1816—1895), считавшего, что изучать мозг путем его раздражения (стимуляции) — все равно, что изучать механизм часов, стреляя в них из ружья, Сеченов отважился на такую «стрельбу» и открыл в одном из отделов головного мозга (**таламусе**) центры, которые способны задерживать реакции мышц на внешние стимулы. Вскоре немецкие физиологи выяснили, что, раздражая электрическим током отдельные участки коры головного мозга собаки, можно наблюдать произвольное движение ее конечностей.

Следует обратить внимание на принципиальное различие между этими двумя рядами фактов. Русский физиолог и его немецкие коллеги исходили из разных посылок. Немецким физиологам важно было выяснить, имеются ли в мозгу отдельные участки, которые «завешивают» изменениями в теле. За исходное они принимали прямое раздражение высших нервных центров, а за конечный эффект этого раздражения —

акцию. Связь, которую они исследовали, можно выразить отношением «мозг — реакция мышц». Такое отношение действительно **существует и**, на первый взгляд, именно его изучал Сеченов. Однако он включил указанное отношение в широкий контекст, а именно в целостное отношение «организм — среда», изменив тем самым и всю перспективу исследования. Исходным пунктом оказывался не мозг, а внешняя среда, объекты которой посредством органов чувств действуют на мозг. Конечным же пунктом стали не сами по себе сокращения мышц, а их направленность на среду с целью приспособления к ней всего организма, решающего жизненные задачи.

Благодаря этому физиология выходила за пределы привычной области: ей приходилось сообразовываться со свойствами не только живого тела, но и с условиями его реальной деятельности во внешнем мире."А это неизбежно побуждало ученых присоединить к физиологическому объяснению психологическое — особенно, когда предметом этого объяснения становился организм человека и его жизнедеятельность. Именно на этот путь вышел, в отличие от своих западных коллег, Сеченов. Он ■опирался на прежние достижения в научном (причинном, детерминистском) объяснении поведения, в частности, на восходящее к Декарту понятие о рефлексе.

Ценность понятия о рефлексе определялась тем, что -оно базировалось на принципе детерминизма, па строгой причинной зависимости работы живого тела от его устройства и внешних стимулов. Правда, с этим сочеталось представление о том, что присущее человеку сознание не является рефлекторным и потому лишено той причинности, которая присуща телесному миру. Чтобы ■справиться с дуализмом рефлекса и сознания, но не на пути понимания человека как машины (в чем его сразу же обвинили противники), а сохраняя за человеком и его психическим миром качественное своеобразие, Сеченов радикально преобразовал понятие о рефлексе. Это в свою очередь предполагало радикально новый взгляд на проблему детерминизма, па причины, которые способны объяснить развитие психики.

Напомним, что рефлекс —это целостный акт, включающий: а) восприятие внешнего воздействия, б) его переработку в головном мозгу и в) ответную реакцию ■организма в виде работы исполнительных органов (в -частности — мышечной системы). До Сеченова считалось, что по закону рефлекса работает только спинной

107

мозг. Сеченов не только доказал, что все поведение целиком рефлекторно, но и коренным образом изменил прежнюю схему «рефлекторной дуги», «замкнув» ее в «кольцо» (см. выше) и предложив формулу: «мысль это две трети рефлекса».

Многие выводы Сеченова получили неверное толкование; в частности, его обвиняли в отрицании связи между мыслью и реальным действием, в том, что мысль у него начинается там, где действие обрывается. Между тем Сеченов полагал, что задержанное благодаря торможению действие не исчезает, а как бы «уходит внутрь мозга», запечатлеваясь и сохраняясь в нервных клетках. В то же время, прежде чем «уйти вовнутрь», реальное действие организма становится «умным». Эта «мысль в действии» выражена в том, что, общаясь посредством мышечной работы с внешней средой, организм приобретает знание об ее объектах.

Хорошей иллюстрацией может служить деятельность глаз, снабженных мышечными придатками. Мышцы глаза все время незримо работают, постоянно «бегают» по предметам, определяют расстояние между ними, сравнивают их между собой, отделяют один от другого (анализ), объединяют в группу (синтез). А ведь, как известно, сравнение, анализ и синтез — это основные умственные операции, на которых основана человеческая мысль.

Таким образом, за фактом сеченовского торможения стояла идея, имевшая, как он сам подчеркивал, прямое отношение к двум основным проблемам, которыми веками занималась психология — проблемам сознания и воли. Только прежняя психология принимала сознание и волю за первичные процессы, которые совершаются внутри субъекта, и соотносила их с нервными процессами, которые совершаются в организме; Сеченов же перенес научное объяснение в новую, необычную для прежней психологии плоскость, приняв за исходное не сознание субъекта и не мозг сам по себе, а общение организма со средой. Мозг и сознание включены в этот процесс, служат неперенными посредниками между жизнью целостного организма и внешним миром.

Итак, Сеченов стал пионером в разработке учения о» поведении. Понятие поведения не было ни исключительно физиологическим (включая понятия о сознании и воле), ни чисто психологическим (включая понятия о нервных центрах, мышечной системе). Оно стало меж-

108

дисциплинарным и получило дальнейшее развитие в нескольких крупных научных школах, которые сложились на русской почве. Каждая из школ базировалась на свое/и особом учении, хотя общим для всех

стержнем оставалась категория рефлекса.

Иван Петрович Павлов (1859—1936), удостоенный на Международном физиологическом конгрессе (1904) уникального звания «старейшины физиологов мира» и Нобелевский премии (он — ее первый русский лауреат), начинал с изучения работы пищеварительных желез. Сталкиваясь с реакциями подопытных животных на пищу, он обратил внимание на то, что пищеварительные железы начинают работать не только тогда, когда пища раздражает полость рта, но и в других случаях, не имеющих прямой связи с этим раздражением — например, при звуке шагов служителя, который приносил в лабораторию пищу для подопытной собаки. Воспринимаемый мозгом звук изменял ход процессов внутри организма и так же эффективно стимулировал работу пищеварительного аппарата, как и сама пища.

Подобную функцию мог принимать на себя любой раздражитель, предварявший поступление пищи: Из нейтрального, безразличного для организма агента он становился сигналом, который управляет поведением. На этом основании рефлексы были разделены на *без-условные* (подобные реакции зрачка на свет, отдергиванию руки от горячего предмета, выделению слюны¹ при соприкосновении с едой и т. п.) и *условные*. Последние служат, согласно Павлову, основными элементами высшей нервной деятельности. Высшей — потому что они образуются при участии высших отделов центральной нервной системы, прежде всего коры головного мозга. Именно сюда поступают световые, звуковые и другие сигналы из внешней среды, позволяющие организму ориентироваться в ней, реагировать на нее, притом раньше, чем ее объекты придут в прямое соприкосновение с организмом. Полезные для жизнедеятельности объекты организм может заранее выделить в окружающей среде и устремиться к ним, вредных же будет избегать еще до того как они нанесут ему ущерб.

Воспринимаемые органами чувств сигналы вызывают в организме не только нервные, физиологические процессы; полезное или вредное выступает и в виде *психических образов* предметов (ощущений, восприятий). Поэтому сигнальная функция придает условному рефлексу двойственный характер. Он, подчеркивал Пав-

109

лов, является столько же физиологическим, сколько психическим явлением.

Павлов ставил свои эксперименты над животными, сначала собаками, затем — обезьянами. Главная же его надежда, как заявил учаный в первом же своем сообщении об условных рефлексах, заключалась в том, чтобы наука пролила свет на «муки сознания». Это заставило Павлова заняться нервнопсихическими болезнями. Переход от изучения животных к исследованию организма человека привел его к выводу, что следует разграничивать два разряда сигналов, управляющих поведением. Если поведение животных регулируется *первой сигнальной системой* (эквивалентами которой являются чувственные образы), то у людей в процессе общения формируется *вторая сигнальная система*, в которой в качестве сигналов выступают элементы речевой деятельности (слова, из которых она строится). Именно благодаря им в результате анализа и синтеза чувственных образов возникают обобщенные умственные образы (понятия).

Если сигнал ведет к успеху (или, говоря языком Павлова, подкрепляется, то есть удовлетворяет потребность организма), то между ним и реакцией на него организма устанавливается связь. Она прокладывается в том главном центре, который соединяет воспринимающие органы (рецепторы) с исполнительными (эффektorными) органами — мышцами, железами. Этот центр — кора больших полушарий головного мозга. Связи при повторении становятся все более прочными, хотя и остаются временными. Если в дальнейшем они не подтверждаются полезным для организма результатом (не подкрепляются), то прежние условные рефлексы задерживаются, тормозятся. Организм постоянно учится различать сигналы, отграничивать полезные и вредные от бесполезных. Этот процесс называется дифференцировкой.

Варьируя на протяжении 35 лет бесчисленное число раз вместе с многочисленными учениками условия образования, преобразования, сочетания рефлексов, Павлов открыл законы высшей нервной деятельности. За каждым, на первый взгляд, несложным опытом стояла целая сеть разработанных павловской школой понятий (о сигнале, временной связи, подкреплении, торможении, дифференцировке, управлении и др.), позволяющая причинно объяснять, предсказывать и модифицировать поведение. **ПО**

В сходном направлении развивались теоретические воззрения другого выдающегося русского ученого Владимира Михайловича Бехтерева (1857—1927). Будучи врачом-невропатологом, он под влиянием сеченовских «Рефлексов головного мозга» заинтересовался вопросами экспериментальной психологии. Работа в клинике (а Бехтерев был блестящим диагностом, мастером лечения гипнозом) убедила его в том, что нельзя ограничиваться анатомофизиологическими объяснениями-функций центральной нервной системы; не менее важна роль психических состояний пациентов, их субъективных реакций, переживаний. Бехтерев задумался о возможности познать эти переживания такими же строго объективными методами, какие используют анатомия и физиология. В особенности его интересовал эксперимент.

В то время уже были известны достижения экспериментальной лаборатории Вундта. К этому немецкому психологу в Лейпциг приезжали многие молодые люди из разных стран, чтобы овладеть новой наукой. Приехал к нему и Бехтерев. На практике он испытал экспериментально-психологические методы, научился определять пороги ощущений, время реакции, процесс образования ассоциаций между представлениями и другие особенности сознания. Вернувшись в Россию, он создал в -1885-году при медицинском факультете (при клинике душевных болезней) Казанского университета первую в России лабораторию экспериментальной психологии.

Бехтерев в своих психологических опытах использовал в качестве испытуемых душевнобольных. Конечно, они отличались от пациентов Вундта, программа которого строилась на субъективном методе, на предположении, что при тщательном наблюдении субъекта за процессами в собственном сознании удастся проникнуть в его структуру. На психически здорового человека можно было положиться. Но как быть с теми, у кого 'нарушена нормальная работа сознания? Уже одно это-заставило Бехтерева усомниться в непогрешимости вундтовой интроспекции (субъективного метода). Прделав огромную работу по изучению центральной нервной системы, воплощенную в классических трудах, Бехтерев сосредоточился на *объективном анализе* неотделимых от этой системы психических состояний.

Подобно другим передовым¹ русским исследователям свою главную задачу он усматривал в познании целостного человека. Он надеялся решить ее, соединив знания:

111

о человеке, добываемые различными науками, в единый комплекс. Этот комплексный подход, задуманный молодым Бехтеревым, стал путеводной нитью во всей его многогранной кипучей деятельности. Он был великолепным, полным неукротимой энергии организатором, создавшим множество различных научных учреждений, как в дореволюционный период, так и после революции. Установка на комплексность сочеталась в его творчестве с установкой на изучение целостного человека в его развитии. Именно Бехтерев стал в начале XX века инициатором разработки в нашей стране комплексной науки о *ребенке* — *педологии* — и создания специального Педологического института.

Расширяя масштабы исследований и привлекая с целью комплексного познания человека ученых самых разных специальностей, Бехтерев объединил их в большом Психоневрологическом институте, который неоднократно закрывался царскими властями за «крамольную» идеологическую ориентацию: его объективные исследования опровергали учение о бестелесной душе.

После революции, которую Бехтерев приветствовал, его главным научным центром стал Институт изучения мозга и психической деятельности в Петербурге. Кроме этого он создал множество других научных институтов, которые работали по его общему генеральному замыслу, отражавшему юношескую мечту—разработать учение о человеке как целостном существе, объединив любые знания о нем, полученные естественными и общественными науками, т. е. реализовав *принцип комплексности*. Ведь человек —это целостность, а разные области знания «расщепили» образ человека.на множество лишенных внутренней связи фрагментов. Этот план не удалось выполнить ни Бехтереву, ни тем, кто пошел по его стопам: не было единой объединяющей идеи, которая стала бы основой искомого синтеза. (Нужно различать комплексность и системность: например, солнечная или нервная система объединены неразрывным взаимодействием их частей; комплекс же представляет собой лишенные внутренней связи компоненты.)

Свою основную научную концепцию Бехтерев называл сначала объективной психологией, а затем — *рефлексологией*. Как и другие лидеры науки о поведении, он опирался на категорию рефлекса. В русской науке эта категория приобрела совершенно особые признаки. Она решительно отличалась от общепринятой концепции «рефлекторной дуги» с ее двумя «плечами» -^цент-

112

ростремительным, несущим возбуждение к мозгу, и центробежным, отражающим это возбуждение к мышцам. Коренное отличие, напомним, заключалось в представлении о том, что рефлекторное действие является не анатоомофизиологическим, а психофизиологическим. Внешние впечатления, которые вызывают изменения поведения, это не просто стимулы, подобные физическим толчкам, запускающим в ход нервную «дугу», а носители знаний об окружающем мире. Их следы могут запечатлеваться и воспроизводиться мозгом. Поэтому и итоговая двигательная реакция — продукт не «чисто» нервного, а нервно-психического (вызванного психическими впечатлениями) возбуждения.

Стремясь отграничить учение о простых рефлексах от своей концепции организации поведения, Бехтерев ввел особый термин «психорефлекс», или *сочетательный рефлекс*, т. е. сочетание следов прежнего опыта со следами нового. В этом случае сочетательный рефлекс напоминал павловское понятие об условном рефлексе. Обе схемы поведения предполагали, что однажды, возникшая связь (сочетание) внешнего впечатления (сигнала— по Павлову) с ответным действием запечатлевается в мозгу и при новом появлении сходного впечатления вызывает связанную с ним реакцию. Физиолог Павлов ставил опыты над

животными. Врач-психиатр Бехтерев — над людьми. Павлов изучал главным образом реакцию слюнной железы, Бехтерев — реакцию руки (например, если звук сочетался с легким ударом электрического тока, то впоследствии испытуемый отдергивал руку при соответствующем звуке даже без "воздействия тока").

Однажды во время войны (Бехтерев, будучи профессором Военно-медицинской академии в Петербурге, имел звание генерала) ученый использовал свой метод сочетательных рефлексов для выявления симулянтов, пытавшихся избежать службы в армии. Когда один из них пожаловался на глухоту, Бехтерев проделал очень простой опыт, включая сначала звуковой сигнал, а затем подкрепляя его электрическим импульсом, действующим на руку испытуемого. После нескольких повторений этого сочетания, он включал звук без воздействия тока, и симулянт отдергивал руку, свидетельствуя тем самым, что со слухом у него все в порядке. Это срабатывал сочетательный рефлекс.

Главное преимущество рефлексологии (как и учения о высшей нервной деятельности) определялось тем, что она утверждала приоритет объективного метода в эпоху, когда в психологии царил метод субъективный. Поэтому одну из главных своих книг Бехтерев назвал. «Объективная психология» (1907). Она была переведена за рубежом и оказала большое влияние на молодых американских психологов, начавших поход против субъективного метода и создавших мощное направление в американской психологии, получившее имя бихевиоризма (см. выше).

Вместе с тем нужно отличать науку о поведении, созданную русскими учеными, от американской ее версии. Коренное отличие заключается в том, что для русских ученых (школы Сеченова, Павлова, Бехтерева) поведение означало такое взаимодействие организма с средой (природной и социальной), которое опосредовано головным мозгом и психическими компонентами. Американцы же ограничились внешне (объективно) наблюдаемыми реакциями организма на раздражители окружающей среды, считая объективным лишь то, что дано прямому, непосредственному наблюдению. Между тем, научное знание всегда идет от внешне наблюдаемого явления к скрытым за ним механизмам, факторам, законам. Нельзя увидеть глазами работу головного мозга и динамику психических процессов; но, исходя из данных внешнего опыта, из наблюдений за поведением людей, можно проникнуть в скрытые психические механизмы их поведения.

Критики павловского учения об условных рефлексах и бехтеревской рефлексологии односторонне восприняли их основные идеи, видя в них взгляд на человека как на аппарат, механически отвечающий на внешние раздражители. Повторилась история с сеченовскими «Рефлексами головного мозга». Пафос этих учений, заключавшийся не в отрицании субъективного мира, внутренних переживаний, «мук сознания», а в их детерминистском (причинном) объяснении, не был понят.

Создатели российской науки о поведении отстаивали активный характер отношения организма к среде. Так, Павлов разработал понятие об ориентировочном рефлексе, или рефлексе «что такое?». Организм как бы непрерывно задает этот вопрос окружающему миру, стремясь выяснить значение ситуации, в которой он оказался, и наилучшим образом запечатлеть именно то, что представляет наибольшую ценность для поведения. Бехтерев обозначил сходную реакцию как «рефлекс сосредоточения» (внимание), благодаря которому пове-

114

дение становится не суммой хаотических реакций, а направленным и сосредоточенным на жизненно важных объектах процессом, отделяющим их от великого множества других непрерывно действующих на органы чувств и нервные центры раздражителей.

Таким образом, получалось, что поведение изначально активно, целенаправленно и неотделимо ни от психических образов и окружающей среды, ни от влечений (потребностей) организма. И если прежняя психология оценивала эти образы и влечения с точки зрения того, что сообщает о них субъект (благодаря своей интроспекции), то новая, прежде всего российская, психология требовала познания объективных причин и законов, действующих независимо от «свидетельских показаний» субъекта.

Этот подход получил дальнейшее развитие у великого русского ученого, академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875—1942), происходившего из древнего княжеского рода Рюриковичей. Окончив духовную академию, молодой Ухтомский перешел от религиозных исканий к естественнонаучным и в поисках ответов на извечные! вопросы о душе и теле поступил в Петербургский университет, где стал ассистентом и сподвижником одного из сеченовских учеников, известного физиолога Н. Е. Введенского. Однажды, демонстрируя студентам классический опыт, связанный с влиянием раздражений головного мозга животного на его реакции, Ухтомский стал свидетелем необычного явления. Опыт не дал ожидаемого результата: раздражение одного из участков мозга вместо того, чтобы вызвать сокращение мышц-эффекторов, привело к бурной комплексной реакции совершенно других мышц.

Этот смутивший молодого ассистента случай заставил его задуматься о причинах происшедшего. Поело многолетних раздумий, уже в послереволюционный период, став профессором университета, Ухтомский смог найти объяснение случившемуся в своем учении о доминанте (от лат. «доминанс»—

господствующий). По мнению ученого, в мозгу в каждый текущий момент имеется господствующий очаг возбуждения. Он возникает в одном из центров нервной системы и, однажды возникнув, подчиняет себе остальные. Последние, возбуждаясь, вызывают не ту реакцию, которая им положена, так сказать «по штату», а, подчиняясь господствующему очагу, усиливают его энергию. Именно это произошло в опыте молодого Ухтомского: он стал раз-Ж*

115

дражать тот участок мозга, который не был доминантным; доминантным же являлся совершенно другой, который, получив импульсы от недоминантного, немедленно сработал, что и дало неожиданную реакцию.

За этим, на первый взгляд простым, феноменом скрывались чрезвычайно важные механизмы. Оказалось, что в нервной системе складываются сложные отношения между различными центрами возбуждения, отличающиеся от анатомических, при которых одни нервные пути, благодаря анатомическому устройству органа, связаны с другими (как, например, в рефлекторной дуге). Связь центров в данном случае не анатомическая, а переменчивая, динамическая. Она образуется или разрушается в зависимости от той задачи, которую организм решает в данный момент и которая делает определенный центр господствующим, а все остальные «подстраивает» под него; в следующий момент господствующий центр может превратиться в подчиненный и т. д.

Такая динамическая система рефлексов, названная Ухтомским функциональной, и есть доминанта. Ее можно назвать рабочим органом, хотя для этого, подчеркивал Ухтомский, само понятие об органе должно быть другим, отличным от понятия об отдельном «морфологически отлитом» органе. Доминанта как принцип работы нервных центров, соответствует с психологической точки зрения тому, что называется вниманием, или — у Бехтерева — рефлексом сосредоточения; она свидетельствует об изначальной активности организма, об его «предуготованности» к действию и целенаправленной организации самого действия. При этом действие должно быть информировано о предмете, на который направлено. Поэтому в трактовку доминанты Ухтомский включил понятие об интегральном образе объекта действия, т. е. о внешней ситуации в ее целостности (а не только об отдельных раздражителях, вызывающих рефлексы).

Итак, активность поведения, его системность и регулируемость интегральным образом окружающего мира — таковы признаки, которыми Ухтомский наделил доминанту.

Здесь вновь проявилось своеобразие категории поведения, характерное для русской на-уки. С одной стороны, она охватывала понятия, относимые к организму как физиологическому устройству (нервные центры, процессы возбуждения и торможения, мышечные реак-

116

ции); с другой — включала акты внимания, интегральные образы и другие психические компоненты. Нервное (телесное) и психическое (душевное) выступали нераздельно в целостном процессе поведения. Сам же этот процесс подлежал объективному изучению исходя из принципа причинности, благодаря которому научное знание, по словам Павлова, отличается «предсказанием и властью».

Подводя итоги многолетних исследований, Павлов сказал: «Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем [Сеченовым] и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования *вместо половинчатого весь нераздельно животный организм* (выделено мною — М. #.). И это — целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли».

Что значит «вместо половинчатого»?

Это значит — вместо разделенного на психическое и телесное, каковым считался организм до возникновения в России науки о поведении. Говоря: «вместе с Иваном Михайловичем», Павлов оценивал разработку этой проблемы как развитие сеченовских идей (вместе с Сеченовым он никогда не работал); упоминая о целом «полке» своих «дорогих сотрудников», Павлов справедливо отдавал дань признательности сотням своих учеников и сотрудников, создавших новое учение о поведении.

Не менее велик вклад в это учение еще двух «полков» — научных школ Бехтерева и Ухтомского. И хотя Павлов говорил о «животном организме», важные результаты были достигнуты этими школами в объяснении поведения человеческого организма. Ведь их лидеры изначально понимали специфику человеческой формы поведения и стремились проникнуть в ее особую регуляцию, выдвинув положения о второй сигнальной системе (Павлов), о субъективном аспекте сочетательных рефлексов (Бехтерев), об особой доминанте на «лицо» (личность) другого человека (Ухтомский).

Все они искали пути научного объяснения социальной природы человеческой психики, порождаемой общением индивида с другими людьми, и его включенностью и систему культурных ценностей (прежде всего — языка). И хотя успехи в этой области не были столь блистательны, как на уровне «животного организма», они создали почву для продвижения научной, детерминистской мысли к тому уровню поведения, кото-

рый присущ человеку, «чуду и славе мира» (Павлов).

Сеченовская критика субъективного метода и новое понимание им психической регуляции поведения оказали большое влияние на профессиональных психологов, работавших преимущественно на университетских кафедрах. Психологическая проблематика осваивалась и в медицинских кругах, в университетских клиниках,

В университетской психологии доминировала принятая в западных странах трактовка психологии как науки о сознании или душевных явлениях, изучаемых субъективным методом. Лишь в одном из университетов (Одесском) разрабатывались близкие функционализму новаторские идеи, выдвинутые крупным психологом Николаем Николаевичем Ланге (1858—1921). Его главный экспериментальный труд «Психологические исследования» (1893) излагал концепцию восприятия как процесса, который проходит несколько стадий в своем развитии и непременно связан с двигательной активностью субъекта. Эти идеи подрывали господствовавшее тогда понимание психического образа как первоэлемента сознания. Выводы Ланге о связи образа с реальным движением и о существовании «круговой реакции», при которой мышцы сигнализируют мозгу о том, достигнута или не достигнута желаемая цель, говорили о биологической ориентации его теории, созвучной общей линии функционализма.

К функционализму тяготел также Александр Федорович Лазурский (1874—1917), труды которого отличало стремление сомкнуть психологию с биологией, привести естественнонаучный подход, руководствуясь идеей о том, что «чистых» психических процессов в организме не существует и любой из них, пусть самый сложный и творческий, безусловно имеет физиологическую сторону. Особое внимание ученого привлекала проблема характера и зависимости индивидуальных различий между людьми от деятельности нервных центров («Очерк науки о характерах», 1909).

Исследователи типа Н. Н. Ланге и А. Ф. Лазурского представляли в русской психологии естественнонаучное направление. Параллельно с ними активно действовали и приверженцы взгляда на психологию, как дисциплину, которая имеет «мандат» на научность только в силу ее сосредоточенности на душевном мире человека, открытом для него благодаря тренировке своего «внутреннего зрения» (хотя бы и в условиях лабораторного эксперимента).

118

Это был вариант Вундта. По образу его Лейпциг-ского института и аналогичных учреждений русский философ и психолог Георгий Иванович Челпанов (1862—1936) задумал создать в Москве специальный институт экспериментальной психологии. Он обратился к известному московскому меценату Сергею Ивановичу Щукину и уговорил его стать спонсором проекта. Тот согласился с условием, что институт будет назван именем его супруги.

Институт Челпанова, первый в России и один из лучших по оборудованию, был открыт в 1914 году. Он стал крупным очагом формирования целого поколения отечественных психологов-эксперименталистов. Челпанов представлял своим сотрудникам и стажерам широкие возможности для научного поиска. Сам же он был убежден в том, что нет иного способа изучать сознание, как путем анализа его структуры и функций.

По мере смены идейных течений в западной психологии (от Вундта к другим вариантам идеалистической трактовки сознания) Челпанов вносил коррективы в свое понимание предмета психологии (сознание) и ее метода (интроспекция). Он был превосходным организатором, лектором, популяризатором, но новаторской концепции создать так и не смог. Между тем интерес западных психологов вызывали именно те направления русской психологии, которые Челпанов отвергал как лежащие «по ту сторону психологии» (рефлексология Бехтерева, учение Павлова о высшей нервной деятельности).

Попытки выйти из тупика, созданного конфронтацией между психологией сознания, опиравшейся на субъективный метод, и успешно развивавшимся с опорой на объективный метод бихевиоризмом, предпринял ученик Челпанова Константин Николаевич Корнилов (1879—1957). Он выступил, когда в России в качестве господствующей идеологии утвердился марксизм с его философским кредо — диалектическим материализмом. Одно из положений этой философии запечатлела идея диалектического единства. Используя ее, Корнилов надеялся преодолеть как агрессию со стороны рефлексологии Бехтерева и Павлова (она претендовала на единственно приемлемое для материалиста объяснение поведения), так и субъективизм интроспективного направления во главе с Челпановым.

Основным элементом психики Корнилов предложил считать *реакцию*, в которой объективное и субъектив-

ное нераздельны. Реакция наблюдается и измеряется объективно, но за этим внешним движением скрыта деятельность сознания.

Став директором бывшего челпановского Института, Корнилов предложил сотрудникам изучать психические процессы в качестве реакций (восприятия, памяти, воли и т. д.). Однако, хотя даже названия соответствующих лабораторий были переименованы, фактически реальная экспериментальная работа свелась к изучению скорости и силы мышечных реакций. Таковой на деле оказалась предложенная Корниловым «марксистская реформа психологии»,

С Корниловым разошлись большинство психологов. Одни покинули Институт, не приняв программу превращения психологии в «марксистскую науку». Другие, считая, марксистскую методологию перспективной в плане поисков выхода психологии из кризиса, пошли, иным путем.

К последним следует прежде всего отнести выдающихся русских психологов Павла Петровича Блонского (1884—1941) и Льва Семеновича Выготского (1896—1934), внесших, в частности, значительный вклад в развитие педагогики и детской психологии. Занимаясь практикой обучения и воспитания, они смогли соотнести успехи наук о поведении (идеи Павлова и Бехтерева) с тенденциями развития мировой философско-психо-логической мысли. Именно этим, а не только личным талантом, объясняется их¹ новаторский подход к психологии, поныне сохраняющий высокую ценность. Их исследования детской психики стали составной частью весьма популярной и влиятельной в те годы *педологии* (от греч. слова «пейдос» — дитя и «логос» — учение), изучавшей развитие ребенка как целостного существа.

Если до сих пор ребенком занимались различные дисциплины (биология, генетика, социология, антропология, физиология, гигиена, психология), каждая из которых рассматривала этот объект под различными углами зрения, то педологи поставили перед собой задачу соотнести все эти знания и создать особую науку о ребенке, на которую мог бы ориентироваться учитель. Проект предусматривал самую непосредственную связь педологов со школьной практикой, повседневное изучение ребенка с помощью научных методов. Главными среди них были методы психодиагностики (тесты), с помощью которых определялся уровень умственного

120

развития детей и давались рекомендации о перспективах их обучения.

Вопрос о психическом развитии был в педологии центральным. На нем¹ и сосредоточилась энергия П. П. Блонского как психолога. (Огромную работу по строительству новой трудовой школы, проделанную им вместе с Н. К. Крупской, вынесем за скобки.) Блонский считал предметом психологии *историю поведения*, включая различные стадии (уровни) изменения субъективных состояний ребенка, эволюцию его эмоциональной жизни, памяти, произвольных актов и других психических проявлений. Во всех случаях он выделял ступени, отличающие один уровень развития от другого.

В процессе памяти, например, Блонский видел генетический ряд из четырех ступеней (прежде они считались видами памяти): *моторная память* (к ней он относил условные рефлексы и навыки), *аффективная память* (когда запоминаются эмоциональные состояния), *образная память* (запечатление и воспроизведение объектов[^] воспринятых органами чувств), *вербальная память* (знание о прошлом, излагаемое в речевой форме).

Последняя ступень присуща только человеческой памяти. Изменение культуры в ходе исторического развития, человечества изменяет и характер памяти. Новый этап, в истории психики связан с эпохой появления письменности, когда, как писал Блонский, «на смену гегемонии памяти идет гегемония мышления». Мышление, в свою очередь, является процессом, имеющим ряд качественно различных стадий.

Свои выводы Блонский делал не на основе умозрительных соображений, а опираясь на экспериментально установленные, главным образом в опытах со школьниками, данные. Так, например, давая школьникам задание выучить из учебника рассказ и ответить тогда, когда они будут его хорошо знать, Блонский выявил следующие стадии усвоения: сначала ребенок сразу же говорит, что готов отвечать; затем проверяет себя, рассказывая текст полностью; наконец, проверяет себя «по вопросам», выделяя главное. Такой самоконтроль, в свою очередь, изменяется, становится поэтапно более совершенным, что можно опять-таки выяснить путем психологических опытов. Принцип развития выступил у Блонского применительно к человеку как принцип историзма.

Все советские психологи под воздействием философии марксизма признали приоритет социальной регу-

121

ляции психики над биологической. Блонский же этим не ограничился. В своих трудах (основные из них —

«Развитие мышления школьника», «Память и мышление») он выделил в качестве детерминант (причинных факторов) психических форм человеческого поведения факторы истории культуры. Это сближает Блонского с его выдающимся современником, Л. С. Выготским, кото; рый, не ограничившись общими формулами марксистской философии, предпринял попытку почерпнуть в ней положения, позволившие психологии выйти на новые рубежи в ее собственном проблемном поле.

Марксизм утверждал, что человек — это природное существо, но природа его социальна. Этот тезис требовал видеть в человеке, земных основах его бытия продукт общественно-исторического развития. В результате разрыв между природным и культурным в учениях о человеке привел к *концепции двух психологий*, каждая из которых имеет свой предмет и оперирует собственными методами.

Для одной из них (естественнонаучной) сознание и его функции причастны тому же порядку вещей, нто и телесные действия организма, а следовательно, открыты для строго объективного исследования и столь же строго причинного (детерминистского[^] объяснения. Для другой психологии предметом является духовная жизнь человека в виде особых переживаний (возникающих благодаря приобщенности к ценностям культуры), а методом—понимание, истолкование этих переживаний.

Выготский стремился покончить с версией о «двух психологиях», которая расщепляла человека, делала его причастным различным мирам. На первых порах опорным для него служило понятие *реакции*. Однако он понимал ее не так, как Корнилов, поскольку главной для человека считал особую реакцию — речевую. Она, конечно, является телесным действием, но в отличие от других телесных действий придает сознанию личности несколько новых измерений. Во-первых, она предполагает процесс общения, а это значит, что она изначально социальна. Во-вторых, у нее всегда имеется психический аспект, который принято называть значением или смыслом слова. В-третьих, слово имеет независимое от субъекта бытие как элемент культуры. Так, в едином понятии речевой реакции сомкнулись телесное, социальное (коммуникативное), смысловое и историко-культурное.

В системе этих четырех координат (организм, об-
122

щенье, смысл, культура) Выготский стремился объяснить любой феномен психической жизни человека. Интегративность, отличавшая стиль его мышления, определила своеобразие пути, по которому, оставив понятие о речевой реакции, он шел к изучению психических функций. Принципиальное же нововведение, сразу отграничившее его теоретический поиск от традиционной функциональной психологии, заключалось в том, что в структуру функции (внимания, памяти, мышления и др.) вводились особые регуляторы, а именно — *знаки*, создаваемые культурой.

Знак (слово)—это «психологическое орудие», посредством которого строится сознание. Это понятие было своего рода метафорой: оно привносило в психологию восходящее к Марксу объяснение специфики человеческого общения с миром посредством орудий труда, которые; изменяют внешнюю природу, и в силу этого — самого человека. Речевой знак, согласно Выготскому* также своего рода орудие, но направленное на *внутренний* мир человека и преобразующее его. Ведь прежде чем человек начинает оперировать словами; у него уже имеется доречевое психическое содержание. Этому «материалу», полученному от более ранних уровней: психического развития (элементарных функций), психологическое орудие придает качественно новое строение. И тогда возникают высшие психические функции., а с ними вступают в действие законы культурного развития сознания, качественно иного, чем «натуральное», природное развитие психики (как, например, у животных).

Понятие о функции, выработанное функциональным направлением, радикально изменялось. Функционализм,. усвоив биологический стиль мышления, представлял' функцию сознания по типу функций организма. Выготский же сделал решающий шаг из мира биологии в мир культуры. Следуя этой стратегии, он приступил к экспериментальной работе по изучению изменений, которые производят знаки в традиционных психологических объектах: внимании, памяти, мышлении. Опыты,. которые проводились на детях, как нормальных, так и аномальных, побудили под новым углом зрения интерпретировать проблему развития психики.

Новшества Выготского не ограничились идеей о том, что высшая функция организуется посредством психологического орудия. Не без влияния гештальтизма он вводит понятие *психологической системы*. Ее компонен-

123

тами являются взаимосвязанные функции. Развивается не отдельно взятая функция (память или мышление), но целостная система функций. При этом в разные возрастные периоды соотношение функций меняется.. (Например, у дошкольника ведущей функцией среди других является память, а у школьника — мышление.) Развитие высших функций совершается в общении. Учтя уроки Жане, Выготский трактовал процесс развития сознания как интериоризацию. Всякая функция возникает сначала между людьми, а затем

становится «частной собственностью» ребенка.

В связи с этим Выготский вступил в дискуссию с Пиаже по поводу так называемой эгоцентрической речи. Выготский экспериментально показал, что эта речь, вопреки Пиаже, не сводится к оторванным от реальности влечениям и фантазиям ребенка. Она исполняет роль не аккомпаниатора, а организатора -реального практического действия, которое ребенок планирует, раамьпп-ляя с самим собой. Эти «мысли вслух» в дальнейшем интериоризируются и преобразуются во внутреннюю речь, сопряженную с мышлением в понятиях.,

«Мышление и речь» (1934)— так называлась, главная, обобщающая книга Выготского. В ней он, опираясь на обширный экспериментальный материал, проследил развитие понятий у детей. Теперь на передний план, выступило значение слова. История языка свидетельствует, как изменяется значение слова от эпохи к эпохе. Выготский же открыл развитие значений слов в онтогенезе, изменение их структуры при переходе от одной стадии умственного развития ребенка к другой.

Когда взрослые общаются с детьми, они могут не подозревать, что употребляемые ими слова имеют совершенно другое значение, чем то, которое им придает ребенок: ведь детская мысль находится на другой стадии развития и потому строит содержание слов по особым психологическим законам.

Важность открытия этих законов для обучения и развития маленького мыслителя очевидна. В связи с этим Выготский обосновал идею о том, что «только то обучение является, хорошим, которое забегает вперед развитию». Он ввел понятие о «зоне ближайшего развития», имея в виду расхождение между уровнем задач, решаемых ребенком самостоятельно и под руководством взрослого. Обучение, создавая эту «зону», .и ведет за собой развитие. В этом процессе внутренне сомкнуты нсз только мысль и слово, но также мысль и дви-

124

жущий ею мотив (по терминологии Выготского, аффект). Их интегралом является переживание как особая, целостность, которую Выготский называл важнейшей «единицей» развития личности. Он трактовал это развитие как драму,, в которой имеется несколько «актов»— возрастных эпох.

Творчество Выготского существенно расширило предметную область психологии. Она выступила в качестве *системы психических функций*, имеющей особую историю. Высший, присущий человеку уровень развития этой системы (отличающийся сознательностью, смысловой организацией, произвольностью) возникает в процессе вхождения личности в мир культуры.

Иной подход к разработке предметной области психологии наметили исследователи, которые, ориентируясь на марксизм, видели причину формирования сознания и его проявлений в *деятельности*. Это понятие многозначно. Сеченов говорил о психических деятельно-стях — процессах, которые совершаются по типу рефлекторных (в особом, сеченовском, понимании). Павлов ввел понятие высшей нервной деятельности, Бехтерев— соотносительной деятельности, Выготский говорил о психологических функциях как деятельности сознания. Но с обращением к марксизму, для которого прототипом любых форм взаимоотношений человека со средой является труд, трактовка деятельности приобрела новое содержание.

Первым выделил деятельность в особую, ни к ка-ки-м другим формам жизни не сводимую категорию Михаил-Яковлевич Басов (1892—1931). Первоначально он примыкал К функциональному направлению, трактовавшему сознание как систему взаимосвязанных психических функций. Однако во взгляде Басова на эту систему имелся особый аспект, связанный с его общей установкой на научный, экспериментальный анализ активности субъекта: центром ее он считал *волю* — особую функцию, предполагающую усилия личности по дости- жению осознанной цели. Басова прежде всего интересовал конфликт между волевым импульсом и произвольными, независящими от сознания движениями. Со- средоточив внимание не на внешних движениях самих по себе (рефлексах), а па их внутреннем смысле, Ба- сов, желая отграничить свой подход от подхода рефлексологов и бихевиористов, применил вместо термина «поведение» понятие о *деятельности*.

Он подчеркивал, что понимает под ней «предмет

125

особого значения», такую область, «которая имеет задачи, никакой другой областью неразрешаемы». Стало-быть, если до Басова в воззрениях на предмет психологии резко противостояли друг другу сторонники сознания и сторонники поведения, то теперь картина изменилась: Басов как бы поднялся над этим конфликтом. Этого требовала сама логика развития науки. Откликаясь на ее запросы, К- Н. Корнилов видел выход в. том, чтобы соединить под эгидой понятия реакции факт сознания (переживание субъекта) и факт поведения (его мышечное движение). Басов предлагал другое решение. Нужно, считал он, перейти в иную плоскость,, подняться и над тем, что осознает субъект, и над тем,. что проявляется в его внешних действиях. Не механически объединить одно и другое, а включить их в качественно новую структуру — деятельность.

Из чего она состоит, из каких элементов складывается? Структурализм считал, что психическая структура состоит из элементов сознания, гештальтизм — и динамики психических форм (гештальтов), функционализм — из взаимодействия функций (восприятия, памяти, воли и т. п.), бихевиоризм — из стимулов и реакций, рефлексология — из рефлексов. Басов же предложил считать деятельность особой структурой, состоящей из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются *задачей*. Эта структура может быть устойчивой, стабильной (например, когда ребенок овладел каким-либо навыком), или каждый раз создаваться заново (например, когда задача, которую решает ребенок, требует от него изобретательности). В любом случае деятельность является *субъектной*: за всеми ее актами и механизмами стоит субъект, говоря словами, Басова, — «человек как деятель в среде».

Центральной проблемой Басов считал проблему развития деятельности, ее истории. Именно она составляет главное содержание его книги «Основы общей педологии» (1928). Но чтобы объяснить, как строится и развивается деятельность ребенка, следует, согласно Басову, взглянуть на нее с точки зрения высшей ее формы, или профессионально-трудовой (в том числе и умственной) деятельности.

Труд — это особая форма взаимодействия его участников между собой и с природой. Он качественно отличается от поведения животных, объясняемого условными рефлексиями: изначальным регулятором труда служит цель, которой подчиняются и тело, и душа субъек-

126

тов трудового процесса. Эта цель осознается ими в виде искомого результата, ради которого они объединяются и тратят свою энергию.

Стало быть, психический образ того, к чему стремятся люди, а не внешние стимулы, влияющие на них в данный момент, заходя, «как закон» (говоря словами Маркса) подчиняет себе отдельные действия и переживания людей. Игры детей и их обучение отличаются от реального трудового процесса, но и они строятся на психологических началах, присущих труду: осознанной цели, регулирующей действия, осознанной координации этих действий и т. п.

Выявленная Басовым специфика труда как особой формы взаимоотношений людей с предметным миром стала прообразом разработки марксистски ориентированной психологии в Советской России. Вслед за ним по этому пути пошли С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев.

Сергей Леонтьевич Рубинштейн (1889—1960) создал свой главный труд «Основы общей психологии» (1940), работая на кафедре психологии педологического отделения Ленинградского педагогического института им. Герцена, куда его пригласил Басов. Лейтмотивом этого труда служил принцип «единства¹ сознания и деятельности».

Вспомним, что проблема системного и смыслового строения сознания была центральной для Выготского, вопрос о структуре деятельности — главным для Басова. При этом роль предметной деятельности в построении сознания оставалась вне поля зрения Выготского, как и категория сознания — вне поля зрения Басова. Рубинштейн же в своем подходе к предмету психологии попытался соединить сознание с процессом деятельности, объяснив, как оно формируется в этом процессе.

Это существенно изменяло перспективу конкретных исследований, призванных теперь исходить из того, что «все психические процессы выступают в действительности как стороны, моменты труда, игры, учения, одного из видов деятельности. Реально они существуют лишь во взаимосвязи и взаимопереходах всех сторон сознания внутри конкретной деятельности, формируясь в ней и ею определяясь».

Идея о том, что общение человека с миром осуществляется не прямо и непосредственно (как на биологическом уровне), но исключительно посредством его реальных действий с объектами этого мира, изменяла всю

127

систему прежних взглядов на сознание. Зависимость сознания от этих предметных действий, а не от внешних предметов самих по себе, становится важнейшей проблемой психологии.

Сознание, ставя цели, проектирует активность субъекта и отражает реальность в чувственных и умственных образах. При этом природа, сознания изначально социальна, обусловлена общественными отношениями. Поскольку же эти отношения изменяются от эпохи к эпохе, то и сознание представляет собою исторически изменчивый продукт.

Положение о том, что все происходящее в психической сфере человека укоренено в его деятельности, было сформулировано Алексеем Николаевичем Леонтьевым (1903—1979). Поначалу он следовал линии, намеченной Выготским, но затем, высоко оценив идеи Басова о «морфологии» (строении) деятельности, предложил свою схему ее организации и преобразования на различных уровнях: в эволюции животного мира, истории человеческого общества, а также в онтогенезе, т. е. индивидуальном развитии человека («Проблемы развития психики», 1959).

Леонтьев подчеркивал, что деятельность — это особая целостность, включающая различные

компоненты (мотивы, цели, действия), которые образуют систему. Различие между деятельностью и действием он пояснил на следующем примере. Загонщик, участвуя в первобытной коллективной охоте, скрывается в засаде. Мотивом его деятельности служит потребность в пище. Удовлетворяет же он эту потребность, отпугивая добычу. Из этого следует, что деятельность определяется, мотивом, тогда как действие — той целью, которая им достигается (спугивание дичи) ради реализации этого мотива.

Аналогичен психологический анализ ситуации обучения ребенка. Школьник читает книгу, чтобы сдать экзамен. Мотивом его **деятельности** может служить сдача экзамена и получение оценки, а действием; ~— усвоение содержания книги. Возможна, однако, ситуация, когда чтение само станет мотивом и увлечет учащегося настолько, что он сосредоточится на нем, независимо от экзамена и отметки. Тогда произойдет «сдвиг» мотива (сдача экзамена) на цель (изучение содержания книги), т. е. появится новый мотив, а прежнее действие превратится в самостоятельную деятельность.

Уже из этих простых примеров видно, насколько

128

важно, изучая одни и те же объективно наблюдаемые действия, раскрывать их внутреннюю психологическую подоплеку. Обращение к деятельности как присущему человеку способу существования позволяет включить в широкий социальный контекст изучение основных психологических категорий (образ, действие, мотив, отношение, личность), образующих внутренне связанную систему, в которой и представлен предмет психологии как науки, его главные «блоки».

Развитие русской психологической мысли в советский период шло в сложных социокультурных условиях. Октябрьская революция коренным образом изменила всю страну. Новые социальные проблемы возникли и перед учеными, в том числе психологами. Утвердился диктат марксизма как идеологии, поддерживаемой всей мощью тоталитарного государства. Философия марксизма содержала ряд постулатов, которые могли быть продуктивно применены в психологии, тем более, что мировая психология испытывала в начале XX века острейший кризис.

Психология начинала свой путь в качестве самостоятельной науки с изучения сознания субъекта, каким оно открывается его «внутреннему взору» (самонаблюдению). Но логика развития науки привела к отказу от подобного взгляда на предмет и методы психологии. С одной стороны, «крестовый поход» против сознания начали американские психологи-бихевиористы, с другой — фрейдисты, согласно взглядам которых сознание вводит субъекта в заблуждение по поводу истинных мотивов его поведения, скрытых в недрах бессознательных инстинктов. Сокрушительный удар по исходной картине сознания как некоего строения, состоящего из «кирпичей» (ощущений) и «цемента» (ассоциаций) нанесла гештальтпсихология.

Кризис науки требовал новых решений. Многие молодые русские психологи стали искать их в марксизме, привлекаясь установкой на объяснение зависимости психологии человека от социальной среды, акцентом на роли труда, практики в формировании личности и др. Наряду с этим, коренные сдвиги в обществе, где исповедовалась вера в грядущее с победой коммунизма царство свободы и справедливости, побуждали задуматься о лепте, которую психология способна внести в дело формирования нового человека. Оба эти обстоятельства — поиск¹ новых идей, готовых вывести психологию из кризиса, и установка на преобразование пси-

129

хики людей средствами обновленной науки — стимулировали прогресс молодой советской психологии.

Однако очень скоро появились признаки нарастающего запрета на свободную мысль. Первым сигналом стала высылка из страны в 1922 году большой группы выдающихся русских ученых, в идейных ориентациях которых власть усмотрела враждебность новому строю. Они были «изъяты» из отечественной культуры и общественной жизни без суда, по решению партийной верхушки. Среди высланных были ученые, трудам которых принадлежит достойное место в отечественной психологии: Семен Людвигович Франк (1877—1950), автор замечательной книги «Душа человека», скончавшийся в Лондоне; Иван Иванович Лапшин (1870—?), автор ряда работ по психологии научного и художественного творчества, близкий друг великого композитора Н. А. Римского-Корсакова, и многие другие.

Это событие, ставшее зловещим предвестником расправы с любым инакомыслием (изгнанные ученые даже не были марксистами), может быть занесено первой строчкой в печальную летопись советской репрессированной науки.

Термин «репрессированная наука» требует пояснения¹. Слово «репрессия» (от лат. «репрессио» — подавление) означает принятие карательных мер по отношению к отдельным людям или их группам. Применяя его, обычно имеют в виду различные формы преследования и наказания (высылка в эмиграцию, как в упомянутом случае, заключение в тюрьму, отправка в ГУЛАГ, расстрел, ссылка) государственными органами конкретных лиц.

Оборот «репрессирования науки» имеет более широкий и общий смысл, подразумевающий

деформацию под давлением партократической идеологии и ее карательного аппарата всего научного сообщества (с его ценностями, программными ориентациями, нормами общения и деятельности) и духовной жизни в целом.

В первые послереволюционные годы исследовательская работа в психологии, в соответствии с государственно-партийным диктатом, могла вестись не иначе как «под знаменем марксизма». Этот лозунг стал названием журнала, призванного, согласно указанию Ле-

¹ Данный термин принадлежит М. Г. Ярошевскому; см. книгу: Репрессированная наука/Под ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. (Прим. ред.) . . . ;....

130

нина, статья глашатаем «воинствующего материализма». С боевым призывом «создать марксистскую психологию» выступил Корнилов, вчерашний ученик. Г. И. Челпанова. Изгнав последнего из созданного им института и став вскоре его директором, Корнилов объявил свою реактологию (см. выше) истинной, «марксистской» психологией. Справедливости ради надо отметить, что под знаком марксизма успешно развивались и более продуктивные психологические школы и направления: Басова, Выготского, Блонского и др. Сблизить свои концепции с марксизмом стремились и сторонники рефлексологии.

В конце 20-х — начале 30-х годов в стране произошел экономический, политический, идеологический переворот. Наступил беспредел сталинщины. В 1931 году Сталин продиктовал постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». Прежняя брань, раздававшаяся со страниц этого журнала в адрес отечественных ученых (В. И. Вернадскому, например, инкриминировалась попытка спасти «разрушающееся здание-буржуазной метафизики»), показалась недостаточно сильной. На сей раз Сталин потребовал начать глобальную войну на «два фронта» — против идеалистов, и против «механицистов». Эта директива была немедленно воспринята как руководство к действию и в кругу психологов, среди которых нашлись любители разоблачения своих коллег.

«Разоблачениям» придавали видимость дискуссий, извратив тем самым сущность этой важнейшей формы научного общения. За «механицизм» подверглись критике концепции Бехтерева, Корнилова и других. Психолог Б. Г. Ананьев обвинил в идеализме Выготского и его школу. Партийные организации чинили «суд» и «расправу». Под особое подозрение попадал тот, кто, анализируя концепции западных психологов, не обличал их враждебную буржуазную сущность. Усердно культивировалась версия о несовместимости марксистской советской психологии и «прогнившей» буржуазной. Чтобы избежать полной изоляции отечественной науки от мировой, психологам приходилось прибегать к «обходным маневрам», в частности, отделять установленные факты от их теоретической основы, «отравленной» идеалистическим или иным «пагубным» влиянием.

Новая война репрессий обрушилась на психологию-после постановления ЦК ВКП(б) о педологии (1936). К педологам были отнесены и многие лидеры психоло-

131

гии. Дело в том, что в педологии доминировали проблемы умственного развития, диагностики психических различий и прочие темы, издавна относившиеся к компетенции исследователей поведения и сознания. Партийное постановление в одночасье ликвидировало целую дисциплину, притом напрямую связанную с практикой обучения и воспитания. Началось «разоблачение» тех, в ком видели противников версий, официально одобренных партийным аппаратом. За критикой следовали пресловутые «организационные выводы» — изгнание из исследовательских учреждений, разгром научных школ, признанных одиозными и т. п. Вес, на чем стоял гриф «педология», оказалось под запретом, в том числе работы выдающихся российских психологов, запрятанные на многие годы в «спецхраны».

Вслед за педологией была уничтожена и имевшая большую практическую ценность психотехника (ее ведущего представителя И. Шпильрейна расстреляли), а затем и психология труда. Чтобы отправить миллионы рабов в ГУЛАГ, не требовалось психологических исследований личности, ее способностей, условий выработки навыков, изучения мотивации и других научных изысканий.

Следующая глава в истории репрессированной психологии охватывает вторую половину сороковых годов. С этим периодом связаны так называемая «борьба с космополитизмом», когда отстаивание интернационального характера науки влекло за собой лишение права заниматься ею, а также организация (под непосредственным контролем Сталина) псевдодискуссий по различным наукам: биологии, физиологии, языкознанию. Во всех случаях патриотизм ученых усматривался не в обогащении мировой науки путем интеграции с ней, а в изоляции от нее. Зарубежные контакты стали восстанавливаться лишь в послесталинский период, когда русские психологи после нескольких десятилетий отсутствия появились на зарубежных конгрессах.

С «потеплением» отношений между Россией и Западом происходили существенные сдвиги и в научных исследованиях, касавшихся конкретных психологических проблем. Однако атмосфера репрессированной науки не развеялась и в последующие годы. Миф о том, что марксистское учение о

сознании — это особый, высший этап в развитии мировой психологической мысли, продолжал тяготеть над теоретической психологией. Он сопрягался с другим мифом, согласно которому совет-

132

ский человек представляет собой особую породу, обладающую уникальным психическим строем. Своего апогея проповедь этого мифа достигла в «творчестве» одного из партаппаратчиков, написавшего книгу «Советский человек» и удостоенного за это звания действительного члена Академии наук СССР.

Пренебрежение догматической установкой на обусловленность сознания советского человека образом его жизни (который изображался высшим этапом в развитии человеческой культуры) грозило остракизмом. Принятие же ее преграждало путь к изучению реальных, «эмпирически данных» особенностей внутреннего мира и поведения людей в условиях тоталитарного общества. Но и в этих условиях, вопреки мифологизации и идеологизации знаний о человеческой личности, российская психология, используя «тактику выживания», добилась в ряде отраслей позитивных результатов, не уступающих по своей значимости достижениям мировой науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудный и извилистый путь прошла научная мысль & поисках ответа на извечные вопросы о природе психики... Мы проследили отдельные отрезки этого пути. Конечно,, многое осталось неосвещенным. Накопленных представлений об историческом пути психологии' недостаточно, чтобы воссоздать полную картину развития этой: области знаний.

Научные ценности имеют общечеловеческое значение. Интернациональное может питаться только за счет национальных ручейков, в свою очередь черпающих, энергию во всеобщих могучих ресурсах человеческого познания. Об этом свидетельствует, в частности, история психологии. Так, великие достижения античности стали возможны благодаря тому, что мыслители этой эпохи учились у народов древнего Востока. Достижения древних греков были усвоены и обогащены в ара-боязычных странах, а затем восприняты исследователями, от которых ведет свою родословную новая европейская или американская психология.

История психологии не только преподносит урок интернационализма, но и свидетельствует о связи научных идей с конкретной социальной почвой. Ученые — дети своей эпохи, своего народа, и общечеловеческая работа мысли преломляется сквозь призму запросов данной конкретной эпохи, данного народа. Так, говоря слова-Ми И. П. Павлова, прагматизм Джемса, учения Торн-дайка или бихевиористов суть продукт «делового американского ума», идеи адаптации индивида к среде, в= которой он стремится выжить.

Психология в нашей стране возникла в борьбе за новую Россию, свободную от рабства и барства. Именно этими идеалами вдохновлялись в пред- и послереволюционные годы передовые русские психологи, полагавшие, что наконец-то появился на Земле свободный человек, обучая и воспитывая которого они выполняют

134

великую историческую миссию. Этот социальный порыв определил главные достижения психологии советского периода.

Вместе с тем нельзя понять динамику научных знаний в отрыве от реальной жизни общества. Так, атмосфера эпохи сталинщины, надолго затянувшаяся после смерти тирана, вынуждала людей науки оглядываться на, указующий перст партократической инквизиции, превращая психологию, как и многие другие дисциплины, в репрессированную науку. И все же, вопреки всем идеологическим сложностям, работа на проблемном поле психологии не оскудела.

В традициях отечественной науки, в ее историческом •опыте — потенции и будущее отечественной психологии. «Мы сделаемся тем, чем мы должны и можем быть судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы» — говорил Павлов на III съезде по экспериментальной педагогике В Петрограде (1916). В этих эпизодах он, по собственному признанию, черпал энергию в минуты мрачных раздумий, навеянных происходящим.

Наряду с социальным и личностным аспектом изучение истории науки проливает свет на объективную логику ее развития, подчиняющую себе волю и мысль исследователя. Научное исследование — это вечный поиск ответов па вопросы «почему» и «как». Каким образом происходят данный процесс или явление, каковы их механизмы? Почему и как человек поступает, думает, запоминает, чувствует? На протяжении веков вопросы оставались теми же, менялись лишь ответы.

Вспомним, как отвечали на вопрос о причинах различий в психическом складе людей Гиппократ и Фрейд; или как-объясняли процессы мышления Платон и Гарт-ли, Пиаже и Блонский. Путеводной нитью,

позволяющей историку выйти из нескончаемого лабиринта гипотез и теорий, открытий и фактов, касающихся загадочных механизмов душевной жизни, служит принцип детер-. злинизма. Следуя ему, можно выделить ряд этапов в эволюции психологических идей.

Античное понятие о душе как разновидности огненного вещества (Гераклит, Демокрит) стало настоящей интеллектуальной революцией. Она разрушила анимистические представления о том, что в телах обитают отлетающие от них невидимые духи (анимизм). Душа -как разновидность атомов, как часть мироздания была поставлена в зависимость от физических законов. Более

135

зрелое, естественнонаучное объяснение души как неотделимой от живого тела формы, данное Аристотелем,, обусловило главные успехи психологии. Зависимость душевных явлений от организма и его материальной среды идеализм считал несущественной. Вместе с тем,, мыслители-идеалисты Августин, Лейбниц, Гегель поставили ряд великих проблем, которые стимулировали движение психологической мысли в течение столетий.. Новый этап в развитии детерминизма открыла научная революция XVII века. Сотворенная человеком машина выступила как модель объяснения и человека, и природы. От представления об организме как машине-(отсюда — учения о рефлексе, ассоциации, аффекте и др.) детерминистская мысль перешла к формуле «человек—машина».

В середине XIX века возник новый — биологический—детерминизм. Тогда же начали укрепляться представления о социальной сущности сознания человека (Маркс). Биологический детерминизм дал мощный импульс развитию психологии. Сознание не могло более считаться неким избыточным продуктом жизни, который так же мало влияет на нее, как гудки локомотива на его движение. Жизнь организма зависит от того,, что необходимо для его выживания и развития, и психика играет в этом активную роль регулятора. Если раньше детерминизм делал акцент на телесных, физических (внешние раздражители, процессы в мозгу) причинах психических явлений (восприятие, память, внимание и др.), то теперь экспериментальные научные-данные показывали, что эти психические явления сами служат причиной поведения и подчинены собственным законам. С открытием биологами и физиологами зависимости жизни организма от психики (как особой активной, высшей и развивающейся формы жизни) возникла психология как самостоятельная наука.

Таким образом, стало ясно, что существует *психи-ческая причинность*, несводимая к объяснениям, предложенным другими дисциплинами, прежде всего, биологией (изучавшей устройство и работу организма, головного мозга) и социологией (рассматривавшей влияние на индивида социальной среды). Эту причинность образует система детерминант, которые запечатлел-категориальный аппарат психологии.

Какую бы частную задачу ни решал человек: почему ребенок поступил так, а не иначе, в чем различия между сексуальной жизнью женщины и мужчины, мож-

136

ио ли с этим парнем «пойти в разведку», каким образом лучше выучить иностранный язык, почему у знакомого странности в поведении, как избежать конфликта с соседом, почему человек невнимателен или непонятлив и т. д. и т. п. — во всем этом бесчисленном количестве вопросов неотвратно заключен психологический смысл. Отвечать на них приходится повседневно. Но чтобы найти научный, аргументированный, а не обывательский ответ, необходимо - владеть категориальным аппаратом психологии, тем особым «органом», работа которого позволяет высветить психическую реальность на доступную (на данной фазе эволюции знаний) глубину. Причем постижение этого аппарата, логики его работы возможно не иначе, как путем концентрированного анализа исторического опыта многих поколений.

Изучение категориального аппарата, как уже говорилось,— особая задача. Чтобы понять его отличие от познаваемых с его помощью психических явлений, сравним его с воспринимающим внешние объекты глазом. Поступающая от глаза информация говорит о красках, линиях, формах и т. п. Но, чтобы узнать, как работает сам орган зрения, мы должны отвлечься от¹ внешнего мира, обратиться к совершенно другому объекту, а именно к зрительной системе. Такой же «поворот взора» (рефлексию) следует произвести, чтобы отвлечься от какой-либо научной теории или научной школы и узнать, как она возникла и чем обогатила наше знание о мире (в данном случае — психическом).

Об одном из «стержней» категориального аппарата— принципе причинности — уже было сказано немало. Кроме него категориальный аппарат включает и другие глобальные объяснительные принципы, в первую очередь, системности и развития. Как и принцип детерминизма, принцип системности изначально историчен. Системно мыслили Аристотель и Павлов, Дарвин и Басов, Келер и Ухтомский, великое множество других исследователей. В их системном подходе можно найти много общего, но главное выявляется тогда, когда мы узнаем, чем он обогащается из века в век, что нового вносит в научную картину душевной жизни. Это же относится и к принципу развития: будучи продуктом длительного развития, он

по-разному объяснял психику в различные периоды.

Вместе с тем недостаточно указать на эти три принципа, чтобы объяснить роль категориального аппарата науки в построении психологического знания. Ведь

137

причинность, системность, развитие служат рычагами научного исследования не только в психологии, но и во всех дисциплинах — от астрономии до языкознания. Повсюду **ищут** причины явлений, изучают их упорядоченность (солнечная система, система языка) и закономерности развития. Для создания же *собственной структуры* психологической мысли нужно в ее исследовательском аппарате найти категории, которые запечатлели бы уникальность, самобытность психических явлений. Эти категории — образа, мотива, действия, отношения, личности — образуют систему наиболее общих понятий, «впянную» в категориальный аппарат, сквозь «магический кристалл» которого психика выдает науке свои тайны.

Историческое исследование признано «диагностировать» ценность, новизну и оригинальность знания, определив тем: самым, удалось ли продвинуться вперед в познании природы вещей, либо дело ограничилось заменой одних слов другими.

Перед нами прошли разные стадии в научном познании психики — от древности до наших дней. В их смене есть определенная логика, своего рода закономерность. Древо познания ветвится по своим законам, постичь которые можно, лишь обратившись к истории рождения, преобразования и гибели конкретных воззрений на психические формы жизни. Проникновение в тайны истории не только предостерегает от повторения прежних ошибок и открытия давно известного; анализ логики развития науки делает также возможным вероятностный прогноз ее дальнейшей эволюции. Память науки, подобно памяти человека, сберегается ради будущего.

Рекомендуемая литература

- Бехтерев В. М.* Объективная психология. М., 1991.
- Богомолов А. С.* Античная философия. М., 1985.
- Выготский Л. С.* "Собр. соч.: В 6 т. "М., 1982. Т. II; ИГ
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Джемс У.* Психология/Пер. с англ. М., 1991.
- Ждан А. Н.* История психологии: от античности до наших дней. М., 1990.
- Из истории русской психологии. М., 1961. (С. 296—437). История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. *Келлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
- Лазурский А. Ф.* Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912. *Ланге И. И.* Психологические исследования. Одесса, 1893. *Лангс И. И.* Психология. Б. м., 1914(?).
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1977. *Павлов И. П.* Поли. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.-Л., 1951. Т. III: Двенадцатилетний опыт.
- Петровский А. В.* Вопросы теории и истории психологии. М., 1984. *Лиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.-Л., 1932. Психологическая наука в СССР: В 2 т. М., 1959. Т. I. [С. 9—54]. Психология: Словарь. 2-е изд./Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. *Сеченов И. М.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1958. Т. II. *Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. Современная психология в капиталистических странах. М., 1963. [С. 31—2031].
- Уотсон Д.* Психология как наука о поведении / Пер. с англ. Одесса, 1925.
- Ухтомский А. А.* Собр. соч.: В 6 т. Л., 1962. Т. VI.
- Франк С. Л.* Душа человека. Пг., 1917^
- Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы/Пер. с нем. М., 1993.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
- Фрейд З.* «Я» и «Оно»/Пеп. с нем. Тбилиси, 1991. Т. I—III.
- Фромм Э.* Душа человека /Пер. с нем. М., 1992.
- Фромм Э.* Иметь или быть? / Пер. с англ. М., 1990.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени / Пер. с англ. М., 1993. Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1990. [С. 3—152].
- Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. Хрестоматия по психологии. М., 1987. [С. 6—108, 300—331]. *Юнг К.* Апхетип и символ/Пер. с нем. М., 1991. *Юнг К.* Проблемы души нашего времени/Пер. с нем. М., 1993. *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1985. *Ярошевский М. Г.* Л. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993. *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1974. в эпоху

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....

Раздел 1. История психологии: ее предмет и задачи

Раздел 2. Античная психология.....

Раздел 3. Развитие психологических знаний
феодализма

Раздел 4. Психологическая мысль в XVII веке Раздел 5. Психологическая мысль в XVIII веке Раздел 6.

Зарождение психологии как науки '. Раздел 7. Развитие экспериментальной психологии Раздел 8.

Основные психологические школы Раздел 9. Эволюция психологических школ и

направлений Раздел 10. Развитие психологической мысли в России

Заключение.....

Рекомендуемая литература

Библиотека школьного психолога (по заказу Министерства образования России)

Учебное издание Ярошевский Михаил Григорьевич

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Одобрено редакционно-Издательским советом Международной педагогической академии

Ответственный за выпуск *Д. А. Алексеев*

Технический редактор *В. И. Калинина*

Корректор *Л. В. Попова*

Сдано в набор 20.03.95 г.

Подписано к печати 25.04.95 г.

Формат 84X108V_s2- Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 4,5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 312.

Международная педагогическая академия '

127521, Москва, бокс 22.

АО «Чертановская типография»

113545, Москва, Варшавское шоссе, д. 129а.